

Москва и Восточная Европа

Национальные модели социализма в странах региона
(1950–1970-е гг.)

Формирование, особенности, современные оценки

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Москва и Восточная Европа

Национальные модели социализма в странах региона
(1950–1970-е гг.)

Формирование, особенности, современные оценки

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(4)
М821

Сборник статей подготовлен при поддержке РFFИ.

Проект № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.»

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *А. С. Аникеев* (ответственный редактор)

доктор исторических наук *Т. В. Волокитина*,

кандидат исторических наук *А. С. Стыкалин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. А. Улунян*

кандидат исторических наук *А. А. Пивоваренко*

M821 Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. Сборник статей / Редколл.: А. С. Аникеев (отв. ред.), Т. В. Волокитина, А. С. Стыкалин. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-4469-1634-4

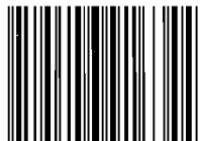
DOI 10.31168/4469-1634-4

В сборнике исследуется широкий спектр вопросов, связанных с формированием и попытками реализации в странах Восточной Европы национальных моделей социализма, ориентированных на исторические традиции, образ жизни и менталитет народа. В сопоставлении с советской базовой моделью рассмотрены их сходные черты и отличия, эволюция идеологии и практики национального социализма, характер отношений с иерархическим центром и пр. Особое внимание удалено югославской практике построения социализма как альтернативе советскому опыту. Исследуется разработка югославской концепции самоуправления, ее практическая реализация в 1950–1970-е гг. и восприятие в странах региона.

Издание предназначено для историков, специалистов-международников и широкого круга читателей.

В оформлении обложки использована фотография фрагмента работы хорватского художника-примитивиста Ивана Генералича (1914–1992) «Landscape with grass» («Пейзаж с травой») 1959 г.

ISBN 978-5-4469-1634-4

9 785446 916344

© Коллектив авторов, текст, 2020

© Концепция обложки П. К. Донской, 2020

© Институт славяноведения РАН, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

Введение	7
Советская модель социализма и проблема вариативности послевоенного общественно-политического развития стран Восточной Европы	
<i>A. В. Зайцев</i>	
Несбыточные мечты генерала Гундорова: планы строительства социализма в Восточной Европе и Славянский комитет СССР	15
<i>T. B. Волокитина</i>	
Болгария: феномен народной демократии как альтернативной модели в оценках прошлого и настоящего	28
<i>A. C. Аникеев</i>	
Разрыв с Москвой и зарождение югославской модели социализма.....	37
<i>A. A. Силкин</i>	
«Опыт русского пролетариата даст нам возможность правильно проводить ту же задачу в Югославии...» Участие югославских студентов в коллективизации в СССР в начале 1930-х гг.	60
Национальные модели социализма: формирование, особенности, реализация, современные оценки	
<i>E. Ю. Гуськова</i>	
Реформы послевоенной политической системы Югославии: за или против социализма?.....	77
<i>A. С. Стыкалин</i>	
У истоков румынской национальной модели коммунизма. К вопросу о влиянии XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского фактора.....	96

K. Кимура	
К вопросу о влиянии югославского фактора в Венгрии. Нормализация югославско-венгерских отношений (июль–октябрь 1956 г.)	121
A. Б. Едемский	
Эволюция подходов советского руководства к югославской модели самоуправления (1950-е– начало 1960-х гг.)	141
I. Н. Селиванов	
На новом витке борьбы против югославского «ревизионизма». Реакция партийной печати социалистических стран Восточной Европы на решения VII съезда Союза коммунистов Югославии (1958 г.)	161
B. В. Никитин	
Две модели реализации «социалистической» интеграции: ЧССР–СССР–СЭВ и ЧССР–СФРЮ.....	188
B. С. Новосельцев	
Внешнеполитический аспект югославской и румынской моделей социализма в конце 1967 – первой половине 1968 гг.....	211
B. В. Волобуев	
Римско-католическая церковь в ПНР (1944–1989 гг.): оппозиция или часть системы?	226
G. Н. Энгельгардт	
«Детитоизация» в Югославии. Донесения советского посольства в Белграде о кампании критики деятельности и наследия Й. Броз Тито в 1990 г.	244
K. В. Никифоров	
«Особый путь» социалистической Югославии и постюгославских государств	259
H. M. Куренная	
Венгерская версия советской модели соцреализма	273
Список сокращений.....	283
Сведения об авторах	284

Contents

Introduction	7
The Soviet model of Socialism and the problem of variability of the post-war socio-political development of Eastern Europe	
A. V. Zaitsev	
Unrealistic dreams of General Gundorov: plans for building Socialism in Eastern Europe and the Slavic Committee of the USSR	15
T. V. Volokitina	
Bulgaria: the phenomenon of popular democracy as an alternative model in assessments of the past and present.....	28
A. S. Anikeev	
The break with Moscow and the birth of the Yugoslav model of Socialism....	37
A. A. Silkin	
“The experience of the Russian proletariat let us carrying out the same task correctly in Yugoslavia ...” The participation of Yugoslav students in collectivisation in the USSR in the early 1930s.....	60
National models of Socialism: formation, features, implementation, modern assessments	
E. Yu. Guskova	
Reforms of the post-war political system in Yugoslavia: for or against Socialism.....	77
A. S. Stykalin	
At the origins of the Romanian national model of Communism. To the question of the influence of the Twentieth Congress of the CPSU, the Hungarian revolution of 1956 and the Yugoslav factor.....	96

Kaori Kimura

- To the question of the influence of the Yugoslav factor in Hungary.
 Normalisation of Yugoslav-Hungarian relations (July – October 1956) ... 121

A. B. Edemskiy

- The evolution of approaches of the Soviet leadership to the Yugoslav model of self-government (1950s – the early 1960s)..... 141

I. N. Selivanov

- At a new round of the struggle against Yugoslav "revisionism".
 Reaction of the party press in the Socialist countries of Eastern Europe to the decisions of the Seventh Congress of the Union of Communists of Yugoslavia (1958) 161

V. V. Nikitin

- Two models for the implementation of "Socialist" integration:
 Czechoslovakia – USSR – CMEA and Czechoslovakia – SFRY 188

B. S. Novoseltsev

- The foreign policy aspect of the Yugoslav and Romanian models of Socialism in the late 1967 – first half of 1968 211

V. V. Volobuev

- The Roman Catholic Church in Poland (1944–1989):
 The opposition or a part of the system? 226

G. N. Engelhardt

- "Detitoisation" in Yugoslavia. Reports of the Soviet embassy in Belgrade on the campaign of criticism of the activities and heritage of Josip Broz Tito in 1990. 244

K. V. Nikiforov

- The "Special Way" of Socialist Yugoslavia and post-Yugoslav States 259

N. M. Kurennaya

- The Hungarian version of the Soviet model of Socialist realism 273

- Abbreviations 283

- Contributors 284

- Abstract 286

Введение

Представленный сборник статей посвящен вопросам оформления и функционирования национальных моделей социализма в странах Восточной Европы в 1950–1970-е гг. Он является логическим продолжением работы российских специалистов-историков по изучению реалий и опыта югославского социализма и его восприятия в странах региона¹. В основе сборника — материалы «круглого стола», прошедшего 4 декабря 2018 г. в Институте славяноведения РАН в рамках исследовательского проекта «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.». Проект поддержан Российской фондом фундаментальных исследований.

В конце 1940-х гг., после установления в странах Восточной Европы монополии коммунистических партий, актуализировался вопрос о переходе к социализму. Национальные коммунисты исходили из действовавшей в те годы и одобрявшейся Москвой концепции «национальных путей» к новому общественному строю. Они опирались при этом на «советы» Сталина, неоднократно, в беседах с руководителями компартий, рекомендовавшего не копировать советский опыт строительства социализма, а учитывать национальные особенности своих стран и их исторического развития, традиции, образ жизни и менталитет народа. Однако усиливавшаяся напряженность в отношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской

¹ См.: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Анисеев. М.; СПб., 2017.

коалиции, появление первых «заморозков», а затем начало «холодной войны» и стремительно менявшаяся по мере ее эскалации международная обстановка потребовали единства действий советского блока во главе с СССР на международной арене. Основными способами обеспечения такого единства были признаны «сталинизация» правящих компартий (их превращение в партию «нового типа») и унификация внутренней и внешней политики всех входящих в блок стран. Обязательным примером для подражания становилась проверенная на практике советская модель построения социализма, зримым результатом реализации которой явились разгром германского фашизма и японского милитаризма и превращение СССР в мировую державу. Концепция «национальных путей к социализму» была осуждена как ревизионистская и подвергнута остроклизму. К ней восточноевропейские коммунисты вернулись только после смерти советского харизматического лидера в марте 1953 г.

Постепенно в странах народной демократии стали появляться отдельные ростки нового отношения к социализму, зарождалось стремление преодолеть догматические схемы советской модели. Однако любые действия в этом направлении жестко контролировались Кремлем, а переход границы дозволенных экспериментов завершался применением силовых вариантов их подавления с последующими репрессиями, как в Венгрии в 1956 г. и позднее, в 1968-м, в Чехословакии, и восстановлением прежней «партийно-государственной демократии».

История национальных моделей социализма, возникших в Восточной Европе, их сходные черты и отличия, эволюция идеологии и практики национального социализма, попытки их отстоять и защитить от давления Москвы, возникавшие на этой почве кризисы, часто с трагическим исходом, характер отношений с иерархическим центром и некоторые другие вопросы рассматриваются в данном сборнике.

Большая группа статей посвящена истории послевоенной Югославии, в которой после возникшего в 1948 г. конфликта с СССР впервые была реализована, как считают Е.Ю. Гуськова и А.С. Анисеев, национальная форма социализма, получившая позднее название югославской модели. Рассматриваются ее теоретическая база, специфика и особенности функционирования в начале 1950-х гг. и в последующий период. Авторы обосновывают вывод о том, что

проведенные в стране самоуправленческие реформы, несмотря на их определенную декларативность, позволили сделать более эффективной югославскую экономику, внесли элементы либерализации в общественную жизнь. Югославия вне советского блока стала объектом внимания Запада, а ее модель социализма рассматривалась как возможный политический, идеологический и экономический вариант развития, альтернативный практике СССР. Данные выводы оспаривает *К. В. Никифоров*, подчеркнувший, что югославская модель социализма мало отличалась от существовавших в других странах Восточной Европы общественных систем: власть в Югославии также концентрировалась в руках одной партии и одного лидера, бессменно управлявших страной в течение многих лет, рабочее самоуправление, несмотря на важное значение для общественного развития, со временем бюрократизировалось и утратило первоначальную эффективность. Определенная стабильность в многонациональной федерации, не исключавшая периодические кризисы, обеспечивалась в 1950–1970-е гг. огромным репрессивным аппаратом и особой политикой федерального центра, передававшего все больше полномочий республиканским партийным элитам, что и привело, в итоге, к развалу страны. О первых шагах по созданию рабочего самоуправления в Югославии и восприятии этих событий в Москве говорится в статье *А. Б. Едемского*. Реакция была предсказуемой: действия «титовцев» характеризовались как очередной антирабочий, пропагандистский акт и предательство социализма. Впоследствии советское руководство отказалось от огульных характеристик югославской модели, сохранив негативные оценки ее идеологического содержания. Отношение советской партийной верхушки к начатым в Югославии на исходе 1950-х гг. поискам идеологической идентичности, за которыми скрывались и амбициозные расчеты на лидерство в коммунистическом мире, рассматривается в статье *И. Н. Селиванова*. Автор показывает, что развернутая в странах советского блока после принятия весной 1958 г. на VII съезде СКЮ новой программы партии масштабная кампания против югославского «ревизионизма» была инициирована Москвой. Причиной было намерение советской стороны заставить руководство Югославии задуматься о возвращении в лагерь социализма, что было в то время главной задачей Н. С. Хрущёва и его окружения. *Б. С. Новосельцев* сосредоточился на выяснении причин и обстоятельств сближения Югославии и Румынии в 1967–1968 гг.,

в том числе на анализе моделей их внешнеполитического поведения в канун и во время событий Пражской весны, которые рассматривались в Белграде и Бухаресте как эвентуальная угроза своим странам. Статья А.А. Силкина посвящена обучению молодых югославских коммунистов в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), по окончании которого выпускники могли применить полученные знания на практике, участвуя в коллективизации советской деревни в 1930-е гг. Автор подчеркивает, что полученный ими опыт был впоследствии востребован в ходе реализации послевоенных планов строительства социализма в Югославии. Хронологически завершая югославскую тему, Г.Н. Энгельгардт представил в статье результаты аналитической деятельности сотрудников советского посольства в Белграде на рубеже 1980–1990-х гг., отразившие оценки кампаний критики личности Й. Броз Тито и его наследия, что обозначило начало системного кризиса в стране.

Внимание исследователей привлекли знаковые события осени 1956 г. Освещая процесс формирования румынской модели социализма, специфика которой особенно отчетливо проявилась во внешней политике государства, А.С. Стыкалин анализирует значение XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского факто-ра на румынскую модель строительства социализма. О влиянии югославской модели на общественно-политическую жизнь Венгрии в период общественно-политического кризиса 1956 г. идет речь в статье К. Кимуры.

Б.В. Никитин рассмотрел механизмы и инструменты экономического сотрудничества Чехословакии и СФРЮ в 1960–1980-е гг., в том числе и в рамках СЭВ: отмечены его поступательное развитие и последующее замедление из-за начинавшегося кризиса внутри со-дружества, а затем и постепенного распада советского блока и, соот-ветственно, экономической системы социалистической интеграции.

Роль польского костела в послевоенной политической и обще-ственной жизни Польши в 1950–1980-е гг. исследует в своей статье Б.В. Волобуев, особо отмечая значительное влияние католическо-го клира на процесс принятия решений партийным руководством страны.

Предмет изучения Т.В. Волокитиной – народно-демократическая модель, открывавшая возможность перехода к социализму своим «национальным путем», используя отличные от советского образца

формы и методы достижения конечной цели. Автор делает вывод о народно-демократической модели как о несостоявшейся альтернативе советской модели социализма.

А. В. Зайцев, изучивший материалы Славянского комитета СССР, проанализировал всестороннюю деятельность этой государственной структуры по реализации «славянской политики» и отношение к планам строительства социализма в восточноевропейских странах. В научный оборот введены документы из личного фонда бессменного руководителя комитета генерала А. С. Гундорова.

Влияние созданного в СССР и «рекомендованного» другим странам народной демократии метода социалистического реализма в культуре на литературно-художественную жизнь Венгрии рассматривается в статье Н. М. Куренной. Автор-литературовед прослеживает судьбу национальной версии соцреализма, приводит его оценки современниками, определяет место и роль метода в литературно-художественной парадигме Венгрии.

Авторский коллектив надеется, что сборник статей не только пополнит перечень отечественных исследований по истории стран Восточной Европы после Второй мировой войны², но и расширит и углубит представление о проходивших в этом регионе процессах и, возможно, поможет лучше понять причины распада советского блока в конце XX в.

² См., например: Политические системы СССР и стран Восточной Европы 20–60-е годы /Отв. ред. А. Ф. Носкова. М. 1991; Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002; Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермиссию» с коммунистическим финалом. 1944–1948 /Отв. ред. В. В. Марынина. М., 2002; Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории /Отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб., 2017.

**СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА
И ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ
ПОСЛЕВОЕННОГО ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

inlav

A. B. Зайцев

Несбыточные мечты генерала Гундорова: планы строительства социализма в Восточной Европе и Славянский комитет СССР

С июля 1941 г. ЦК ВКП(б) призывал к единству всех славянских народов в борьбе с фашизмом. В 1942 г. в Москве оформился Всеславянский комитет с национальными секциями. Возглавил его генерал-лейтенант инженерных войск Александр Семенович Гундоров (1895–1973), всегда признававший, что не понимает причины своего назначения. Вероятно, решающую роль сыграло личное знакомство с возглавлявшим Московский горком ВКП(б) и Совинформбюро А. С. Щербаковым. В 1946 г. в Польше, Болгарии, Югославии, а также в каждой из ее союзных республик существовали Славянские комитеты. В Чехословакии были отдельные Славянские комитеты Чехии и Словакии, вскоре объединенные в Славянский комитет Чехословакии. Правда, когда после единоличного утверждения коммунистов у власти в феврале 1948 г. прошла реорганизация, выяснилось, что Славянский комитет Словакии фактически существовал только на бумаге. В СССР поначалу не функционировал какой-либо иной Славянский комитета, кроме Всеславянского, — интернационального по сути, но ослабленного с возвращением на родину иностранных членов и штатных сотрудников. Эту ситуацию был призван выправить Славянский конгресс, созданный после проволочек в декабре 1946 г. в Белграде. Главным его решением стало учреждение очередного комитета — Общеславянского (предлагалось и старое название «Всеславянский»). В его деятельности должны были участвовать по 5 человек от каждой из 5 славянских стран; в белградской штаб-квартире работали председатель президиума Б. Масларич, ответственный секретарь И. П. Медведев, референты (по одному от каждой

из пяти стран) и штатные сотрудники из Югославии. Главной задачей новой организации было проведение совместных мероприятий Славянских комитетов всех стран-участниц.

В документах Белградского съезда, названного Первым послевоенным славянским конгрессом, не говорилось об упразднении Всеславянского комитета, но оно подразумевалось. В начале 1947 г. уже шла подготовка к образованию новой структуры, официально утвержденной ЦК ВКП(б) в апреле, — Славянского комитета СССР. Во-преки напрашивающемуся предположению, он не имел отделений в УССР и БССР. В уставе лишь отмечалось, что члены Комитета в Киеве и Минске имеют значительную свободу действий. Но штаты комитета находились в Москве, в доме Антифашистских комитетов на ул. Кропоткина, 10. Там же проходили заседания президиума.

Созданные в том же году секции науки, литературы и искусств в составе комитета остались на бумаге. Славянский комитет СССР оказался куда более ограничен в сотрудниках и средствах, чем ВОКС или Общество по распространению политических и научных знаний. Комитет рассыпал за границу статьи или газетные вырезки для публикации в «прогрессивных» средствах массовой информации, издавал ежемесячный журнал «Славяне» (тираж около 7 тыс. экземпляров), проводил мероприятия по случаю юбилеев славянских деятелей культуры, приемы в честь иностранных гостей страны и дипломатов. В Югославию (до середины 1948 г.), Чехословакию, Болгарию, Польшу, США и Канаду посыпалось примерно равное число статей, в другие страны со славянскими диаспорами — гораздо меньшее.

Значительно более массовыми организациями, чем Славянские комитеты, были общества дружбы с СССР. В Чехословакии Общество дружбы с Советским Союзом в лучшие времена насчитывало более миллиона членов, уступая при этом по численности лишь Обществу дружбы ГДР—СССР. Соответственно месячники дружбы (например, дружбы с СССР в Польше) по массовости намного пре-восходили любую акцию славянских структур. Но все эти организации были двусторонними. И то только формально: ведь в СССР долгое время не было никаких обществ дружбы; странами «народной демократии» продолжал ведать ВОКС, что создавало впечатление неравноправия со стороны СССР. В ФНРЮ также не было обществ дружбы с СССР, хотя комитеты по культурной связи с СССР успели до 1948 г. создать в каждой из союзных республик.

Сkeptически настроенный по отношению к славянской солидарности М. Джилас вспоминал: «Славизм и панславизм, которые Москва проталкивала в наши глотки, влияли только на верхние эшелоны власти. Даже в Белграде, охваченном революционными поисками, <...> славянская идея не встречала глубокого отклика. Но стоящие у власти югославы, м. б., я прежде всех, пытались обосновать сталинистский славизм необходимостью защиты от иностранных захватчиков <...> В Польше славизм сводился к вынужденной обязанности произносить тосты в Москве¹. Зато «в 1946 г. чешское коалиционное правительство подчеркивало славянскую и национальную солидарность с “великим русским народом” <...> В 1947 г. чехи были в экстазе от своего славизма <...> Болгария хвасталась тем, что ее дважды освободила Россия»².

В конце 1947 г. Гундоров говорил о Польше с оптимизмом: «Митинги, собрания и доклады, сделанные членами Комитета в Варшаве, Лодзи, Вроцлаве и Кракове, разъяснили сущность и значение нового славянского движения. Они показали огромное сочувствие <...> Это дало нам возможность при встрече с руководителем Польской рабочей партии предъявить им претензии в недооценке нового славянского движения и доказать это фактами. Доклад Гомулки на совещании 9 компартий показывает, что отношение Польской рабочей партии к новому славянскому движению сейчас изменилось к лучшему»³. О позиции югославского руководства он отзывался в середине 1948 г., в общем, в согласии с мнением Джиласа: «Хорошо ли мы делаем, что поддаемся линии, идущей особенно из Югославии, о превращении нового славянского движения в движение связи славян с другими народами новой демократии? Об этом в свое время говорил Кардель, посетив Славянский комитет, это все время настойчиво проводит Масларич во всех своих выступлениях. По сути дела, такая линия является линией на ликвидацию нового славянского движения. Какие связующие данные лежат в основе того и другого положения (линии)? Общность борьбы с империализмом, за строительство социализма. Это очень важные данные, но основывающиеся на высших политических показателях. Общность продиктована

¹ Djilas M. Rise and Fall. San Diego (CA), 1985. P. 114–115.

² Ibid. P. 114–118.

³ ГАРФ. Ф. Р-9564 (А. С. Гундоров). Оп. 1. Д. 82. Л. 12.

социальными и политическими причинами. Славянское же движение покоится на других более широких связях, внутренних, национальных и культурных, кроме того, исторических. Все, что делается в СССР — русским народом, — находит другие отклики у серба, чеха, словаика, болгарина, поляка, чем у венгра, финна, румына. В этом не может быть сомнения. Не зря не могли болгар, сербов и чехов втянуть гитлеровцы в борьбу против русского народа. В этом надо разобраться. В таком отношении к вопросам национальной и культурной близости славянских народов имеется какая-то доля “космополитизма”, с которым боролись действительные патриоты нашей родины; “нигилизма” — потери веры, почвы, связи со своими истоками; извращение национализма. Это, конечно, уклон в нашем славянском движении, уклон вредный, вызванный общей линией Тито и югославов, стремлением уйти из-под влияния СССР и контроля народов. Недаром Тито и другие руководители Югославии никогда не говорят о славянском движении. Это интеллигентский отрыв от народа, и в частности от своего народа, который требует борьбы и разоблачения»⁴.

Спустя двадцать с лишним лет генерал в своих записках уточнил более ранние впечатления: «В Болгарии полностью мы встретили братское отношение к советским людям. Врагов можно было искать лишь только среди молчаливых людей, не выражавших явных симпатий к советскому человеку. В Польше враждебна была только интеллигенция и студенчество, особенно не технических вузов <...> Врага было видно. В Чехословакии другое дело: здесь все прикидывались нашими друзьями»⁵.

Общеславянский комитет успел провести пленумы в столицах всех пяти государств-учредителей, но другие его достижения за полтора отпущенных года деятельности оказались скромными. Даже референты собрались в Белграде лишь через год. Из намеченного удалось только выпуск передач по Белградскому радио. Подготовка конгресса славяноведов в Москве затянулась, а в июне 1948 г. была сорвана в силу того, что к этому времени радикально изменилась внешнеполитическая обстановка.

В марте–июне 1948 г., во время обострения отношений ВКП(б) и КПЮ, ответственный секретарь Общеславянского комитета (ОСК)

⁴ Там же. Л. 134–134об.

⁵ Там же. Д. 318. Л. 311об.

И. П. Медведев и иностранные референты под разными предлогами покинули Белград. В начале июля югославских деятелей славянского движения тоном, не предполагающим возражений, пригласили в Чехословакию на национальный праздник. Там состоялось выяснение отношений. Глава югославской делегации председатель президиума ОСК Б. Масларич решительно выступил в поддержку Тито и КПЮ, обвинил советских делегатов в саботаже славянских мероприятий. Распропагандировать руководство югославских славянских комитетов, таким образом, не получилось, и после отъезда на родину югославов подвергли необъявленному бойкоту. На их письма не отвечали. Даже поздравление Славянского комитета Югославии от 7 ноября не напечатали в журнале «Славяне», в отличие от аналогичного поздравления Славянского комитета Израиля. Аппарат Общеславянского комитета еще несколько месяцев продолжал работу силами одних только югославских сотрудников, потом прекратил. В марте 1949 г. ЦК ВКП(б) сообщил решение: Общеславянский комитет не восстанавливать.

С марта 1949 г. приоритетным для советского руководства стало миротворческое движение в соответствии с официальными сталинскими представлениями о задачах и методах борьбы с поджигателями войны, и в нем не было ничего специфически славянского. Гундоров так его обосновывал: «Поджигатели войны пытаются пропагандировать, что движение за мир – это “коммунистическое движение”. Это наглое извращение сути движения, не сторонники мира защищают Советский Союз, а советский народ вместе с другими народами, вместе с лучшими представителями народов защищает дело мира <...> Конечно, “все дороги ведут к коммунизму”, но коммунизм советские люди строят у себя в стране, а в рядах сторонников мира борются за то, что равно дорого и коммунистам, и социалистам, и либералам, и католикам – всем честным людям, – борются за мир! <...> Реакционная печать пытается внушить своим читателям и другую мысль, что движение сторонников мира – бесполезная затея, что подписи бессильны остановить войну. Эти аргументы не новы, они применялись реакцией против любого народного движения и в действительности выражают страх и беспокойство поджигателей войны»⁶. Генерал не слишком беспокоился, если скептики окажутся правы.

⁶ Там же. Д. 116. Л. 9.

«Третья мировая война, если ее развязнут империалисты, закончится полным крахом всей капиталистической системы. Разве может это явиться основанием для страха советских людей?»⁷

Оставшиеся Славянские комитеты с энтузиазмом включились в борьбу за мир, но об общеславянских мероприятиях речи уже не шло. Встреча в 1949 г. для выработки согласованного плана действий делегаций Славянских комитетов Чехословакии и Болгарии — стран, наиболее заинтересованных в славянском движении, — стала единственной. В ноябре 1951 г. генерал Гундоров заявил приехавшему в Москву ответственному секретарю СК Чехословакии В. Гусе, что инициатива его комитета по организации четырехсторонней встречи неуместна и что двусторонних бесед, в том числе телефонных, вполне достаточно. И посетовал на молчание поляков⁸.

Уже в начале 1953 г. в СК Чехословакии чувствовали неладное с Польшей. В плане работы Комитета на 1953 г. стояла встреча весной в Праге с руководством СК Польши⁹. Судя по всему, она не состоялась, и поляки поставили СССР, Чехословакию и Болгарию перед фактом закрытия СК Польши в 1953 г. С 1954 г. СК СССР вел довольно редкую переписку с Обществом польско-советской дружбы и Польско-советским институтом в Варшаве. 28 апреля 1954 г. в информационном выступлении к плану работ на 1954 год Гундоров констатировал: «Хуже <чем с Чехословакией и Болгарией> обстоит дело с Польшей, там функции Славянского комитета переданы Обществу дружбы с СССР, а журнал закрыт. Очень жаль, так как для их комитета имеется большое поле работы, особенно в США. Мы стараемся показать полякам, что существуем, выступая со статьями в польской печати»¹⁰. В конце 1957 г. на партсобрании СК сотрудники сетовали: «Мы ничего не сделали и по Польше, когда помирал там Славянский комитет»¹¹. В 1955 и 1956 гг. СК СССР продолжал посыпать литературу Обществу польско-советской дружбы и Польско-советскому институту, но, по оценке Гундорова, «наши связи с Польшей далеко недостаточны, они носят крайне ограниченный характер,

⁷ Там же. Д. 155. Л. 8.

⁸ Там же. Д. 113. Л. 6.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-6646. (Славянский комитет СССР). Оп. 1. Д. 325. Л. 69.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 82. Л. 263.

¹¹ Там же. Д. 121. Л. 97об.

не соответствуют нынешним задачам укрепления дружбы и сотрудничества с польским народом по всем линиям»¹².

В то же время СК СССР уже с конца 1940-х гг. переживал трудности, связанные с сокращением финансирования уже на 1949 г. почти вдвое по сравнению с 1947–1948 гг. В следующем году денег выделили больше, учитывая увеличение штатного состава Комитета на двадцать с лишним человек из-за того, что коллектив газеты югославских эмигрантов «За социалистическую Югославию!» приписали к Комитету. Но весной 1950 г. Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б) провела плановую проверку СК СССР. Комитет подвергся критике, судя по всему, справедливой, за невыполнение важной задачи — установления контактов с прогрессивными славянскими организациями США, Канады, Южной Америки и Австралии, за низкое качество посылаемых статей, некомпетентность нештатных сотрудников, неучастие в подготовке юбилейных вечеров в память славянских культурных деятелей, частые приемы дипломатов¹³. По итогам проверки посылка статей в страны Восточной Европы вообще прекратилась (вскоре возобновилась в очень скромном объеме), а штаты Комитета с 1951 г. были сокращены. Сотрудники заговорили о консервации комитета, основным видом деятельности которого стал выпуск журнала «Славяне». На его страницах И.И. Удалцов и другие авторы приветствовали репрессии против членов руководства КПЧ по «делу Сланского», многие фигуранты которого номинально состояли членами Славянского комитета Чехословакии.

Восстановление отношений с Югославией в 1955 г., которому предшествовало закрытие газет югославских эмигрантов в СССР и странах «народной демократии», вдохнуло в Гундорова надежды на возрождение славянских организаций в этой стране, но он понимал, что надо действовать осторожно и прежде всего через журнал «Славяне»¹⁴. Новый, пусть не столь острый советско-югославский конфликт, начавшийся с подавления венгерского восстания в ноябре 1956 г., похоронил его мечты. Спустя год после событий в Венгрии

¹² ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 20. Л. 189.

¹³ РГАСПИ. Ф. 82 (В.М. Молотов). Оп. 2. Д. 1011. Л. 20–28. Проверкой руководил В.Г. Григорьян, снятый с поста руководителя Внешнеполитической комиссии в 1953 г. как человек Л.П. Берии. В фонде Молотова документ оказался, поскольку рассыпался членам Политбюро.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 138. Л. 32–33.

югославы заявляли чехословацким общественным деятелям, что «славянское движение — это сталинская идея, и она им не нужна»¹⁵. Тем самым становилась невозможной и встреча руководителей оставшихся Славянских комитетов, поскольку «главное звено в славянском движении — привлечь югославов»¹⁶, как справедливо считал Гундоров.

После XX съезда КПСС общественные комитеты в СССР были реформированы, а А. С. Гундоров стал еще и вице-председателем появившегося Советского комитета ветеранов войны. Для Славянского комитета СССР перемены выразились в новом сокращении штатов. В начале 1958 г. ВОКС, наконец, был реорганизован в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Вскоре были созданы общества дружбы со странами «народной демократии» (но не с Югославией). Внутри ССОД образовались лишь три ассоциации: общества дружбы со странами Африки, Латинской Америки и арабскими странами. Тематика славянского единства, в отличие от арабского, потеряла актуальность.

Всемирный конгресс славяноведов в Москве, намеченный на октябрь 1958 г., хотя и проходил под эгидой АН СССР, мог вселить надежды в сторонников славянского движения. Однако в мае 1958 г. ЦК КПСС принял решение о закрытии журнала «Славяне» — формально в числе других нерентабельных СМИ. Генерал, судя по его запискам, понимал истинную причину происходящего. «Журнал <...> пропагандирует дружбу и солидарность славянских народов, что не нравится некоторым¹⁷. Социализм, а не славянская дружба объединит народы и ликвидирует между ними вражду, говорят они. Это исторически правильно, но еще пока социализма не достигнуто. Социализм только строится, и на какой его стадии в сознании людей образуется социалистическая солидарность, неизвестно. Пока не социалисты, а болгары имеют к нам, русским, дружеские чувства <...>, но один болгарин мне в беседе говорил, чтобы мы не переоценивали этих чувств, а продолжали работу по их укреплению. Тем более далеки от всеохватывающих чувств социалистической солидарности отношения между чехами и поляками, поляками и русскими, сербами

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 417. Л. 24.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Первым из этих «некоторых» был, судя по всему, Н. С. Хрущёв, получивший к 1958 г. единоличную власть.

и болгарами, болгарами и македонцами и т. д. Это внутри славянских стран, а что можно сказать про эмиграцию? Редактор польской газеты в Канаде даже не решился приехать в СССР вместе с редакторами других славянских газет. Македонец отказался посетить Болгарию». Далее Гундоров хвалил самоотверженное бескорыстие редколлегии, предложил увеличить подписку на журнал в СССР и бесплатную рассылку за границу. В качестве объединяющей идеи он по-прежнему видел опасность агрессии ФРГ с угрозой развязывания третьей мировой войны¹⁸. В случае закрытия журнала, по мнению Гундорова, существование комитета становилось бессмысленным. Однако в 1959 г. журнал был закрыт, а комитет сохранился, но штаты его сократились еще больше. Теперь его деятельность почти полностью свелась к приему иностранных туристов. В 1960 г. Гундоров при очередных разговорах о закрытии комитета ради экономии средств напоминал тогдашнему куратору славянского движения в СССР М. А. Суслову, что славянские комитеты могли бы еще играть полезную роль, напоминая об общности исторической судьбы и культуры славянских народов, сдерживая «космополитов и людей, ориентирующихся на Запад», связываясь со славянской эмиграцией¹⁹. В марте 1962 г., вероятно, в связи с прошедшим антисталинским XXI съездом КПСС, штаты комитета сократили до одного человека. Фактически это было закрытие, хотя формально комитет сохранялся, по крайней мере, до смерти А. С. Гундорова.

В планах Славянского комитета Болгарии на 1963 г. тоже значилась работа исключительно с болгарской и македонской эмиграцией.

В 1965 г. Гундоров пришел к выводу: «Деятельность этого комитета продолжалась по-настоящему с 1941 по 1948 г., когда ее подрезал удар со стороны Тито и Сталина (чей культ хуже, трудно сказать...) В историческом отношении это равняется моменту. Но как вспышка молнии он осветил все, что было связано со славянскими народами, их историческими судьбами и <неразборчиво> дальнейшим развитием». Генерал напоминал, что тогда были созданы крупнейшие славянские организации, в том числе Институт славяноведения АН СССР²⁰. Позже, приблизительно в 1968 г., он уже не придавал

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 84. Л. 42–44.

¹⁹ Там же. Д. 337. Л. 8.

²⁰ Там же. Д. 140. Л. 259об.

рокового значения советско-югославскому конфликту: «Некоторые из них <южных славян>, будучи слишком малочисленными перед другими соседними народами, на основании интернациональной и патриотической общности объединились в общей государственности. Нерешенным оставался лишь македонский вопрос ввиду того, что этот народ еще разделен между Болгарией, Югославией и Грецией, да в Чехословакии еще не было полной федерации со Словакией. Но можно было считать, что первый вопрос был сравнительно легким по отношению к общей проблеме, а второй практически разрешился социализмом. Взаимопомощь в социалистическом строительстве, защита от посягательств империализма, борьба за мир не были специфически славянскими задачами. <...> Наоборот, использование для этих целей славянского движения могло, пожалуй, на некоторых людей из неславянских стран произвести отрицательное впечатление. Вот почему, вероятно, пришлось свернуть славянское движение после победы в славянских странах социализма»²¹.

В других записях Гундорова читаем: «Хотелось держать это славянское единство не только в военной борьбе, но в борьбе за мир и победу социализма. (В этом направлении нас <неразборчиво> ударом со стороны Югославии). Попытка преодолеть националистические моменты в их линии, которые получили поддержку у империалистов, ни к чему не привели. Нам сказали, что с победой социализма в славянских странах славянский вопрос решен. Славянские народы сами с усами. Та работа, которую пытался объединять Общеславянский комитет, разошлась по отдельным каналам. <...> Так или иначе все же социализм победил в славянских странах, этим славянский вопрос был решен, и все внимание Славянского комитета было направлено на работу с миллионной трудовой славянской эмиграцией. <...> Та работа, которая проводилась по славянским странам, разошлась по отдельным каналам: борьба за мир — в Советском Комитете защиты мира; обмен опытом строительства социализма — обществам дружбы со славянскими странами; связь между участниками войны, партизанского движения и сопротивления — Комитету ветеранов войны; вопросы науки и искусства — Институту славяноведения АН СССР; вопросы информации — Агентству печати “Новости”. Но все эти организации к славянским странам относятся так

²¹ Там же. Л. 188–189.

же, как к Финляндии, и даже с меньшим вниманием, чем к Индии или Франции. Исключение составляет Институт славяноведения. Он целиком занят славянскими вопросами, и даже журнал «Славяне» передан ему. Но как? Пусть простит меня Ю. Хренов²², не совсем удачно. Историки занимаются далеким прошлым, литературоведы и искусствоведы тоже. Практических сегодняшних вопросов мало, если не сказать, что совсем нет. А к славянским интересам огромный». По контрасту «в Славянском комитете я один с референтом <...> работая в комнатушке, в которую неудобно даже пригласить наших славянских товарищей»²³.

К новым размышлениям генерала подтолкнула Пражская весна 1968 г. Как известно, И. И. Удальцов, будучи советником-посланником посольства, сыграл в то время негативную роль, активно выступая за интервенцию. Гундоров мог за всем этим только наблюдать. К сожалению, все датированные записи на тему сделаны уже после ввода войск стран Варшавского договора. Гундоров следил за развитием событий по радио и делал восторженные записи в дневнике о том, какой удар нанесен по планам империалистов. Из последующих заметок видно, что он обсуждал обстановку в стране с И. П. Медведевым и бывшим главным редактором «Славян» С. Н. Пилипчуком, и все они были настроены отрицательно к переменам в ЧССР. Осудивших вторжение генерал раскритиковал. Они все, по его мнению, такие же не-коммунисты, как «Тито, Чаушеску, как Мао дзэ-Дун²⁴, объединившиеся сейчас против СССР»²⁵. Его мучил вопрос, как могло такое произойти во внешне благополучной стране соцлагеря? «Почему такая экономически сильная страна оказалась слабее Польши?»²⁶ ЦК ПОРП, по его мнению, в предчувствии кризиса обратился к рабочему классу, а Политбюро ЦК КПЧ опиралось на интеллигенцию. «Где-то Дубчек заявил прямо по-швейковски: «Народ перестал доверять руководству. Народ заменить нельзя, а руководство можно». Почему перестал доверять, какой народ: заводско-крестьянский или студенты университетов и их преподаватели, это

²² Так в тексте. Имеется в виду директор Института славяноведения АН СССР в 1962–1968 гг. И. А. Хрепов.

²³ ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 140. Л. 160.

²⁴ Так в тексте. Современное написание: Мао Цзедун.

²⁵ Там же. Д. 319. Л. 106. Запись от 26 августа 1968 г.

²⁶ Там же. Д. 318. Л. 197об.

неважно»²⁷. «Чехословацкие руководящие органы говорят, что рабочие не могут руководить государством, а это должно быть передано интеллектуалам». Не соглашаясь, Гундоров сослался на ДРВ и Лаос, где под бомбами составляли пятилетние планы²⁸. «Рабочий класс Чехословакии стал уже за 30 лет другим. Если бы чехословацкие дубчеки поближе были к рабочим, они бы увидели <неразборчиво> многоому могли бы поучиться»²⁹. А вот обычатели... «За 20 лет независимой и самостоятельной Чехословакии Швейк не мог еще перевоспитаться, а наоборот, даже ухудшился»³⁰. В результате «слабость компартии была такова, что потребовалась вооруженная помощь со стороны социалистических стран»³¹.

И после интервенции покоя не наступило. «Ох, как трудно сейчас Гусаку и тем истинно болеющим за социалистическую Чехословакию, которых, к сожалению, я не знаю. Игорь <Медведев> сказал, что чистка, провести которую торопятся в Чехословацкой компартии, кончается тем, что в парторганизации из 30 человек остаются 5, и исключенными оказываются те, кто выступил против Дубчека за истинные ленинские коммунистические положения. Разве это не швейковщина в чистом виде?»³² На самом деле ситуация после августа 1968 г. была, как мы знаем, иной. В мае 1969 г. генерал даже написал Г. Гусаку, недоумевая: почему за двадцать лет не могли дать Словакии равноправие в федерации, а спохватились только после произошедшего в 1968 г.?³³ Неизвестно, отправил ли генерал свое письмо. В его дневнике видно недовольство Чехословакией, где даже руководство КПЧ всегда ощущало свое культурное превосходство над Россией³⁴. Разочарование распространилось и на прочих европейских славян. «Интеллигенция славянских стран ориентировалась на Запад»³⁵. «Бегство Велчева»³⁶. Только теперь я стал понимать,

²⁷ Там же. Л. 190.

²⁸ Там же. Л. 191.

²⁹ Там же. Л. 193.

³⁰ Там же. Л. 311об.

³¹ Там же. Л. 197.

³² Там же. Д. 319. Л. 161об.

³³ Там же. Д. 330. Л. 1–3. Машинопись.

³⁴ Там же. Д. 319. Л. 169.

³⁵ Там же.

³⁶ Бывший болгарский военный министр Д. Велчев в 1947 г., будучи послом в Швейцарии, отказался вернуться на родину.

среди каких паршивых людей мне приходилось вращаться во всех славянских странах. Даже о чехе Гусе³⁷ приходится сейчас задумываться, был ли он настоящим другом или показным. Может быть, в 60-е годы пришлось бы разочароваться»³⁸. Немцы, по его мнению, оказались прогрессивнее. «Ленин считал, что, победив в организованной Германии, революция быстро преодолеет проблемы <буржуазного сознания>. Для ГДР это оправдалось, а для Чехословакии — нет. Даже Готвальд не делал ставку на рабочий класс»³⁹.

Тем не менее Гундоров остался оптимистом. «Именно славянские страны стоят во главе борьбы за мир, хотя славянские лозунги и отсутствуют. <...> В ходе этой борьбы еще, может быть, и придется сказать о совместном славянско-арабско-индонезийско-африканском и негритянском единстве в окончательной победе над империализмом»⁴⁰. «<Сталин> как грузин был по-своему прав, и упрекать его в “Атономизме”⁴¹ не следует. О заслугах и решающей роли русского народа будут все говорить уже в век социализма, когда вопрос “кто кого” будет решен. То же, надо думать, будет и со славянскими странами, которые первыми примкнули к СССР сначала как страны “народной демократии”, а потом социализма. Они же вместе с СССР составляли половину населения Европы, а по площади и того больше. История потом скажет об этом в полный голос»⁴².

³⁷ Гуса, Вацлав (1906–1965) — чехословацкий историк, ответственный секретарь СК Чехословакии.

³⁸ Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 319. Л. 180. Запись от 6 ноября 1972 г.

³⁹ Л. 109.

⁴⁰ Там же. Л. 181об. Запись от 13 ноября 1972 г.

⁴¹ Так в тексте. Правильно: автономизм, автономизация. Имеется в виду план включения советских республик в состав РСФСР на правах автономий. В период создания СССР в 1922 г. этот план поддерживал И. В. Сталин (прим. редактора).

⁴² Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 318. Л. 311об.

T.B. Волокитина

Болгария: феномен народной демократии как альтернативной модели в оценках прошлого и настоящего¹

В 2019 г. исполнилось 75 лет событию в болгарской истории, которое является одним из наиболее обсуждаемых, а в последние 30 лет и осуждаемых, среди национальных историков, политологов, обществоведов. Суть ведущихся споров — что произошло в стране 9 сентября 1944 г. и непосредственно после этой даты? Было ли это восстанием, переворотом, поворотом или революцией? Сложность ответа на этот вопрос заключается в том, что в радикальной перемежне можно без особого труда отыскать элементы или хотя бы аргументы в пользу каждой из оценок. Еще в конце 1990-х гг. на это обратил внимание историк Минчо Минчев². А одна из наиболее авторитетных болгарских исследовательниц профессор Искра Баева, поддерживая тезис Минчева, уточняет: в стране наблюдалось множество *повстанческих* (здесь и далее курсив мой. — Т.В.) актов и проявлений политической активности масс; смена власти в столице произошла путем *классического переворота*; в судьбе Болгарии наступил *политический поворот* и, наконец, следствием события явилось прорывное социально-экономическое развитие страны, сопоставимое с *общественной революцией*³.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, грант № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

² Минчев М. За характера на Девети септември 1944 г. // Минчев М. България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 42–77.

³ Баева И. Още веднъж за Девети септември 1944 година// Понеделник. Списание за теория, политика и култура. 2009. Год. XII. № 7/8. С. 99.

Какую бы оценку 9 сентября ни предпочесть, важно главное: с этой даты начинается этап народной демократии в Болгарии (1944–1948 гг.), отразивший переходное состояние общества. Феномен народной демократии, характерный для всей Восточной Европы, возник в специфических условиях подъема «народного радикализма»⁴. Отвергнув правототалитарные («фашистские» по терминологии тех лет) варианты развития, подавляющая часть общества связывала свое будущее с демократией как магистральным путем развития человечества. При этом допускались различные модификации этой генеральной идеи общественного развития, хотя и по-разному понимавшейся⁵. Библиография проблемы насчитывает десятки, если не сотни работ. Цель данной статьи — охарактеризовать народную демократию как общественную модель, соотнести ее с советским опытом в условиях расширения леворадикальных настроений в обществе и постепенного оформления на их основе политической монополии коммунистов. Но прежде хотела бы предварить эту попытку несколькими замечаниями.

Мировое противостояние, в котором Болгария вторично оказалась в стане побежденных, — это не только военные действия на фронтах. Это еще и война идеологий, война демократии против фашизма и национал-социализма. Их поражение делало радикальные политические перемены неминуемыми. Приближавшаяся победа антигитлеровской коалиции означала, что Болгарии, как и другим союзным Германии странам, предстояло воспринять какую-то из идеологических систем победителей. Одну из двух: либо идеологию западных союзников по коалиции, либо советскую.

В наши дни основной отправной пункт рассуждений болгарских, да и многих российских, исследователей заключается в констатации бесспорной geopolитической предопределенности будущего малых стран Восточной Европы. Поскольку по договоренности между союзниками по антигитлеровской коалиции регион был отнесен к советской сфере влияния, делается вывод о безальтернативности развития входивших в него стран, о «навязанности» им социалистического выбора.

⁴ Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964. С. 381–382.

⁵ Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 306–314.

Формулировки спорные, но можно согласиться с тем, что свобода выбора для восточноевропейских стран действительно была ограничена geopolитическим фактором. То же, впрочем, имело место и в Западной Европе. Однако делая упор на детерминированность политического развития, исследователи, к сожалению, зачастую обходят вниманием некоторые важные, с нашей точки зрения, факты и обстоятельства и становятся на спрятанный путь рассуждений. А между тем документальные материалы, конкретные свидетельства и некоторые итоги непредвзятых исследований противостоят упрощенным однозначным подходам. Один пример. Болгарский историк Румен Аврамов, изучая экономическую политику правительства Андрея Ляпчева (1926–1931 гг.), пришел к заключению, что она отвечала традиционному сознанию народа. Такие меры кабинета министров, как протекционизм со стороны государства в промышленности при особом внимании к предприятиям государственного сектора, что обеспечивало наращивание хозяйственных мощностей, «отеческая» забота о кооперации как «экономической демократии», встречали понимание и сочувствие труженика. В его глазах приданье «кооперативизму» статуса официальной государственной идеологии становилось «доступной и желанной альтернативой», своего рода образом жизни. Этот как будто бы «скромный» вывод историка оказывается исключительно важным с точки зрения выявления значения внутреннего фактора в восприятии обществом тогда еще весьма и весьма отдаленной социалистической перспективы развития страны. Традионализм тиражировался, создавал замкнутый круг для общества и тормозил капитализм, лишая его должных импульсов развития. И вот к какому выводу приходит Аврамов: «Очевидно, люди, жившие в подобной среде и создававшие в ее рамках стандарты своего экономического мышления, *в общих чертах были подготовлены к социализму*⁶. А российский историк Р. П. Гришина констатировала, что это наблюдение Аврамова «очень важно для понимания *всего* экономического ХХ века Болгарии⁷. Иными словами, исследовательница считала возможным рассматривать многие процессы последующего развития страны через призму готовности болгарского общества воспринять

⁶ Аврамов Р. Стопанският ХХ век на България. София, 2001. С. 21, 23, 29.

⁷ Болгария в ХХ веке. Очерки политической истории. /Отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 214.

идеи социализма и руководствоваться ими. Замечу, что речь шла не о классическом научном социализме. Повторялся исторический опыт России, где в начале прошлого столетия народные массы, по определению политического и государственного деятеля, консерватора и умеренного монархиста П. Н. Дурново, воспринимали принципы «бессознательного социализма», способного, тем не менее, «поднять и сгруппировать широкие слои населения»⁸.

Следующий момент, который представляется немаловажным, связан с настойчивыми попытками союзников по антигитлеровской коалиции создать в Болгарии в годы войны свои центры и сеть сопротивления. Этим занимались англичане, американцы и наши соотечественники. Однако попытки западных союзников не удались. Не смог организовать «земледельческое» сопротивление при опоре на англичан и популярный болгарский крестьянский лидер Г. Димитров — Гемето. А Советскому Союзу сопутствовал успех. В значительной мере по этой причине в партизанском движении, боевых группах, организациях Отечественного фронта доминировали коммунисты. На их стороне выступили левые силы Болгарского земледельческого народного союза — БЗНС. По мнению Искры Баевой, свой выбор в пользу социализма сравнительно широкие круги болгарского общества сделали еще во время войны⁹.

С точки зрения ориентации на ту или иную общественную модель развития важное значение имели качественные характеристики болгарского общества и прежде всего рабочего класса, выходца из сельских и добуржуазных городских слоев, не утратившего связей с прежней социальной средой. Обнищание и люмпенизация в военное время не могли не сказаться на его социальных ориентирах, отмеченных влиянием психологии маргиналов: тягой к социальной нивелировке, радикальному элементарному переделу собственности. Вспомним «рецепт» булгаковского Шарикова — «Все у всех отнять и поделить». Не случайно социологи и политологи подметили, что в странах с крестьянской спецификой, отягощенной к тому же докапиталистическими структурами, в период перехода от сельскохозяйственной к индустриальной цивилизации, рабочий класс выступает

⁸ Записка П. Н. Дурново императору Николаю II (февраль 1914 г.) // Красная новь. 1922. № 6. С. 195–196. Электронный ресурс. URL: ruthenia.ru/sovlit/j/407.html (дата обращения: 30.11.2019).

⁹ Баева И. Още веднъж за Девети септември 1944 година. С. 98.

субъектом перехода не к посткапиталистическому, а к альтернативному по отношению к капитализму индустриальному обществу¹⁰.

Это дает основание некоторым исследователям рассматривать переходную общественную модель народной демократии как некапиталистический строй с первоначальными социалистическими элементами и неизжитыми укладами, в том числе и капиталистическим¹¹.

Исторически определение «народная демократия» связано с политическим опытом и трагедией гражданской войны в Испании 1931–1939 гг. Испанские коммунисты ориентировались тогда на переход к социализму. Исполком Коминтерна считал неприемлемой жесткую оппозицию — капитализм или социализм, фашистская диктатура или советское государство — в условиях, когда фашизм оказался альтернативой не только народной революции, но и либеральной демократии. Возникла идея народно-демократической власти как некой переходной формы в виде «парламентской республики нового типа». Поначалу в политическом лексиконе коммунистов и социал-демократов предпочтение отдавалось термину «новая демократия», отличавшему ее как от «старой», западной, «буржуазной», так и от советской, основанной на идее диктатуры пролетариата. Народная демократия в болгарской историографии определяется как переходный период стран Восточной Европы к социализму, на протяжении которого происходят существенные преобразования в политике, экономике, культуре, обществе в целом¹². В исходном, «либеральном», варианте переход мыслился иным, чем в Советской России, путем — без диктатуры пролетариата, гражданской войны, мирным способом. Вместо «власти советов» с ее слиянием законодательных и исполнительных функций предстояло функционировать парламентской демократии. Принципы коалиции, многопартийного правительства, наличие оппозиции маркировали политическое содержание народной демократии, а сфера экономики предполагала трансформацию хозяйства при его

¹⁰ Социализм: между прошлым и будущим. История и современность. Современность и история. М., 1989. С. 47–48.

¹¹ Бакланов В. Восточноевропейская модель некапиталистической модернизации во второй половине XX века. Общее и особенное. Электронный ресурс. URL: historick.ru/view_post.php?id=270&cat=3 (дата обращения: 21.09.2019).

¹² Подробный анализ в болгарской историографии см.: Драганов Д. В сянката на сталинизма. Коммунистического движения след Втората световна война. София, 1990. С. 19–28.

восстановлении в нечто подобное советскому НЭПу. Время действия этой переходной модели определялось словом «эра», т.е. ожидалось быть длительным. Национальные коммунисты не отказывались при этом от признания советской модели в отдаленном будущем, но от ее точного копирования предполагали воздержаться и рассчитывали минимизировать издержки советского эксперимента. Иными словами, народно-демократическая модель, включавшая элементы «западного марксизма» и отличавшаяся от советской (в большей степени евроазиатской), фактически была по отношению к последней своего рода «ревизионистской». В частности, в ней большее значение придавалось плюрализму и общественной демократии. При наличии в странах Восточной Европы достаточно широкого спектра организационно оформленных политических сил это обстоятельство обусловило политически вариативное состояние общества, формирование и проявление в нем различных альтернатив общественного развития, их конкуренцию, но в рамках согласительной демократии¹³.

В таком виде, однако, концепция народной демократии просуществовала недолго. Рубежом, положившим начало ее эволюции к советской административно-командной модели, явились «первые заморозки» холодной войны, конфликт Москвы с югославским лидером Йосипом Броз Тито и, как следствие, унификация перехода к новому общественному строю по проторенному советскому пути. В теоретическом аспекте венцом переосмыслиения сути переходного периода стал вывод о народной демократии как форме диктатуры пролетариата. Такая расстановка всех точек над «и» проблему, тем не менее, не закрыла: дискуссии о характере режима народной демократии время от времени реанимировались.

В современной болгарской историографии советская модель предстает в двух ипостасях, как «ленинская» и «сталинская». Первая рассматривается через призму ее соответствия западноевропейскому марксизму. Неудачная попытка ее реализации (военный коммунизм) породила замысел НЭПа в начале 1921 г. Вопрос в духе альтернативной истории (что было бы, продлись в Советской России эта политика?) в серьезных работах болгарских авторов как предмет исследования не ставится, но присутствует в виде более аккуратной

¹³ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? С. 306, 310.

констатации типа: «Никто сегодня не может сказать, какое развитие получила бы советская система, если бы...»¹⁴. После смерти «западника» Ленина в ходе «битвы за наследство» приверженцев различных марксистских, но «западнических» тезисов постепенно сводят с политической сцены. Утверждается модель сильной централизованной власти, творцом которой стал Сталин. Создана система, включавшая в себя как элементы западного марксизма, так и более старые азиатские тенденции, характерные для России. Именно такая модель стала обязательной для стран новой народной демократии в конце 1940-х гг.

Болгарские историки именуют ее и «сталинской», и «советской», но также нередко определяют как «восточную» или «европейско-азиатскую»¹⁵. Характерно, что эта модель не рассматривается как генетически абсолютно чужеродное явление. Наоборот, подчеркивается, что она имеет «свои собственные корни в Болгарии, в ее исторической традиции»¹⁶. Только изучив тесную связь между вариативностью до-социалистической истории и вариативностью социализма, считают болгарские исследователи, можно «понять судьбу народа в целом»¹⁷.

Советская модель рассматривается также в контексте дискуссий ученых о характере и роли государственного социализма в XX в. Для части болгарского научного сообщества весь большой 45-летний социалистический период истории Болгарии — с 1944 по 1989 гг. — определяется как эпоха государственного социализма *советского типа, один из путей ускоренной модернизации*¹⁸.

Задача модернизации была актуальной для всего региона Восточной Европы, который к началу столетия находился в отстающей аграрной европейской зоне¹⁹ и значительно уступал в экономическом отношении развитым странам Западной Европы и США. Даже в передовой Чехословакии производительность труда равнялась лишь половине британской.

¹⁴ Баева И. Българският социализъм в следвоенния свят– идеи и проблеми // Сборник в чест на доц. д-р Минчо Минчев. Велико Търново, 2006. С. 52.

¹⁵ Баева И. Идеите за изграждане на социалистическата държавно-политическа система // Изследвания по история на социализма. 1944–1989. София, 2010. С. 52.

¹⁶ Аврамов Р. Неосъщественият консервативен манифест в България // Бочев В. Капитализъмът в България. София, 1998. С. 23.

¹⁷ Социализъм: между прошлым и будущим. С. 115.

¹⁸ Баева И. Още веднъж за Девети септември 1944 година. С. 99.

¹⁹ Berend I. T. The historical evolution of Eastern Europe as a region // International Organization. 1986 (Spring). Vol. 40. N 2. P. 329–346.

Чувство отсталости проявилось сразу же после возникновения новых государств после Великой войны. Почти все страны, за исключением Венгрии, восприняли французскую конституционную модель, сформулировали программы ускоренного экономического развития. В Болгарии режим «19 мая», установленный в результате военного переворота в 1934 г., считал ускоренную модернизацию страны одной из главных задач.

В межвоенный период в странах региона развернулись поиски возможностей ускорить этот процесс, которые выразились в ориентации на различные варианты государственного вмешательства (этатизма). При режиме «19 мая», в частности, были введены четыре государственных монополии — на табак, соль, спирт, нефть. Но к концу 1930-х гг. Болгария оставалась отсталой аграрной страной с преобладанием мелкотоварного производства, обремененной многими социальными проблемами. Ускорение в развитии и серьезные качественные сдвиги в экономике были достигнуты только при государственном социализме после Второй мировой войны. Исследователи признают, что зримый итог для стран Восточной Европы оказался, как и для СССР, в целом позитивным: советская страна выстояла в схватках Второй мировой, разгромив вермахт; в Восточной Европе все страны превратились в конце коммунистического эксперимента в развитые промышленные государства с высоким уровнем социальной защиты населения.

Ускорение, как правило, повсюду сопровождалось ограничением парламентской демократии. Последняя рассматривалась как препятствие экономическому развитию и нерациональное расходование сил нации.

В конце 1940-х гг. коммунисты в Восточной Европе завоевывают монополию на власть. С этого времени резко взвинчиваются темпы социально-экономических преобразований, матрицей для которых служит советская модель. Замысел достаточно привлекателен — достижение социального равенства на основе обобществленной собственности. С этой целью проводятся национализация промышленности, конфискация имущества, нажитого незаконными путями, ускоренная индустриализация, сопровождавшаяся большими социальными переменами в обществе, вслед за аграрной реформой начинается процесс кооперирования и связанная с ним урбанизация, быстрыми темпами развиваются образование и культура. Значительно хуже обстояло дело с «политической» демократией — фасадом

режима: вербально она реализовывалась на основе лозунга о принадлежащей народу власти, но на деле последняя сосредоточивалась в руках компартии, точнее ее первых лиц, действующих фактически бесконтрольно. Правомерно в связи с этим обратиться к крылатой латинской фразе: «Кто же устережет самих сторожей?» Вопрос в нашем случае чисто риторический.

Крах «реального социализма» в Болгарии сопровождался обострением интереса к государственному социализму советского типа: явился ли он отклонением от общего европейского пути развития Болгарии, как соотносился и соотносился ли с традициями народа? Вновь обсуждается вопрос, существовали ли социально-экономические и политические предпосылки для восприятия болгарами советской модели? Диапазон суждений и оценок велик. На одном полюсе — негатив: заключение о том, что для Болгарии эта модель стала инструментом, повернувшим развитие страны вспять; на другом — позитив: советскую модель болгары сумели видоизменить, приспособить к исторической традиции и использовать в целях ускоренной модернизации. Историография продолжает пополняться работами по данной проблеме, отражая непреходящий интерес общественности к феномену советского социализма. В основе интереса — объективный фактор: огромные успехи евроазиатской державы, хотя цена их, как известно, невероятно высока. Но советская модель подается и воспринимается как проявившая себя в действии программа трансформации прежде всего отсталых стран в развитые. Поэтому в регионе она оказалась наиболее привлекательной для стран, отстававших в своем развитии — Албании, Болгарии, Румынии. Получившие впоследствии от специалистов название «второго эшелона» социалистического содружества, эти страны в 1950-е гг. обнаружили значительное сходство с Советской Россией 1920-х гг. (большая роль аграрного сектора, недостаточная урбанизация).

Народная демократия, несмотря на наличие значительного потенциала, на практике не стала альтернативой советской модели, но значение этого этапа в истории Восточной Европы, в том числе Болгарии, исключительно велико. На нем были заложены основы для будущего цивилизационного рывка страны, который, вопреки новой политической конъюнктуре, невозможно отрицать и бессмысленно игнорировать.

A. C. Аникеев

Разрыв с Москвой и зарождение югославской модели социализма¹

Советско-югославский конфликт стал для Белграда отправной точкой в процессе поиска своего варианта построения социализма. В нем сочетались элементы советской модели, которая воспроизводилась в Югославии до момента ее изгнания-ухода из лагеря «народных демократий» в конце 1940-х гг., и некоторые теоретические и практические новации, основанные на возвращении к истокам марксизма-ленинизма, деформированным, как было заявлено, в Советском Союзе. Югославское руководство, отвечая на выдвинутые против него Москвой обвинения в ревизионизме, попыталось сформулировать свою платформу, в которой основное место занимала критика советской теории и практики социализма. Утверждалось, что в СССР истинный марксизм подвергся искажению, что привело к возникновению государственно-бюрократического капитализма, прикрывающегося социалистическими лозунгами. Предпринятые вскоре попытки теоретического обоснования этого тезиса становятся исходным моментом в разработке собственных подходов к построению социалистического общества при отказе от дальнейшего следования советской модели. Решительность, с которой Тито и его окружение отказались пойти на примирение с Москвой на ее условиях, указывает на то, что еще до развертывания конфликта в узком кругу югославского руководства шло критическое обсуждение

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ: проект № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

политики СССР в отношении стран, входивших в восточный блок, и целесообразности воспроизведения в Югославии всех форм советской практики².

Возникший конфликт стал одним из важных событий в послевоенной истории восточноевропейского социалистического лагеря, возглавляемого СССР. Югославский эксперимент, какказалось, открывал перспективу создания сначала в одной стране, а затем, при определенных обстоятельствах, и в других странах советского блока, иного варианта построения социалистического общества, в чем-то отличного от советской практики. Открытым, вместе с тем, оставался вопрос об истинных намерениях югославского руководства, решившего провести некоторые реформы управления экономикой, ее децентрализацию и «дебюрократизацию», ввести на предприятиях рабочее самоуправление, частично обновить избирательное законодательство, отказаться в культурной политике от жесткого партийного контроля, позволив пересмотреть некоторые аспекты социалистического реализма и заявить о большей открытости западным влияниям, а во внешней политике начать поиск своего курса, свободного от привязанности к одному из противостоящих блоков. Было ли это только стремлением зеркально ответить Москве, противопоставив ей свои теоретические открытия, или это был реальный план перехода к «истинной» социалистической демократии, какой ее представляли в Белграде? Замечу, что все указанные реформы планировалось осуществить в рамках оформившейся с приходом коммунистов к власти персонифицированной однопартийной системы с присущими ей господством бюрократии и всесилием репрессивного аппарата. Отрицание советской, сталинской, формы правления началось и происходило главным образом в рамках прежней модели, процесс возглавлялся теми же людьми, которые еще вчера заявляли о своей преданности Сталину и подчеркивали, хотя и с некоторыми оговорками, необходимость реализации ленинско-сталинского варианта социализма. Как начинали воплощаться в жизнь планы югославского руководства, каковы были границы эксперимента и его основное содержание, позволяющее говорить о его исключительном характере? В данной статье автор попытается ответить на некоторые из этих вопросов.

² Југословенско-совјетски односи 1945–1956: Зборник документата / Приред. Љ. Димић, И. В. Бухаркин [и др.]. Београд, 2010. С. 255, 260–264.

Почти все пришедшие к власти после войны в Восточной Европе компартии и их лидеры вышли из «школы» Коминтерна, в которой они в 1920–1930-е гг. обучались навыкам государственного строительства и управления при социализме. В основе учебных программ лежал советский опыт, по тем временам отражавший динамику представлений московского руководства в этой области³. До конца 1920-х гг. в экономике СССР доминировал НЭП, введенный в восстановительный период после революции и гражданской войны, включавший ряд рыночных элементов, в стране также сохранялся определенный интеллектуально-культурный плюрализм. С начала 1930-х гг., с победой сталинской концепции ускоренной индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, практически полным отказом от всех форм частной собственности и введением абсолютного партийного контроля за общественной, интеллектуальной и культурной жизнью начинается эпоха тоталитаризма, политических судебных процессов и репрессий, продлившаяся до смерти Сталина в марте 1953 г., а затем наступает период некоторой сильно ограниченной либерализации режима. Восприятие вставшими у руля власти после войны лидерами восточноевропейских компартий реалий советской политики, вероятнее всего, было неоднозначным, а критическое отношение Тито и его ближайшего окружения к увиденному на родине социализма, несомненно, начало формироваться именно в период работы в Коминтерне.

Ко времени окончания Второй мировой войны и принятия союзниками по антигитлеровской коалиции решений, приведших к фактическому разделу Европы на две части (два «лагеря» по коммунистической терминологии тех лет), компартии советской сферы влияния при активной поддержке СССР стали занимать ведущие позиции в своих странах. США и их западные союзники рассчитывали, что Восточная Европа, перешедшая в результате договоренностей в Тегеране и Ялте под контроль Москвы, сможет, как было условлено на переговорах, восстановить демократические институты,

³ Канарская А.Н. Неизвестные документы о подготовке в СССР кадров для зарубежных компартий. 1940–1943// Славяноведение. 2016. № 3. С. 110–112; она же. Война и Коминтерн: проблема подготовки национальных партийных кадров. 1939–1943// Феномен мировых войн в истории XX века. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) /Отв. ред. А. А. Богдашкин. Воронеж, 2017. С. 271–277.

продолжив развитие в русле европейских традиций: многопартийной политической жизни без доминирования какой-либо партии, рыночной экономики, интеллектуальной и конфессиональной свободы. Позиция западных политиков отражала их представления о характере будущих отношений с коммунистами, их расчеты на то, что те будут под известным контролем Запада соблюдать договоренности, но, как показало развитие событий, их надежды не оправдались. Сталин по геостратегическим причинам, а также для закрепления левых коммунистических сил у власти, на первом этапе, до 1946–1947 гг., поддерживал эти иллюзии Запада, прикрывая свои истинные планы пропагандистскими заверениями в отказе Москвы от намерений советизировать страны этого региона. Вскоре усилившаяся поляризация Востока и Запада, рост взаимного недоверия и начало «холодной войны» привели к отказу советской стороны от большей части принятых ранее обязательств. Ситуация быстро менялась. В разных странах темпы советизации были различными. Многое зависело от конкретного социокультурного и исторического наследия, консенсуса разнородных политических сил, готовности общества принимать коммунистические эксперименты, а также от указаний, которые получали компартии из Москвы. В 1946–1947 гг. Stalin, действуя с оглядкой на позицию Запада, советовал коммунистическому руководству восточноевропейских стран при разработке планов строительства социализма учитывать, в первую очередь, национальную специфику, а не следовать в точности советскому образцу. Польские и югославские руководители, в частности, рассматривали эти советы как искренние, товарищеские рекомендации, не предполагая, что спустя короткое время они обернутся обвинениями со стороны Москвы в ревизионизме и отходе от марксизма. Советская стратегия всегда была построена на допущении обмана идеологического противника, «империалистов» и не только, и использовании лживых обещаний в качестве инструмента для достижения цели. Эти методы предлагались и руководству «народных демократий».

Военно-политический союз Москвы и коммунистического руководства новой Югославии, оформившийся к концу войны, позволил последнему успешно эlimинировать попытки королевского правительства сохранить, хотя бы частично, возможность выступить в качестве легитимного партнера в определении будущего политического профиля государства и в его управлении. Определенную роль в этом

сыграло и британское руководство, которое не смогло добиться, за исключением греческого случая, претворения в жизнь договоренностей с Москвой о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе. Одним из существенных факторов был отказ Лондона от военной и политической поддержки четников Дражи Михайловича и некоторых других сил Сопротивления. А между тем признание их борьбы против немецких оккупантов могло бы затруднить реализацию планов Тито по коммунизации Сербии и, возможно, сохранить Белград и Сербию за королем. Тито за короткое время, при поддержке советских войск и опираясь на возросшую к концу войны численность и вооруженность НОАЮ, сумел переломить развитие событий, как в борьбе с германскими войсками, так и в гражданской войне, в свою пользу. В ходе военных действий на освобожденных территориях оформились и получили дальнейшее развитие элементы нового государственного устройства: народные комитеты, административные органы, суды и т. д., в которых главенствующую роль играли коммунисты. В Югославии, как и в других восточноевропейских странах, перед руководством компартии вставал вопрос о перспективах дальнейшего общественно-экономического и политического развития, принятии наиболее адекватного для страны образца. Уже в ходе утверждения новой власти, и особенно с окончанием войны, эта проблема перешла в практическую плоскость, и для руководства КПЮ естественным выбором становился советский путь. На советский характер власти, устанавливаемой в Югославии, указывал в своей информации, направленной в ЦК ВКП(б) в феврале 1945 г., Эдвард Кардель, а в апреле того же года, во время визита югославской делегации в Москву, это подтвердил в беседе со Сталиным и Милованом Джилас⁴.

Установление диктатуры КПЮ в стране осуществлялось ускоренными темпами. Существовавшая между союзниками и предусмотренная соглашением Тито – Шубашич от 9 марта 1945 г. договоренность о включении в новые органы власти определенного числа представителей довоенного парламента и королевского правительства, допуск к выборам различных партий, действовавших в стране до начала войны, и их руководителей фактически саботировались

⁴ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: в 2-х т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1 1944–1948. М., 1998. С.136.

новым коммунистическим руководством. Отбором депутатов занималось специальное ведомство во главе с Карделем, установившее жесткие рамки для прохождения во Временную скупщину, что дало возможность оказаться в ней лишь одной десятой части депутатов довоенного парламента. Те же требования предъявились и к партиям, основным критерием для которых была лояльность пришедшему к власти режиму. Несмотря на то, что некоторые партии были допущены в Скупщину, коммунисты продолжали внимательно следить за их поведением в стенах парламента. Весной 1947 г. Тито дал указание своим подчиненным в отношении председателя сербской крестьянской партии Драголюба Йовановича, выступившего в Скупщине с резкой критикой новой власти, к которой его подтолкнули, как считал югославский лидер, «американцы и англичане», — найти подходящую уголовную статью для его ареста, что вскоре и было сделано⁵.

Югославия, в которой под руководством компартии воспроизвелаась в главных чертах советская общественно-экономическая система, вступила в судьбоносный 1948 г. в составе единого блока «народных демократий» во главе с Советским Союзом. Ничто не предвещало скорого расставания, хотя несколько эпизодов во взаимоотношениях с Москвой в предшествующий период заставляют предположить, что у Тито и его близкого окружения могли быть причины для недовольства советским руководством. Так, весной 1945 г. Тито в выступлении в Любляне сказал, очевидно, зная о согласованном Черчиллем и Сталиным в октябре 1944 г. «процентаже» в отношении Югославии (50%:50%; вероятно, информацию Тито получил от англичан), что югославская компартия всегда была против разделения послевоенной Европы на сферы влияния. Реакция советской стороны была молниеносной. Спустя три дня, 31 мая 1945 г., заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский направил советскому послу в Белграде И. В. Садчикову письмо с просьбой выяснить, что имел в виду Тито, когда говорил об «оплате чужих счетов», о Югославии как «разменной монете» и «политике сфер влияния»⁶. 4 июня посол посетил Карделья для того, чтобы выслушать официальные объяснения. Кардель разъяснил, что Тито имел в виду

⁵ Там же. С. 598.

⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1343. Л. 131.

«англо-американцев и итальянцев», а под политикой сфер влияния «политику англичан в Югославии». При этом он сослался на полученное Тито письмо от Черчилля, в котором тот говорил об особой заинтересованности Англии в Югославии и «нежелательности расширения на ее территорию интересов других государств». Он подчеркнул, что фраза о сферах влияния не относится к Советскому Союзу, но, напротив, добавил он, «формулой нашей независимости было и остается союз и опора на Советский Союз», правительство которого сделало все возможное, поддержав нас в вопросе о Приморье и Триесте. Посол также заметил, что Тито, говоря об освобождении Словении, не упомянул о роли Красной Армии. Кардель попытался объяснить это тем, что Тито очень часто не готовит заранее свои речи, а выступает экспромтом. Через несколько дней после возвращения Тито в Белград ему пришлось уже самому оправдываться перед советским дипломатом. Он сказал, что его слова были неверно поняты, а на самом деле он имел в виду только англичан и американцев, «которые желают заручиться поддержкой Италии и Франции за счет Югославии». Садчиков возражал, сообщив, что он внимательно прочитал речь Тито и не нашел в общем контексте ничего такого, что подтверждало бы эти слова, но что «логически трудно допустить, чтобы англичане делили с Италией или Францией сферы влияния в Югославии или оплачивали бы счета итальянских реакционеров за счет Югославии». Продолжив, он указал, что выражение «мы не желаем оплачивать чужие счета» можно понять в том смысле, что в «нынешнем критическом положении Югославия очутилась не за свои, а за чужие грехи. Словом, читатель и не может понимать приведенные выражения иначе, чем выпад против Советского Союза». Тито пытался объяснить это неверной трактовкой его высказывания, в котором, по его мнению, содержались даже «нотки недоверия» к нему. Он подчеркнул, что не допускает мысли об отношении сказанного к Советскому Союзу и просит передать Молотову, что он имел в виду «исключительно империалистическую политику англо-американцев»⁷.

Отдельные эпизоды такого рода, казалось, не должны были в условиях консолидации советского блока оказывать серьезного влияния на характер двусторонних отношений, но, однако, их число вскоре привело к возникновению конфликта. Для Тито и его

⁷ Там же. Л. 134, 139–140.

ближайшего окружения, самостоятельно пришедших к власти и заявлявших о независимости своей позиции, патерналистское отношение Москвы к КПЮ, постоянный «мониторинг» внутренней и внешней политики страны, требование регулярных отчетов о своих действиях становились все более раздражающими. При этом Тито, в известной степени ограниченный региональным горизонтом и зачастую руководствуясь собственными амбициями «главного коммуниста на Балканах», не мог видеть, принимая те или иные решения, всей сложности международной ситуации и в полной мере понимать геополитические построения советского руководства. Так, в частности, он не мог объяснить жесткое неприятие его попыток предпринять ряд самостоятельных шагов в Албании в начале 1948 г., что было вызвано, в действительности, опасением Сталина спровоцировать возможное военное вмешательство США в Греции. Основная причина разногласий в возникшей переписке между Москвой и Белградом, вместе с тем, не была обозначена, но советское руководство предпочло сразу перейти к идеологическим обвинениям, считая, видимо, что это будет наиболее эффективной мерой воздействия. Соответствовавшая советской партийной стилистике того времени форма, в которую были облечены обвинения, была к тому же предельно грубой. Югославское руководство восприняло «критику» как совершенно неадекватную и неприемлемую. Вскоре под надуманными предлогами последовал отзыв из Югославии советских специалистов, а затем письма за подписью Сталина и Молотова, обвинявшие Тито и его группу в национализме и отходе от марксизма. Отказ югославов согласиться с этими обвинениями и выступить с самокритикой завершился принятием на заседании Информбюро в Бухаресте (июнь 1948 г.) известной резолюции, в которой набор предъявленных руководству КПЮ претензий был дополнен. Все выдвинутые против югославского руководства обвинения были поддержаны входившими в эту организацию компартиями, что вызвало абсолютное отторжение в Белграде. «Здоровым силам» внутри КПЮ было предложено сменить ревизионистское руководство, которое, в свою очередь, на прошедшем спустя две недели V съезде КПЮ отвергло все предъявленные обвинения и призвало всех членов партии еще теснее сплотиться вокруг его ядра⁸.

⁸ AJ. Fond 507. CK SKJ. Zapisnik Petog kongresa KPJ. I/V-K. 1/7. S. 42.

С осени 1948 г. по мере нарастания советского пропагандистского давления в Белграде начинается постепенная переоценка сталинской внутренней и внешней политики. Процесс этот проходил в несколько этапов и был тесно связан с политикой Кремля, с его попытками подорвать единство правящей группы в КПЮ, изолировать Тито и найти альтернативную фигуру на роль лидера партии. На темп переосмыслиния югославами сталинской теории и практики оказывало влияние и опасение резкой смены курса в отношении ВКП(б). Лидеры компартии воздерживались в это время от открытой критики советской системы, поскольку основная партийная масса еще не до конца понимала сути конфликта и многие полагали, что следует искать любую возможность примирения с Москвой. По этой причине, вероятно, дискуссия о том, в какой форме и в каких масштабах можно начинать разработку собственного варианта социализма, отличного от сталинского, проходила в тот период в узком кругу югославского руководства. Направляемая ЦК КПЮ пропаганда, отстаивая позицию, занятую руководством, была последовательна в критике резолюции Информбюро, в контексте которой стал возникать мотив о деформации социализма в СССР. Вскоре дискуссия о необходимости преимущественного учета национальных особенностей при определении социалистической перспективы страны, начатая, как представляется, в осторожной форме в ближайшем окружении Тито еще до конфликта, стала приобретать все более отчетливую артикуляцию. В политбюро ЦК КПЮ открыто заговорили о необходимости пересмотра сталинской концепции строительства социализма и поиска собственного варианта действий. Главными проводниками новых идей и критиками сталинской модели социализма, реализуемой, помимо СССР, в странах «народной демократии», становятся лидер КПЮ Й. Броз Тито и его ближайшие соратники Э. Кардель, Б. Кидрич, В. Влахович, С. Вукманович-Темпо, М. Пияде, М. Джилас, А. Ранкович. В то же время политика югославского руководства в вопросе разработки новой концепции социализма, учитывающей югославскую специфику, не всегда была последовательной. Так, пытаясь ответить на критику из Москвы, югославы предпринимают неудачную попытку колLECTIVизации сельского хозяйства.

В начале 1949 г. партийное руководство, отвечая на обвинения Информбюро в отходе от марксистского учения, включило в решения 2-го пленума ЦК КПЮ, состоявшегося 28–30 января, положения

о необходимости укрепления роли партии, дисциплины, дальнейшей централизации. Вместе с тем, в выступлении Джиласа, которое, однако, не вошло в опубликованные документы пленума, содержались призывы к поиску собственных путей в строительстве социализма, к отказу от старых шаблонов и стереотипов. Усиление советского давления на югославскую компартию в первой половине 1949 г., расширение клеветнической антиюгославской кампании и развернувшиеся репрессии против «титоистов» в восточноевропейских странах, в частности процесс Тр. Костова в соседней Болгарии, ускорили пересмотр сталинской практики югославским руководством. Принятие в мае 1949 г. закона о народных комитетах и 3-й пленум ЦК, прошедший в июле того же года, становятся рубежными событиями, свидетельствующими о ведущейся теоретической и практической подготовке к пересмотру советской концепции социализма, в частности вопроса о государственном контроле в промышленности. Начинается подготовка к введению новой системы управления государственными предприятиями, а в конце 1949 г. она получает законодательное оформление. Главные теоретики этой реформы Борис Кидрич и Эдвард Кардель ссылались при ее разработке на положение Маркса о передаче капиталистических фабрик и заводов в руки производителей при переходе к новой общественной формации. Тито поддерживал и направлял идеи реформаторов.

Ведущая роль в разработке основных положений теории самоуправления, а также реализации ее на практике, принадлежала Кидричу, в то время председателю Плановой комиссии. Критика бюрократического государственного капитализма, который, как считало югославское руководство, был реализован в СССР, сосредоточивалась на комплексе задач, которые Кидрич определял как первостепенные для пересмотра и переоценки советской теории и практики политэкономии. В частности, он предлагал отказаться от централизованного директивного планирования, отдав предпочтение его локальным формам. Летом 1949 г. появляется статья Карделя «О народной демократии в Югославии», написанная на основе его доклада в Народной скупщине в конце мая и посвященная принятию нового закона о народных комитетах. Кардель обосновывал свой тезис, согласно которому вводимые в закон дополнения и изменения, главным образом, относящиеся к расширению прав и полномочий народных комитетов, усилинию их вертикальной структуры от областного

до местного уровня, а также обновление механизма, позволяющего избирать в народные комитеты лучших и компетентных представителей трудового народа, будут способствовать дальнейшему развитию и укреплению «самоуправленческой демократии» в Югославии⁹. В работе впервые в разных контекстах вводится понятие «самоуправление», пока, однако, не привязанное к определенной теоретической платформе. В условиях нарастающих обвинений югославов советской стороной в искажении марксистско-ленинской теории Белград предпринимает попытки не только показать их несостоятельность, но и представить свое понимание «истинного марксизма». В указанной статье Карделья, который пытался выступить в роли главного теоретика югославского режима и интерпретатора истинного марксизма, содержался резкий протест против присвоения себе советскими «теоретиками» исключительного права рассматривать вопросы марксистской теории, подчеркивалась способность других партий, в том числе и югославской, разрабатывать эти проблемы, указывалось, что революционная практика КПЮ подтверждает основные принципы марксизма-ленинизма¹⁰.

Анализируя вносимые в закон дополнения, Кардель заочно polemизировал с лидерами зарубежных партий, входивших в Информбюро, — Г. Димитровым, Б. Берутом, М. Ракоши, Й. Реваи, а также с некоторыми советскими экономистами и теоретиками марксизма. Так, Кардель считал ошибочной существующую в теоретическом арсенале других компартий трактовку понятия «народная демократия» как переходного периода от капитализма к социализму, в котором не действует основной марксистский принцип диктатуры пролетариата. В споре с членом руководства итальянской компартии Э. Реале, он, опираясь на работы Маркса, утверждал, что «народная демократия» может стать реальностью только в условиях действия этого принципа. Позицию советского экономиста Е. С. Варги, определявшего форму народной демократии в странах Восточной Европы как уже не капиталистическую, но еще и не социалистическую, Кардель также подверг критике за неопределенность, используя фразеологизм «ни рыба, ни мясо». Попытки венгерского лидера Матяша

⁹ Edvard Kardeľ. O narodnoj demokratiji Jugoslaviji. Povodom novog Zakona o narodnim odborima. Beograd, 1949. S. 5.

¹⁰ Ibid. S. 24–26.

Ракоши рассмотреть эту проблему Кардель охарактеризовал как «теоретическую галиматию»¹¹. Он был убежден, что представления венгров о «народной демократии» (помимо Ракоши досталось и члену Политбюро ВПТ Йожефу Реваи) возникли не случайно, поскольку венгерская партия не прошла «через огонь революционной практики, который позволил бы ей освободиться от профессорского догматизма и идеологического схематизма»¹². Попытки сопоставить существующие в других компартиях взгляды на «народную демократию» с югославской трактовкой как единственно верной Кардель предпринимал также для утверждения тезиса о том, что необходимым и важным элементом этой формы власти является самоуправление трудящихся. С ним он связывал «углубление социалистического демократизма, который могли ослабить только бюрократические централистские тенденции»¹³. Развивая свою мысль, Кардель указывал, что государственная система Югославии при ведущей роли КПЮ строится на прямом участии широких народных масс в народной власти, в работе всех ее органов¹⁴. Так постепенно формировалось представление об уникальном характере югославского опыта социалистического строительства, существенно отличающегося от советского, сталинского варианта построения социализма, который был «навязан» и другим восточноевропейским странам.

Между тем, попытки построения нового теоретического фундамента носили в значительной степени схоластический характер, основываясь на переосмысленном опыте КПЮ в государственном строительстве на освобожденных территориях периода войны. Первые же послевоенные годы были временем воспроизведения во всей полноте советской модели, что не давало югославским теоретикам оснований говорить о появлении каких-либо оригинальных самостоятельных самоуправленческих идей в это время.

Новый закон о народных комитетах предусматривал их руководство (в рамках их компетенции) хозяйственной, социальной и культурной сферами на своих территориях на основе указаний и директив вышестоящих органов в соответствии с общегосударственным планом. В то же время, подчеркивал Кардель, местные

¹¹ Ibid. S. 9–12.

¹² Ibid. S. 15.

¹³ Ibid. S. 51

¹⁴ Ibid. S. 54.

комитеты закон наделял значительной самостоятельностью, что уменьшало их зависимость от решений и указаний отдельных министерств. Так, в частности, народные комитеты получали право создавать предприятия различного профиля, используя собственный, увеличенный за счет финансирования государства и коммунальных платежей бюджет¹⁵.

Этой законодательно оформленной, но еще в значительной степени декларативной идее народовластия предстояла реализация на практике. Кардель в своих мемуарах, перечисляя причины возникшего с СССР конфликта, называет среди них, не приводя, правда, убедительных доказательств и не говоря о времени этого события, выбор Югославией самоуправленческой модели общественного развития. Ситуацию в высших эшелонах партийной власти после разрыва с Москвой он описывает как череду беспрерывных дискуссий о перспективах развития социализма в стране, которые велись в окружении Тито. Особенно долго и обстоятельно обсуждал Кардель эти вопросы с Кидричем, руководившим, как он пишет, «одной из сложнейших областей нашей жизни — экономикой»¹⁶. Возможно, что именно тогда произошел синтез идей Карделя с экономическим замыслом Кидрича, что позволило подготовить к концу 1949 г. введение новой системы управления госпредприятиями.

Поиски новых форм хозяйствования, начатые Кидричем уже спустя месяц после появления резолюции Информбюро, как представляется по литературе, были ускорены необходимостью резко повысить эффективность экономики в условиях блокады с Востока, невозможностью выполнения в полном объеме принятого в 1947 г. 5-летнего плана. Как и другие руководители КПЮ, Кидрич разделял сформировавшееся к тому времени общее мнение о том, что обвинение Югославии со стороны Москвы свидетельствует о глубоком кризисе социализма в СССР, к которому его привел сталинизм¹⁷.

Как руководитель Плановой комиссии, Кидрич играл ведущую роль в радикальной переоценке югославами официальной сталинской экономической стратегии, в разработке основных

¹⁵ Ibid. S. 87.

¹⁶ Kardelj Ed. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Sećanja. Ljubljana; Beograd, 1980. S.133.

¹⁷ Modić L. Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča // Boris Kidrič. Sabrana dela. Beograd, 1985. T. I. S. 64.

экономических положений самоуправления¹⁸. В основе его критики советского бюрократического государственного капитализма лежало несколько положений. Он призывал к отказу от бюрократического понимания экономики, от диктата государственного плана, ратовал за предоставление предприятиям инициативы и самостоятельности и, ссылаясь на конкретные работы классиков марксизма, подчеркивал, что эти положения содержатся в марксистско-ленинской теории. Теоретические работы Кидрича о политэкономии социализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. («Характер товарно-денежных отношений в ФНРЮ», «Тезисы об экономике переходного периода в нашей стране», многочисленные статьи) заложили основу югославской самоуправленческой концепции, позволили вскоре перейти к ее практической реализации. В основе перехода лежала теория Маркса о том, что после пролетарской революции происходит отмирание государства и функции управления обществом берут на себя самоуправленческие организации рабочих и трудового народа¹⁹.

Во второй половине 1949 г. руководство страны привлекает для претворения в жизнь намеченного проекта профсоюзы. После серии переговоров представителей правительства и профсоюзов был подготовлен документ под названием «Руководство по созданию и работе рабочих советов государственных хозяйственных предприятий». 23 декабря 1949 г. за подписью Бориса Кидрича и председателя профсоюзов Джуро Салаи он был разослан во все центральные республиканские профсоюзы и на предварительно отобранные экспериментальные предприятия для создания там рабочих советов. В «Руководстве» говорилось о том, что рабочие советы создаются с консультативными функциями и для осуществления хозяйственного контроля, а также в целях более активного привлечения рабочих к борьбе за выполнение плановых заданий. Среди прочего отмечалось, что создание советов не умаляет роли директора в управлении предприятием, который, в свою очередь, обязан был принимать во внимание предлагаемые рабочим советом меры по совершенствованию производства и трудовых отношений. Первые рабочие советы были созданы в начале 1950 г. на 215 крупных предприятиях,

¹⁸ Ibid. S. 61; Кузнечевский В. Д. Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990. С. 17–25.

¹⁹ Bilandžić D. Nastanak i razvoj samoupravljanja u Jugoslaviji. Beograd, 1975. S. 5.

в том числе самый первый на цементном заводе «Првоборац» недалеко от Сплита. Их формированием занимались профсоюзные организации. До принятия в июне 1950 г. Закона о рабочем самоуправлении на предприятиях действовали уже 512 рабочих советов, а к концу октября выборы советов были проведены на 6319 предприятиях, на которых было занято около миллиона рабочих²⁰. Тито, выступая 27 июня 1950 г. в Скупщине с докладом по случаю обсуждения Закона, подчеркивал, что это второе по значимости событие в жизни страны после национализации, которое позволяет теперь реализовать лозунг «Фабрики — рабочим!» Часть его выступления была посвящена восхвалению трудового энтузиазма рабочих, их желанию перевыполнять планы, говорилось даже о любви рабочих к своим фабрикам. Слова Тито отражали надежды руководства на то, что новая социальная и хозяйственная инициатива партии будет способствовать увеличению производительности труда, принятию повышенных планов, широкому внедрению новаторства, развертыванию социалистического соревнования и, в конечном счете, даст дополнительный импульс экономическому росту страны²¹. Создание рабочих советов в стране преследовало, не в последнюю очередь, как можно судить по выступлению Тито, речам Карделя и переписке высшего партийного руководства, решение практических задач. Но дело не ограничивалось только этим. В своем выступлении Тито особо отметил, что учреждение советов не только не было преждевременным, как считают некоторые, но даже запоздало, поскольку до принятия «чудовищной резолюции» (резолюции Информбюро от 28 июня 1948 г. — А.А.) югославская компартия питала иллюзии относительно советского опыта, некритично воспринимала все происходящее в Советском Союзе. Объясняя свое высказывание, отмечал, что теперь, когда нет больше внешних авторитетов, кроме верного учения Маркса, Энгельса и Ленина, югославское руководство, исходя из собственных интересов, опыта и специфических условий страны, сможет пойти дальше своим путем. Тито подчеркнул, что использование заимствованных шаблонов нанесло стране много вреда, последствия которого она и до настоящего времени с трудом преодолевает²².

²⁰ Рабочее самоуправление в Югославии. 1950–1970-е гг. Београд, 1970. С. 23–25.

²¹ *Tito J. B. Borba za socijalističku demokratiju*. Zagreb, 1953. S. 9–10.

²² Ibid. S. 11.

Принятие Закона о рабочих советах потребовало серьезной реорганизации государственного аппарата, сокращения его функций, создания новых органов хозяйственного управления. Первые попытки в направлении децентрализации были предприняты уже в 1950 г., когда вместо ряда министерств были сформированы особые Советы и Генеральные дирекции в качестве новых органов государственного управления экономикой, осуществлявших координацию работы между отдельными хозяйственными отраслями, но лишенных оперативных функций прежних министерств. Однако уже в течение 1952 г. они, не сумев доказать способность эффективно управлять экономикой, были ликвидированы. В том же году принимается ряд законов и нормативных актов, на основе которых происходил постепенный переход к новой экономической системе, позволявшей расширить самостоятельность предприятий и права органов рабочего самоуправления. Были приняты акты, регулировавшие создание и прекращение работы хозяйственных объектов, распределение совокупного дохода, управление основными средствами производства, заработную плату рабочих и служащих. Происходило расширение самоуправления и в других сферах — просвещения, культуры, здравоохранения, социальной защиты. Вместе с тем на данном этапе развития самоуправления требовалась постоянная коррекция и активное вмешательство государства²³. Вероятно, многие новации того периода были связаны с подготовкой к очередному съезду югославской компартии, на котором широкой общественности следовало предъявить результаты соиздательной и успешной работы коммунистов в социальной и экономической сферах. Но, как отмечалось в югославской литературе о самоуправлении, в 1950–1951 гг. в общественно-экономической ситуации в стране существенных изменений не произошло²⁴.

Несмотря на то, что концептуальные основы перехода к самоуправлению к этому времени были созданы, переход к практической реализации сталкивался со многими трудностями. Во-первых, сохранялось устойчивое представление о социализме с его принципом детального экономического планирования и соответствующей системой организации общества. Это рождало сильную тенденцию к сохранению административно-бюрократической системы управления

²³ Рабочее самоуправление в Югославии. С. 29–31.

²⁴ Bilandžić D., Tonković S. Samoupravljanje. 1950–1974. Zagreb, 1975. S. 34.

экономикой. Противоположной тенденцией было стремление к радикальным и немедленным переменам в существующих отношениях, восстановление свободного рынка с товарно-денежными характеристиками, а затем переход к демократизации высокими темпами, что привело бы, как считало руководство, к возрождению только недавно ликвидированного классового противника. Подтверждением реальности подобной опасности служили, в частности, отдельные призывы к реставрации капиталистических общественных отношений²⁵. Реализацию самоуправленческой концепции затрудняло и наличие объективных факторов: экономическая блокада, засуха, возведение крупных индустриальных объектов, что способствовало укреплению централистской системы экономики²⁶. Оценивая позднее, в 1970-е гг., в период интенсивных самоуправленческих реформ, сложившуюся ситуацию в обществе, известный исследователь проблематики самоуправления Д. Биланджич указывал, что для реализации концепции самоуправления необходимы были изменения политической системы. Следовало лишить компартию как авангард рабочего класса властных функций, что, однако, в той исторической обстановке нельзя было допустить, поскольку это ослабило бы оперативную способность руководить процессами в обществе и привело бы к оживлению контрреволюции²⁷. Биланджич считает, что объективным критерием готовности общества к принятию самоуправленческих идей должно было стать формирование гражданского общества без догматических шаблонов, в котором человек свободно мыслит и говорит. Это требовалось во всех сферах жизни общества — от экономики и политики до образования, науки и культуры. Вместо закрытости и автаркии, в которой пребывало югославское общество, необходимо было сделать его более открытым миру, способствовать интеграции в мировое пространство, поскольку бюрократическая изоляция общества привела бы только к стагнации и вероятным кризисам. В то же время югославская партийная элита считала чересчур быстрое вхождение в «мир» нежелательным, поскольку могло бы, по словам Биланджича, создать угрозу начатой индустриализации и тем самым идее самоуправления, которая в значительной степени зависела от уровня

²⁵ Bilandžić D., Tonković S. Op. cit. S. 34.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid. S. 26–27.

экономического развития страны²⁸. В целом, как отмечает автор, ситуацию характеризовала общая отсталость производительных сил, высокая степень конфликтности в обществе, отсутствие какой-либо демократической традиции, и все это на фоне грандиозных революционных идей, призывов осуществить «великие идеалы демократического самоуправленческого социализма»²⁹.

Введение в стране самоуправления югославское руководство рассматривало как реализацию марксистских идей, направленных на демократизацию общества, противопоставляя свою концепцию, как было сформулировано, сталинскому государственно-бюрократическому капитализму. Подробное освещение эта проблема получила в выступлении Тито на VI съезде КПЮ (СКЮ) в ноябре 1952 г. Подняв проблему бюрократизма в государственных структурах, он с удовлетворением заявил, что всего за два года руководство страны осознало его опасность и приняло меры к отказу от советской практики, рождающей подобное явление. В целом доклад Тито, как и выступления других представителей партийного руководства, подчеркнуто противопоставляли новую югославскую теорию «auténtичного» марксизма советской бюрократической модели. За явной антисталинской фразеологией стоял четко сформулированный план: как можно доходчивее донести до югославской общественности, а главное до западных спонсоров и вероятных союзников, цели и содержание новой политики руководства КПЮ — осуществление отхода от догматического советского социализма.

Дальнейшее развитие югославского самоуправления вплоть до последних лет перед распадом Югославии как федерального государства представляло собой непрерывный законотворческий процесс. В 1950–1970-е гг. было принято большое число различных нормативных актов, регулирующих отношения рабочих коллективов, предприятий и государства. Закреплялось усиление роли трудающихся в принятии решений не только в производственной сфере, но и в области распределения доходов, что на первых порах носило формальный характер. Самоуправленческая теория и практика стала привлекать внимание других стран «народной демократии», в частности Польши и Венгрии, однако в силу специфики их развития,

²⁸ Ibid. S. 27.

²⁹ Ibidem.

а также дававшихся Москвой негативных характеристик этого югославского эксперимента, последний не получил распространения.

Формирование югославской модели было процессом, охватывавшим все сферы жизни общества, включавшим не только экономику, но и социальные и общественные институты, сферу культуры, внешней политики, в которой шел поиск новых ориентиров. Все предпринимавшиеся в тот период югославским руководством шаги несли на себе отпечаток конфликта с Москвой: в Белграде стремились артикулировать свое негативное отношение к сталинской теории и практике социализма, называя их искажением марксизма-ленинизма. Вводимые новации должны были также подчеркнуть роль КПЮ и ее руководства в развенчании советской практики и обозначить возвращение Югославии к истокам социалистической теории, сформулированной Марксом и реализованной на практике Лениным. Политика Тито и его соратников по ревизии сталинизма носила исключительный характер: ни одна из компартий советского блока не могла себе позволить даже малейшей критики советского режима, не говоря об отказе от проведения согласованного с Москвой политического курса.

Позиция югославов, осужденная большинством компартий, нашла поддержку в социалистических партиях и троцкистских группировках в Европе, рассматривавших вызов Белграда Москве как начало необратимого процесса распада целостной иерархической структуры советского блока и появление нового независимого центра либерального социализма вместо тоталитарной «столицы». Избранная югославским руководством антисталинская стратегия, возникшая в результате конфликта с Кремлем, воспринимались в странах «народной демократии» как неслыханный вызов первой стране социализма и ее лидеру³⁰. Воодушевление, вызванное появлением титоистов-раскольников в советском блоке спустя всего три года после его возникновения, охватило многих на Западе – от сторонников Тито в правящих кругах до ряда известных деятелей и широкой общественности. В США и Великобритании раскол в коммунистическом лагере рассматривался в контексте «холодной войны» как элемент,

³⁰ Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории /Отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб., 2017. С. 56–57.

ослабляющий главного противника, дающий возможность использовать Югославию в стратегических планах, а также в идеологической борьбе с коммунизмом. В то же время часть западных политиков и политэмигрантов из Восточной Европы предупреждала, что режим Тито ничем не отличается от советского, является его клоном, а также союзником и проводником его интересов на международной арене. Некоторые называли Тито «тroyянским конем» Кремля. Особенно оживились подобные настроения после смерти Сталина и с началом нормализации советско-югославских отношений.

Культурная сфера, в первые послевоенные годы находившаяся под значительным советским влиянием, воспроизвела принятую в СССР модель культурного строительства: ликвидацию безграмотности, трансляцию идеологически выверенной культурной продукции, активное идеологическое перевоспитание масс, борьба с буржуазной культурой. Известный югославский (черногорский) поэт, сторонник и проводник соцреализма Радован Зогович в 1946 г., говоря о задачах, стоящих перед югославской литературой, подчеркивал необходимость идеально вооружать людей, показывать им положительные примеры на фоне отрицательных³¹. На V съезде КПЮ в июле 1948 г. руководивший агитпропом Джилас в докладе об агитационно-пропагандистской работе подверг критике «антигуманное» буржуазное творчество, указывал на его далекий от реализма характер³². Репрессии против деятелей культуры, отказавшихся принять коммунистический режим новой Югославии и выступавших с его критикой, приобретали систематический характер. В 1948 г. на 15 лет был отправлен в тюрьму известный писатель Борислав Пекич³³. Предпринимались попытки отказа от советской практики, признававшей лишь одобренные партийной верхушкой, а зачастую лично Сталиным образцы. В основе югославской культурной перестройки лежало стремление ограничить или даже полностью отойти от трансляции текущего советского культурного контента, за исключением классических образцов в литературе, кинематографе, музыке,

³¹ Бокун-Динић Соња. На судилишту агитпропа. Етатизам и книжевно наслеђе 1944–1952. Београд, 1997. С. 28.

³² Bela knjiiga – 1984. Obraćun sa «kulturnom kontrarevolucijom» u SFRJ /Prired. K. Nikolic, S. Cvetkovic, D. Tripkovic. Beograd, 2010. S. 7.

³³ Ильина Г. Я. Годы, которые съела саранча // Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. ХХ век / Отв. ред. М. Г. Смольянинова. М., 2006. С. 248–259.

от заимствования советских методов, клише и шаблонов, подчеркивалась необходимость возвращения к национальным традициям и восстановления существовавших ранее контактов с Западом в различных областях культуры. Главным было принципиальное решение партийного руководства дать возможность художественной интеллигенции реализовать их мечты о свободном творчестве. Однако при этом постоянно подчеркивалось, что это прерогатива той части интеллигенции, которая смогла усвоить идеи социализма³⁴. Идея на этот шаг, руководящая верхушка соглашались лишь на дозированное, цензурированное «проникновение» западной культуры в югославскую, что подчеркивалось в принятых в тот период многочисленных партийных документах. Последующий период, вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг., характеризовался постоянной полемикой интеллигенции и партийных органов по вопросу о расширении списка дозволенного. В 1955 г. было разрешено основать два журнала – «Современник» и «Дело». Вокруг первого объединились писатели-реалисты, а второго – модернисты³⁵. Предметом острых споров стали переводы произведений западных авторов, кинопрокат, трансляция музыки, внедрение новых методов в образование и преподавание научных дисциплин, развитие социологии и политологии. Однако такие области, как исторические науки, особенно новейшая история, оставались в сфере жесткого партийного контроля: ученые должны были в своих исследованиях следовать спущенным сверху установкам и концепциям. Проблематика советско-югославского конфликта трактовалась однозначно как смелый вызов югославского руководства во главе с Тито Сталину и советской политике. Истоки конфликта предлагалось датировать периодом национально-освободительной борьбы югославских коммунистов с оккупантами и их пособниками в годы войны. Следует отметить, что Москва в тот период уже с трудом контролировала культурную политику, проводимую компартиями стран «народной демократии», а тем более не могла это делать в отношении югославов, несмотря на начавшуюся в середине 1950-х гг. нормализацию двусторонних отношений. Советская сторона сконцентрировала внимание на коррекции партийного курса СКЮ,

³⁴ Гаталовић М. Дарована слобода. Партија и култура у Србији. 1952–1958. Београд, 2010. С. 162.

³⁵ Там же. С. 170.

надеясь на то, что ей удастся вернуть ее в лагерь социалистических стран, в русло традиционных представлений о марксизме, которых придерживались кремлевские теоретики.

Процесс формирования самоуправленческой модели проходил в тесной связи с поиском югославским руководством новой внешнеполитической линии. В годы конфликта с Москвой произошло сближение Югославии с Западом, прежде всего с США, которые рассчитывали в условиях «холодной войны» получить еще одного союзника в Восточном Средиземноморье, объединив в один блок Грецию, Турцию и Югославию. В годы тесных отношений с Западом, а затем и с началом нормализации с советским блоком американцы сообщали в Белград о готовности допустить, что югославы могут осторожно возобновлять свои отношения с Москвой и восточноевропейскими странами, сохраняя при этом на прежнем уровне контакты с Западом и оставаясь верными заключенным ранее договоренностям об отказе от вхождения в военно-политический союз с Москвой. Югославское руководство, строго придерживаясь своего идеологического выбора, вынуждено было в этих условиях маневрировать, поскольку обстоятельства вплоть до 1953 г. складывались не в пользу Югославии: сохранялась реальная угроза ее территориальной целостности. Тито и его соратники на первых порах принимают тактику опоры на ООН, в которой, как им казалось и как их убедили США, они могли рассчитывать на широкую международную поддержку в своей борьбе с агрессивными замыслами восточных соседей. В такой обстановке постепенно происходило оформление будущей югославской внешнеполитической концепции внеблоковой политики. Контакты со странами, освобождавшимися от колониальной зависимости, такими как Индия, Индонезия, Бирма, Эфиопия и другими, позволили Белграду начать поиск альтернативного курса внешней политики, отвечавшего его идеологической природе. В то же время югославское руководство, исходя из необходимости преодоления экономической и политической изоляции, возникшей в результате конфликта с СССР, с начала 1950-х гг. начинает активно сотрудничать с США и их союзниками, получать экономическую и военную помощь. Белград, тщательно оговаривая условия своего участия, идет на заключение Балканского пакта с Турцией и Грецией (февраль 1953 г.) Двойственный характер этого союза, в котором американцы, в первую очередь, видели военный аспект, а югославская сторона постоянно настаивала на его

экономическом и культурно-гуманитарном содержании, стал очевиден в период нормализации отношений с Москвой. Югославские дипломаты и политики в контактах с советскими коллегами стремились заверить их, что Балканский пакт не имеет антисоветской направленности и был заключен в период тесных отношений с США и реальных опасений агрессии с Востока.

Первые шаги, предпринятые югославским руководством в конце 1940-х – начале 1950-х гг. по оформлению новой общественно-политической и экономической концепции социализма, стали возможны только в условиях разрыва отношений с СССР. Во многом начатые реформы носили декларативный характер, были рассчитаны на противопоставление новой «auténtичной» югославской концепции советской, как подчеркивалось, сталинской, практике. Вместе с тем в 1960–1970-е гг. самоуправленческая модель получила развитие, показала свою эффективность и вместе с другими факторами позволила Югославии войти в число стран с развитой экономикой и сравнительно либеральной общественной системой. Тито стал лидером Движения неприсоединения, получив широкое признание в мире. Любые попытки югославских коммунистов осуществить этот эксперимент, оставаясь в советском блоке, были бы лишены перспективы.

«Опыт русского пролетариата даст нам возможность правильно проводить ту же задачу в Югославии...» Участие югославских студентов в коллективизации в СССР в начале 1930-х гг.

В настоящей статье¹ речь пойдет об участии молодых югославских коммунистов в колхозном строительстве в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Полученный опыт воплотился в попытке коллективизации села, которую Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) предприняла двадцать лет спустя². Таким образом, представленные ниже документы можно считать дополнительным косвенным подтверждением общезвестного факта: после окончания Второй мировой войны коммунисты во главе с Йосипом Броз Тито, несмотря на разрыв отношений с Москвой (1948 г.), «следовали советской общественной модели»³. В пользу данного утверждения за последние десятилетия приведено немало аргументов, позволяющих сделать однозначный вывод: «Титовский режим, несмотря на все косметические изменения, <...> являлся ничем иным как сталинизмом, прикрытым маской с человеческим лицом»⁴. Тем не менее, до сих пор некоторые

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, тема «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подтема «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление», проект «Австро-Венгрия: механизмы самоорганизации культурно-сложных сообществ в композитарной монархии», № 0178-2018-0008.

² Едемский А.Б. Югославия в 50-е годы: в поисках аутентичного марксизма // Югославия в XX веке: очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 595–602.

³ Perović L. Srbi ponovo u jednoj državi, opet zajedno sa drugim narodima // Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd, 2017. S. 236.

⁴ Милорадовић Г. Лепота под надзором: совјетски културни утицаји у Југославији: 1945–1955. Београд, 2012. С. 45.

современные исследователи, опираясь на тот факт, что у Тито состоялся «открытый конфликт со Сталиным», утверждают, будто послевоенное югославское государство характеризовал «антисталинизм». Историческое значение социалистической Югославии те же авторы видят лишь в том, что она «обеспечивала эманципацию, модернизацию, а также безопасность для всех проживавших в ней народов»⁵.

На деле «антисталинизм» Белграда сводился к персонифицированному образу врага, сформировавшемуся в ходе борьбы, которую югославские коммунисты, по словам Мирослава Йовановича, после 1948 г. «вели против коммунистов советских, оспаривая право считаться правоверными наследниками и толкователями Маркса и Ленина»⁶. Указанный образ служил одним из краеугольных камней титовской идеологии, в духе которой трактовалась как актуальная действительность, так и недавнее прошлое. «Тексты, возникшие во второй половине XX в., имели характер имагинарных утопий, основанных на автостереотипах, или морализаторских трактатов, посвященных преимуществам “нашего” коммунизма над “их” коммунизмом», — так оценивал покойный белградский профессор степень идеологизированности историографии новейшего времени в ФНРЮ/СФРЮ.

Дабы подтвердить «преимущества», требовалось доказать «автохтонность» югославского революционного движения в годы Второй мировой войны, проследить неуклонную «национальную эманципацию»⁷ КПЮ от Коминтерна/СССР, а также, говоря словами одного партийного бонзы, опровергнуть «сказку, будто Югославию освободила Красная армия»⁸. Теоретизирование на тему «оригинальных путей Югославской революции»⁹ привело Бранко Петрановича к тезису о том, что та, «по причине свершившегося стратегического

⁵ Bešlin M., Milošević S. Multiperspektivnost (post)jugoslovenskih istorija // Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. S. 18.

⁶ Јовановић M. О „две Русије“ у српском друштву или Русија „за унутрашњу употребу“: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима: од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија /приређивач М. Јовановић. Београд, 2011. С. 22.

⁷ Petranović B. Revolucija i kontrarevolucija u Jugoslaviji (1941–1945). Knjiga druga. Beograd, 1983. S. 271.

⁸ Срби о Русији и Русима. С. 534.

⁹ Petranović B. Revolucija i kontrarevolucija u Jugoslaviji. S. 250.

поворота в сторону села ближе китайской революции, чем русской»¹⁰. Может показаться, что сегодня излишне опровергать данное утверждение, которое само по себе демонстрирует справедливость выше-приведенной констатации М. Йовановича. Однако, как мы смогли убедиться, не все мифы из югославско-коммунистического пропагандистского набора ушли в прошлое вместе с государством и партией, их породившими. Так, авторский коллектив, убежденный в «анти-сталинизме» режима Тито, рассказывает «молодым генерациям», как «Сталин попросил руководство партизанского движения, чтобы в освобождении Белграда участвовали части Красной армии»¹¹.

Востребованность «сказок» про то, что титовские партизаны сами освободили страну, а революция югославско-китайского типа осуществлялась в интересах крестьянства, побуждает нас напомнить, где и как молодые члены КПЮ «овладевали марксистским методом», превращаясь в «сознательных партийных работников»¹².

* * *

Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ)¹³ учрежден в конце 1921 г. решением СНК РСФСР и просуществовал до 1936 г., когда многие его руководители и слушатели разделили печальную участь своих кураторов из аппарата Коминтерна. Как образовательное учреждение университет соответствовал представлениям большевиков о том, кто и чему должен учиться в «совпартишколе». «Это главным образом молодежь, у которой мало жизненного и партийного опыта, и нет никакой общеобразовательной подготовки»¹⁴, — доклад Н. К. Крупской на II Всероссийском

¹⁰ Ibid. S. 267.

¹¹ Perović L. Srbi ponovo u jednoj državi. S. 235. Подробнее об этом эпизоде см.: Гибаницкий Л. Я. Возникновение новой югославской государственности // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. С. 497–498; Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. С. 321–322.

¹² Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М., 1960. Т. IX. С. 129–132.

¹³ Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского (КУНМЗ) — учебное заведение Коминтерна, работавшее в 1922–1936 гг. Учрежден декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Первый ректор — Юлиан Мархлевский. Университет состоял из различных секторов: еврейского, латышского, польского, немецкого, югославского, болгарского и т. д. Закрыт в 1936 г.

¹⁴ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. С. 129–132.

съезде совпартишкол и комвузов, хотя и прочитан в 1923 г., но точно характеризует состав учащихся Югославского сектора конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. При этом безграмотность считалась едва ли не достоинством студентов, которым не приходилось «изживать собственные мелкобуржуазные настроения»¹⁵. «Она неграмотна, малоподготовлена, не привыкла отвлеченно мыслить, работать над книгой, — продолжала характеризовать учащуюся молодежь Крупская, — но ее революционные переживания являются громадным плюсом. Они помогают ей овладеть часто очень тяжелым материалом. Молодежь, напрягая все свои силы... овладевает марксистским методом». Он и есть главное знание и умение «строителей с зорким глазом и твердой рукой, хорошо подготовленных, умеющих самостоятельно ориентироваться в окружающей действительности». Для того чтобы стать ими, достаточно «уметь писать, суметь прочесть любую книгу... уметь определенным образом подойти к вопросу».

Взяв из «общеобразовательных предметов только абсолютно необходимое», без всех прочих знаний «прекрасно можно было бы обойтись». Ведь они «для укрепления марксистского мировоззрения никакого значения не имеют». Да и некому было обучать «коммунистов-практиков». Ведь, как констатировал в 1926 г. журнал «Коммунистическое просвещение», «преподаватели совпартишкол это обычно партработники, снятые с оргработы и в подавляющем большинстве не получившие систематической подготовки, особенно по педагогическим дисциплинам»¹⁶. При этом, следует отметить, что образовательный уровень видных деятелей КПЮ, преподававших в Югославском секторе и фигурирующих в публикуемых нами документах, был много выше, чем у студентов. Филип Филипович окончил Петербургский университет и стал профессором математики; Анте Цилига защитил диссертацию на философском факультете Загребского университета; Гргур Вуйович обучался социологии в Вене и т. д.

О структуре КУНМЗ дает представление М. Я. Фрумкина¹⁷, занимавшая должность ректора с 1922 г. до закрытия университета: «Наш

¹⁵ Совпартишколы и комвузы. По материалам журнала «Коммунистическое просвещение» с добавлениями и примечаниями при руководящем участии А. Ф. Рындича. М.; Л., 1926. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Фрумкина Мария Яковлевна (Лившиц Малка Янкелевна) (1880–1943) — советский партийный и государственный деятель, участница еврейского

университет по учебной линии построен на началах национальных секторов, а ячейка — на основе интернациональных парткружков. <...>

Всеми делами у нас руководит единое бюро яч[ейки]... Вся студенческая масса разбита по парткружкам, эти парткружки интернациональны. Мы включаем в парткружок студентов разных секторов, но одного курса. Это также есть единица общежития, это также единица профкружков. Эти парткружки имеют парторга, профорга. <...>

Что касается сектора. Сектор не есть парторганизация, это только учебная орган — секторская парттройка, которая занимается не только вопросами партийными, но и всякими секторскими вопросами. <...>

Как тройка конструируется? Зав. сектором — постоянный ее член, второй — член бюро яч[ейки], который избирается на общем собрании ячейки, и третий выбирается общим собранием сектора. <...>

Зав. сектором еженедельно у меня должен иметь доклад, где он докладывает обо всем»¹⁸.

Югославский сектор появился позже остальных и по численности уступал польскому, болгарскому и другим. Общее количество выпускников-югославян установить не удалось, однако известно, что семь «выпусков»¹⁹ 1929–1934 гг. в сумме насчитывали всего 95 человек²⁰. О том, как появился интересующий нас сектор, в 1929 г. вспоминал Филип Филипович²¹: «Еще в 1925 г. мы подняли вопрос в ЦК Юго-Славской Компартии о необходимости создания при КУНМЗе Юго-Славского сектора. Благодаря содействию т. Молотова, нам удалось открыть здесь сектор, и нужно было приступить к его организации, надо было подыскать зав. сектором. В это время приехал т.

социал-демократического и коммунистического движения. Проректор и ректор КУНМЗ (1922–1936 гг.). В 1938 г. арестована. Умерла в лагере близ Караганды.

¹⁸ Москва—Сербия, Белград—Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Авторы-сост.: А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. А. Силкин. М., 2017. С. 297.

¹⁹ В 1931 г. состоялись «весенний» и «осенний» выпуски.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 673. Л. 1, 3–3 об., 14–17 об.

²¹ Филипович Филип (псевд. Башкович Башко) (1878–1938) — один из основателей и руководителей КПЮ. С июля 1924 г. — член ИККИ; с 1926 г. — член, затем кандидат в члены Президиума ИККИ, представитель КПЮ при ИККИ. Работал в Балканском лендесекретариате. В 1929–1932 гг. — в составе заграничного руководства КПЮ в Вене. С 1932 г. работал в Москве. В 1938 г. депрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

Брацанович²², который находился на сов. работе в СССР. Ряд товарищей рекомендовали его заведующим, и мы остановились на т. Брацановиче. Тов. Брацанович много работал по организации сектора, и летом 1925 г. был открыт сектор»²³.

В доступных нам документах сектор предстает «типичным» советским коллективом, имеющим профсоюзное и партийное начальство, встроенным в существующую общественно-политическую иерархию. Студенты по приезде в СССР становились членами ВКП(б), получали новые «русские», «украинские» и «кавказские» имена и фамилии. При этом, «растворяясь» в массе советских граждан, будущий партработник всегда имел в виду, что приобретенные знания и навыки ему обязательно предстоит применить по возвращении на родину. Это было предопределено той двойкой задачей, которую Коминтерн поставил перед руководством КУНМЗ: «Одно — чтобы его пребывание в СССР было использовано для максимального ознакомления с жизнью русского рабочего, русского крестьянина, изучить опыт русского пролетариата... С другой стороны, чтобы он никогда ни на минуту не отрывался от жизни родного края или родного народа. <...> Воспитание работников для иностранных партий в наших условиях — трудная вещь, она связана с бесконечным количеством препятствий. <...> Женятся, детей заводят и не хотят ехать обратно»²⁴.

Одну из форм передачи «опыта» представляла собой «практика», которая имела целью не только обучение чему-либо, но и (пере)воспитание. В последнем нуждались многие слушатели КУНМЗ, испытывавшие когнитивный диссонанс от несоответствия советской действительности «заочным» представлениям о первом пролетарском государстве: «Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных», — сообщала М. Фрумкина. — Они попадают сначала в состояние глубокого разочарования. Когда посылаем на русскую фабрику, они тоже приходят с настроением, что плохо работают, везде волокита

²² Брацанович Брацан (1893–1929) — черногорец, югославский коммунист. Член КПЮ с ноября 1918 г. Один из основателей компартии в Черногории. В СССР — с 1923 г. С августа 1925 г. — заведующий Югославским сектором КУНМЗ. В 1928 г. направлен в Югославию в качестве инструктора ЦК КПЮ и секретаря обкома партии в Сербии. Арестован в августе 1929 г. Застрелен 27 сентября 1929 г. при попытке к бегству.

²³ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 293.

²⁴ Там же. С. 296

и т.д. <...> Мы убедились, что это болезнь, которую должен пережить каждый приехавший из-за границы. Тогда при достаточно умелом воздействии эти настроения постепенно слабеют... Мы не предпринимаем репрессивных мер, мы прикрепляем всех к фабрикам и заводам... в Совхоз... мы считаем, что это лучше, чем репрессии»²⁵.

Иллюстрацией слов ректора служат как признания студентов, зафиксированные в протоколах заседаний сектора, так и доносы однокашников друг на друга. По понятным причинам проявления откровенности чаще встречаются в документах, датированных, самое позднее, 1925–1927 гг. Приведем отрывок из доклада «тov. Носкова»²⁶, который он прочитал перед сектором в октябре 1927 г. после двухмесячного пребывания в подшефном совхозе КУНМЗ: «Ведение хозяйства в совхозе неудовлетворительное и неумелое, и не приходится удивляться размеру дефицитности»²⁷. Мнение Носкова, судя по разделу «Прения» в протоколе собрания, разделялось и его товарищами: «Когда слушаешь, что говорит тов. Носков, становится стыдно, но это правда, — работа в совхозе никуда не годится <...> В кооперативе цены, как в буржуазном государстве, — повышаются, вместо того, чтобы понижаться». С конца 1920-х гг. университетскому руководству и компетентным органам о подобных впечатлениях рассказывали уже не сами носители «настроений», а их внимательные слушатели. Например, в 1933 г. некто Мосиенко сообщал «Комиссии по чистке ячейки ВКП(б)», что проверяемый ею Козлов «говорил, возвращаясь с практики, что рабочие в совхозе живут хуже, чем венгерские батраки в Венгрии. На практ[ической] работе после этого, на заводе, тоже говорил, что из-за того, что рабочие плохо живут, может грозить опасность во время войны, что рабочие не будут на нашей стороне, а наоборот»²⁸.

Наряду с работой на заводах и в совхозе, студенты проходили практику и по линии МОПР²⁹, о чем свидетельствует протокол

²⁵ Там же. С. 295.

²⁶ Носков Петр Иванович. (род. в 1894 г.) По национальности — серб. Член ВКП(б) с 1926 г. Окончил КУНМЗ в 1929 г. Направлен на партийную работу в Югославию, где был убит. (РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 679. Л. 14.)

²⁷ Москва— Сербия, Белград— Россия. С. 290.

²⁸ Там же. С. 330.

²⁹ МОПР — Международная организация помощи борцам революции. Создана в 1922 г. по решению IV конгресса Коминтерна. В международном масштабе действовала до Второй мировой войны. Советская секция МОПР работала до 1947 г.

собрания от 7 февраля 1929 г. Закономерной выглядит реакция на увиденное в Закавказье, где самобытные черты местных народов стали препятствием для сбора средств на спасение зарубежных «борцов революции»: «В ЦК МОПР Грузии раньше были бандиты и растратчики. <...> Воспитательная работа стоит скверно, особенно на предприятиях. <...> Комсомол и профсоюзы работают плохо»³⁰. Общий вывод, к которому пришли студенты югославского сектора по итогам заседания, можно считать весьма проницательным с точки зрения перспективы развития межэтнических отношений в регионе: «Большинство членов МОПРа на местах недостаточно хорошо понимают классовые задачи МОПРа. <...> Воспитательная работа очень слаба и бессистемна, особенно систематическая интернациональная пропаганда. <...> Специфические недостатки: интернациональн[о] - восп[итательная] работа между нацменьшинствами слаба (Грузия, Азербайджан), нац[иональный] момент мешает интернациональн[о] воспитанию»³¹.

Описанное выше принципиально отличалось от весенней практики 1930 г. Если раньше пребывание в совхозе сводилось к «культурно-просветительной работе в селах, окружающих этот совхоз», то теперь студенты внесли вклад в осуществление массовых репрессий, а именно, как выразился один из них, «поехали в деревню для помощи партии в деле ликвидации кулака как класса»³². По возвращении в Москву они делились друг с другом собственным опытом колхозного строительства. Протокол собрания сектора, состоявшегося 8 апреля 1930 г., интересен тем, что отражает колебания «партийной линии», как она виделась непосредственным исполнителям. Обсуждая «Отчет о практической работе в деревне», студенты сначала описывают руководству сектора собственное рвение, с которым они приступили к раскулачиванию:

³⁰ РГАСПИ. Ф. 529. Оп.1. Д. 660. Л. 4.

³¹ Москва – Сербия, Белград – Россия. С. 301–302.

³² Там же. С. 312–317. Протоколы собраний сектора позволяют реконструировать «географию» участия югославов в «колхозном строительстве». По большей части их отправляли в приграничные районы европейской части СССР или в те области, где компактно проживали национальные меньшинства. А именно, в Крым (Симферополь), в населенные немцами и болгарами села Одесской области (Благоево, Стадино и др.), Приднестровья (Парканы), в Западную область, в Донбасс, а также на Кавказ («Кабардинский округ»), в Башкирию и т. д.

«Тов. Чукчаев: Вся наша работа проводилась в ударном порядке. Я приехал на место в момент объявления района районом сплошной коллективизации. Не было никакой подготовки бедняков. Этот район во время и после Октябрьской революции был контрреволюционным. [...] Кулаки поджигали дома, убивали телят и т. д.».

Тов. Довьяненко: Я работал в Молдавии, в деревне. Я получил такое впечатление, что эта вся деревня до последнего времени не знала о советской власти. <...> Проводили собрания с беднотой, середняками и женщинами. Затем хотели созвать общий сход, но получили отпор со стороны женщин. Когда мужчины решили вступить в колхоз, женщины пошли на Днестр и начали звать румын, чтобы [они] их спасли от коллективизации, но с румынского берега ответили возгласами «Да здравствует советская власть». Мы организовали 120 хозяйств, мы работали не только для количества, но и для качества... <...>

Тов. Городецкий³³: На месте был уполномоченным. Проводил в двух сельсоветах раскулачивание, сбор семенного фонда и т. д. Раскулачено 37, восстановлен только 1. <...> Работа по раскулачиванию и сбору семфонда проводилась при помощи батрацко-бедняцкого населения. <...>

Затем следуют объяснения и оправдания, которые после публикации статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения»³⁴, озвучивал, наверное, каждый ретивый обобществитель. Ответственность за все беды студенты возлагают на нерадивых местных руководителей:

«Тов. Богнина: Я была в болгарской деревне, где коллективизация была проведена на 90 %. <...> Председатель сельсовета анархически настроен; он хотел раскулачивать кулаков и оставить их без рубашки и бить их. <...>

Тов. Катанян: В районе, где я работал, секретарь не читает «Правды» и не может давать хороших директив. Комсомол политически не существует. <...>

³³ Городецкий Борис Петрович (1898–1986). По национальности — серб. Член КПЮ с 1922 г. В 1926–1930 гг. — студент КУНМЗ. Член ВКП(б) с 1926 г. После окончания университета жил и работал на Северном Кавказе, в Москве и на Украине (Винницкая область). В 1938 г. арестован. По приговору получил 5 лет ссылки, которую отбывал в Казахстане. В 1945 г. призван в Красную армию. Реабилитирован в 1956 г. Проживал с семьей в Москве.

³⁴ Статья опубликована в «Правде» 2 марта 1930 г.

Тов. Заварзин: Я работал в немецкой колонии. Там сектанты, которые организованно сопротивляются коллективизации. <...> Там крестьяне получали из-за границы контрреволюционные газеты, которые ГПУ допускал. <...>

Тов. Маркович З.: Парторганизация в станице, где я работала, слаба. <...>

Тов. Гуков: Я работал в Кабардинском округе. В парторганизации округа были ошибки. Я вел борьбу против ошибок в местных организациях окруж[ного] комитета. Организация колхозов проводилась насилиственно. «Кто не хочет в колхоз – хочет в Сибирь» – говорилось так. Там не велась массовая работа – и в том ошибка и причина распада колхоза. <...>

Тов. Маркович З.: [...] Там раскулачивались и бедняки, и середняки. У бедняка отнимали единственную корову, потому что ходил в церковь. Мы все эти искривления поставили перед окр[уж]жкомом. <...>

Тов. Лопачев: <...> Колхоз в моем районе распался вследствие неправильной линии в религиозном вопросе. Там после организации колхоза насили[ьно] превращали церкви под амбары. Это использовали кулаки, тоже как использовали при помощи женщин свои семейные связи. При коллективизации записывались подушки, куры и т. д. Все эти безобразия начались на религиозной основе, и они распространялись при помощи кулацкой агитации и на остальных районах. <...>».

«Практиканты» сознаются и в собственных «левых загибах» и с готовностью сообщают о тех, что допускались их однокашниками:

«Тов. Фатанович³⁵: Наш основной недостаток заключается в том, что мы не поняли директиву партии от 6 января³⁶. Особенно, что касается насилистического коллективирования. В этом вопросе мы делали определенные ошибки. У нас не было упорности в вопросах национализма по организации колхозов. Многие из наших товарищей не поняли, что во многих районах не существуют условия для создания коммуны. В этом мы делали ошибки. Многие из товарищей попытались это исправить, но не добивались этого с упорностью. Только тогда, когда мы

³⁵ Фатанович Иван Степанович (1902–?). Член ВКП(б) с 1929 г. В 1930 г. направлен на партийную работу в Югославию. Убит.

³⁶ Имеется в виду подписанная И. В. Сталиным директива ЦК ВКП(б) парторганизациям о хлебозаготовках, разосланная 6 января 1928 г. (см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. М., 1999. Т. 1. С. 136–137).

получили статью Сталина³⁷, тогда мы начали проводить эту линию более упорно. <...>

Тов. Загорский: <...> Мы приехали в деревню с неопределенными понятиями и должны были выполнять директивы местной ячейки. Основная моя ошибка была в обобществлении скота. Тов. Катанян <...> говорит, что если бы здесь были немцы или американцы, то они расстреляли бы весь этот народ. <...>

Тов. Катанян: <...> Тов. Загорский в кооперативе требовал и кричал перед массой крестьян о том, чтобы ему дали продукты, как члену партии. Он выступал против кандидатур в члены сельсовета, не согласовывая свое выступление с ячейкой. Бился на собрании с женщинами, гнал людей с бедняцкого собрания. Мы должны спросить себя, может ли он быть членом партии. Он [хотел], чтобы ему давали каждый день молоко и кровать. Я делал те ошибки, о которых писалось в газете. Загорский — авантюрист, ничего рабочего он в себе не имеет. <...>

Тов. Протич³⁸: Когда я разговаривал с т. Мгеладзе³⁹, он сказал, что все крестьяне бегут из колхоза. Рассказывал о восстаниях, о которых он все знает. Он говорил, что парторганизации не были вправе взять быстрый темп. <...>».

По итогам заседания принимается оптимистическая резолюция:

1) Под руководством Ленинского ЦК ВКП(б) на базе индустриализации страны с опорой на бедноту, в союзе с середнячеством, ведя сокрушительную борьбу с кулачеством, партия добилась колossalных успехов в деле переустройства сельского хозяйства] на социалистических началах. Эти успехи партии дали возможность перейти к борьбе с кулачеством от политики его ограничения и вытеснения к ликвидации кулачества, как класса.

2) Собрание констатирует, что в ряде мест были грубейшие извращения правильной линии партии, которые выражались

³⁷ Имеется в виду упомянутая выше статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения».

³⁸ Протич Миленко Иванович (Благоевич Милош, 1899–1938). По национальности — серб. В 1928–1931 гг. — студент КУНМЗ. С 1929 г. — член ВКП(б). После окончания университета жил в Москве. Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1964 г.

³⁹ Мгеладзе Шалва Георгиевич (Рудольф Ранцигер, 1908–1939). По национальности — словенец. В 1927–1931 гг. — студент КУНМЗ. Арестован в 1937 г. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1960 г.

в нарушении добровольности в колхозном строительстве, что лило воду на мельницу классового врага и привело в ряде мест до отлива их из колхозов.

3) Благодаря своевременной сигнализации этой опасности со стороны выступления т. Сталина в статье «Головокружение от успехов» и последовавшего постановления ЦК и правительства⁴⁰, эти извращения были в ряде мест прекращены, и там, где они прекращены, имеется обратный возврат в колхозы и прилив новых крестьян.

4) Собрание констатирует, что неверны обвинения правых оппортунистов и левых загибов, что партия отступила от своей генеральной линии в деле переустройства сельского хозяйства]. Наоборот, собрание констатирует, что отступлений⁴¹, как правильно выразился т. Стalin, могут здесь говорить лишь люди, считающие продолжение ошибок и искривлений наступлением, а борьбу с ошибками — отступлением.

5) Собрание считает, что лишь в непоколебимой борьбе со всеми правыми оппортунистическими шатаниями и левыми загибами мы сможем действительно продолжить успешную борьбу с кулачеством и закрепить за собой дальнейшие успехи в деле коллективизации.

6) Собрание констатирует, что посылка студентов югославского сектора на весеннюю практику вполне себя оправдала, и что студенты в основном справились с возложенной на них задачей, но вместе с тем имелись некоторые недостатки, которые обусловлены слабым знакомством наших студентов с русской деревней. Посылка наших студентов имеет огромное значение для них самих и [потому], что они получили громадный опыт в работе нашей партии в деревне.

7) Собрание осуждает враждебные выступления тт. Катаняна и Загорского, которые выявили междуусобную нетерпимость, и требует, чтобы бюро ячеек разобрало это дело.

8) Собрание единогласно выражает свое желание, чтобы правление университета в дальнейшем посыпало на деревенскую работу всех студентов югославского сектора 2, 3 и 4-го курсов.

9) Что касается посылки 1-го курса на практическую работу, собрание предлагает правлению университета обсудить этот вопрос.

⁴⁰ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении».

⁴¹ Так в тексте. Следует читать: что об отступлении.

10) Собрание осуждает поступок т. Лаврентьева⁴², который состоит в том, что он не считал своим долгом сообщить коллективу о сделанной им ошибке, состоящей в том, что он имел связь с женщиной из кулацкой семьи. Собрание предлагает бюро яч[ейки] разобрать дело т. Лаврентьева и осуждает его поступок».

Как известно, после XVI съезда ВКП(б) (26 июня – 13 июля 1930 г.) последовал возврат к прежним ускоренным темпам «сплошной коллективизации», установленным в 1929 г. Связь между этим решением и голодом, начавшимся в СССР в 1932 г., не вызывает сомнений, если принять во внимание свидетельства, зафиксированные в протоколе собрания Сектора от 25 марта 1931 г.:

«[Слушали]

Тов. Павлов: Я был на практической работе в Симферополе, в районе Евпаторийском, в колхозе семеноводческом]. Через две недели должны были быть посевы, а семена были собраны на 26%. Задача у них не было урожая. Собрать вовремя семена было невозможно, но все же мы собрали на 80%. Скот сыхал с голода. За короткий период сдохло больше 80 овец из-за того, что не было фуражка. Мы обращались в район, но они нам не помогали, они только говорили: «нажимайте на колхозы», а колхозы имеют задолженность по несколько тысяч. Не только фураж, но ничего не удавалось собрать, чтобы улучшить положение колхозников. <...>

Вопросы:

<...> Тов. Петрович: Каково выполнение хлебозаготовок?

Тов. Павлов: Выполнение на 100, 110 и 140%. [...]

[Слушали]

Тов. Петрович: Партийные и комсомольские] коллективы брали ставку на ликвидацию прорыва по заготовке. <...> Мы делали обыски у злостных невыполнителей плана, были случаи, когда в первый день не обнаруживали хлеба, через два дня находили хлеб у него же. Были случаи, когда в ямы прятали хлеб. <...>

Тов. Морозова: Я работала в Благоевском районе. Прежде всего я познакомилась с положением на селе. Коллективизация [проведена] на 85%. Плохо дело обстояло с хлебозаготовками <...> Я работала

⁴² Лаврентьев Аркадий Герасимович (Цар Андрия, 1897–1938). По национальности – хорват. В 1927–1931 гг. – студент КУНМЗ. Член ВКП(б) с 1928 г. После окончания университета жил в Горьком и Москве. По обвинению в троцкизме исключен из ВКП(б) в 1935 г. Арестован и расстрелян в 1938 г.

по сбору семян. Там было кулачество. Однажды ночью мы обнаружили, как крестьянин вез на базар хлеб продавать. Хлеб мы арестовали. Когда я уезжала, семена были собраны на 100 %. В этом районе прошло много пшеницы из-за влияния кулачества и неорганизованности колхозного труда. <...>»⁴³.

* * *

Студенты Сектора жили теми же чувствами, мыслями и заботами, что и советский народ. Меньшинство имело неосторожность присоединиться к «оппозиции». Большинство последовало за лояльно-активной частью общества, которая в расчете на повышение своего статуса и благосостояния поддерживала режим в борьбе с «врагами» в самой партии и вне ее. Вскоре — когда явных «врагов» и «социально-чуждых элементов» не осталось — эта часть, во многом из-за собственной безудержной активности, тоже оказалась в числе жертв тотального государственного террора. Те югославские коммунисты, кому повезло уцелеть, сформировали партийно-государственную номенклатуру социалистической Югославии. «Опытом русского пролетариата» они воспользовались в полной мере. Сбылся оптимистичный прогноз «тов. Фатановича»: «Этот опыт даст нам возможность правильно проводить ту же задачу в Югославии при диктатуре пролетариата». Ученики стремились превзойти своих учителей, если судить, в частности, по записям, сделанным М. Джиласом в сентябре 1947 г. в Польше в ходе учредительного заседания Коминформа. Слова В. Гомулки о том, что польский, болгарский и югославский путь в социализм — мирный путь, Джилас возмущенно прокомментировал: «Югославский путь не мирный путь! В относительном исчислении мы убили больше, чем большевики!»⁴⁴ Стремление «бежать впереди паровоза» не ослабело даже после разрыва с Москвой, во многом вызванного этим самым стремлением. Постановление об ускоренной коллективизации села 2-й пленум ЦК КПЮ принял аж в 1949 г.

⁴³ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 321–325.

⁴⁴ Цит. по: *Милорадовић Г.* Лепота под надзором. С. 43.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА: ФОРМИРОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, РЕАЛИЗАЦИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ

E.YO. Гуськова

Реформы послевоенной политической системы Югославии: за или против социализма?

После освобождения Югославии от фашистских оккупантов и победы народной революции началось строительство общественно-политической системы, мало отличающейся от той, которая уже несколько десятилетий функционировала в СССР. Поэтому страна изначально возникла как централизованное федеративное государство, но разрыв отношений с социалистическими странами Восточной Европы и СССР в 1948 г. заставил ее начать поиск новых форм существования «вне блока», задуматься о реформах политической и экономической системы. Ни одна другая страна за 40 лет не осуществляла столько реформ, изменений в экономической и политической системе, не принимала столько конституций и поправок к ним. После 1948 г. Югославия для многих стран, и в первую очередь для СССР, перестала быть классическим социалистическим государством. А как сами югославы смотрели на свою страну? Рассмотрим несколько этапов развития политической системы СФРЮ после 1945 г.

Демократия нового типа. Первый этап (1945–1950) связан со строительством централизованной административной системы власти в многонациональном государстве. Декларация Учредительной скупщины провозглашала создание Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) 29 ноября 1945 г. В Декларации говорится о том, что Югославия — «народное государство республиканского типа, содружество равноправных народов», и при этом ни разу не упоминается слово «социализм»¹. То же самое наблюдаем и в Первой Конституции ФНРЮ

¹ Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata / Petranović B., Zečević M. Beograd, 1985. S. 649–650.

(1946 г.), которая создавалась под большим влиянием Конституции СССР 1936 г. В тексте Конституции отсутствует термин «социализм»². Основной закон государства утверждал в стране федеративный строй, определяя, что Югославия является «союзным государством республиканской формы, объединением равноправных народов, которые на основе права на самоопределение, включая право на отделение, выразили свою волю жить совместно в федеративном государстве»³.

Отношения между республиками и федеральными органами в тот период строились на приоритете центральной власти. Конституция провозглашала равноправие республик при концентрации власти в руках союзных органов. Последние наделялись широкими полномочиями, а координация их деятельности с республиками осуществлялась на основе принципа демократического централизма. И в партийных документах о строительстве социализма ни словом не упоминалось о том, что деятельность партии основывается на учении марксизма-ленинизма⁴. Связано это было с тем, что коммунистическая идеология в то время не была близка всем людям в многонациональной и поликонфессиональной Югославии. Дифференциация общества была явственной, ее причинами были религиозные, социальные, национальные, культурные различия народов. Кроме того, в одном государстве строить новое общество призывали тех, кто стоял по разные стороны баррикад во время Второй мировой войны. Поэтому в основополагающих документах говорилось не о социализме, а о строительстве новой демократической Югославии, в которой будет хорошо жить всем ее гражданам.

Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) сразу после войны видела свою задачу в том, чтобы, строя новое государство, бороться за народное единство, новую культуру, новые идеалы. Положение самой компартии даже в 1946 г. было еще достаточно неустойчивым и оценивалось советскими наблюдателями как нелегализованное⁵.

² Уже позже, например в «Истории Союза коммунистов Югославии», изданной в 1985 г., послевоенный период называется периодом продолжения социалистической революции, социалистического общественного развития (С. 319, 325).

³ Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata. S. 650.

⁴ Ibid. S. 722.

⁵ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002. С. 211.

КПЮ только готовилась взять на себя руководящую роль в обществе. Все мероприятия на местах организовывались от имени Народного фронта (НФ), численность которого в сентябре 1947 г. составляла 7 млн человек⁶. Й. Броз Тито отмечал, что единство в борьбе против внутренней реакции было выковано во время народно-освободительной борьбы против фашизма и приобрело вид Народного фронта. «Это союз не только рабочих и крестьян, а нечто более широкое. Это союз всех патриотов, всех прогрессивных людей нашей страны, всех тех, кто пошел по новому пути — строительства и укрепления новой Югославии»⁷. По мнению российских ученых, «фактическое слияние партийных организаций со структурами НФ обусловило наличие у КПЮ общенациональной, а не классово-партийной программы, что обеспечило ей общественную поддержку»⁸.

Постепенно КПЮ набирала силу, ее члены становились основой различных структур власти. Это видно из следующих данных. Уже в 1948 г. из 524 посланников Народной скупщины ФНРЮ 404 были коммунистами. А из 1062 делегатов республиканских скупщин только 170 не были членами партии. А среди помощников министров, зампредов комиссий, начальников отделений и сходных по должности служащих в 1948 г. в Сербии было 83% коммунистов, в Хорватии — 89, в Словении — 71, БиГ — 83, Македонии — 81, а в Черногории — 90%⁹.

Главной задачей страны, как это видело руководство, было обеспечить единство и братство всех народов страны. Й. Броз Тито подчеркивал в 1946 г., что создается «государство с правильно решенным национальным вопросом, на новых, демократических основах, с новой социальной и экономической структурой»¹⁰. Не произнося слова «социализм», Тито, тем не менее, подчеркивал, что специфический характер развития и его результаты в Югославии не противоречат марксистско-ленинской науке. А специфика заключалась в том, что в стране создавалась «демократия нового типа», под которой подразумевалась народная демократия — справедливое решение

⁶ Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 334

⁷ Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. М., 1987. С. 139

⁸ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. С. 211

⁹ Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 325.

¹⁰ Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. С. 136.

национального вопроса, получение рабочим классом всех социальных и политических прав, создание условий для всестороннего развития крестьянства. «Все это придает нашей демократии характер подлинной демократии, демократии нового типа, народной демократии. Демократии не формальной, какой является западная демократия, а демократии по содержанию, по ее существенному содержанию»¹¹.

Говоря об опыте строительства социализма в СССР, Тито еще в 1947 г. подчеркивал, что путь «для достижения этой цели не должен и не может быть во всех странах точно таким же»¹². И конкретным примером, по его мнению, является Югославия.

Для политической системы, закрепленной Конституцией 1946 г., была характерна централизация власти, укрепление исполнительно-административных органов. Выборы проводились на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Республики имели своих представителей в одной из двух палат (Союзное вече и Вече народов) Скупщины ФНРЮ, решения принимались простым большинством. Народная Скупщина провозглашалась верховным законодательным органом государственной власти ФНРЮ.

Правительство, согласно Конституции, являлось исполнительным органом и органом управления, подотчетным Скупщине. На практике Правительство осуществляло нормативные функции, принимало постановления, имеющие силу закона. На основании специального закона (декабрь 1946 г.), который наделял правительство правом принимать постановления по вопросам экономики и финансов, оно приняло более 100 постановлений. Правительство часто подменяло деятельность парламента, в то время как Скупщина играла лишь посредническую роль. Доминирующая роль правительства в законодательной деятельности, принижение значения представительных органов являлись существенной характеристикой командно-административной системы, складывавшейся в Югославии в первое послевоенное десятилетие. Политическая однопартийная система нового общества отражала высокий уровень государственной централизации, которая рассматривалась как вынужденная революционная мера.

¹¹ Там же. С. 152.

¹² Там же. С. 155.

Интересы республик представляло Вече народов. Своих делегатов в эту палату избирала каждая республика и каждая автономная область. В целях расширения участия народа в выработке решений палаты избирали комитеты, которым поручался определенный круг вопросов.

Многонациональный и достаточно разнородный состав страны влиял на многие решения, связанные с выстраиванием политической системы. В Конституции отмечалось, что государство защищает суверенитет республик, который, правда, ограничивался только правами, предусмотренными Конституцией¹³. А всем народам гарантировались равноправие, национальная свобода и суверенитет. Национальным меньшинствам предоставлялись права в области культуры и языка.

В тот период национальный вопрос стремились решать путем предотвращения появления национального эгоизма и шовинизма, на смену которым должны прийти национальная терпимость и интернационализм. Й. Броз Тито намеревался создать новую нацию — югославов, которая будет расцветать и упрочиваться в процессе развития нового общества. Идея югославянства должна была стать основой политического и национального единства страны. Поэтому в сознание людей активно внедрялась идеология «братьства-единства», теория единства интересов всех наций и народов, населяющих Югославию.

Этот период был достаточно коротким в судьбе послевоенной Югославии, поэтому не проявил со всей полнотой всех своих отрицательных черт. Массами владели революционная эйфория, желание перемен, вера в справедливое будущее. Власти успели провести национализацию промышленности, банков, транспорта, связи, торговли, экспроприацию экспроприаторов, аграрную реформу и колонизацию. По аграрной реформе малоземельные (57%) и безземельные (22%) крестьяне наделялись землей бесплатно. Всего было раздано земли 1566 тыс. га. Землю получили 316415 крестьян¹⁴. Одновременно начал осуществляться план индустриализации, молодежь с энтузиазмом приступила к строительству дорог.

В начале 1948 г. резко ухудшились отношения СФРЮ с СССР, а также с другими социалистическими странами. В адрес

¹³ Устав Федеративне Народне Републике Југославије. Београд, 1946. С. 7.

¹⁴ Тягуненко Л. В. Развитие сельского хозяйства СФРЮ. М., 1981. С. 14.

руководителей КПЮ и правительства Югославии сталинское руководство выдвинуло тяжелые обвинения. Июньская 1948 г. резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» обвиняла руководство КПЮ во враждебной политике в отношении Советского Союза и предательстве дела социализма. Конфликт привел к полному разрыву государственных и партийных отношений между СССР и ФНРЮ, ВКП(б) и КПЮ. Повод для конфликта был незначительным, но имел серьезные последствия как для отношений двух стран, так и для всего дальнейшего развития Югославии. Полную изоляцию Югославии от «социалистического лагеря» закрепила вторая резолюция под названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», принятая Информбюро в ноябре 1948 г.

В документах 1948 г., когда Югославия отвечала товарищам в Москве на обвинения в отступлении от марксизма-ленинизма, появляется термин «социализм» применительно к Югославии. Так, члены ЦК КПЮ убеждали Москву, что складывающаяся ситуация мешает строительству социализма в Югославии¹⁵. Выступая на V съезде КПЮ (июль 1948 г.), Й. Броз Тито подчеркивал, что уже обеспечены условия для строительства социализма в Югославии. В 1948 г. во многих выступлениях Тито открыто говорится о строительстве социализма в стране¹⁶.

Изолированная от бывших друзей, не имея окрепшей экономики, Югославия была вынуждена начать экономические и политические реформы.

Демократическое самоуправление. Второй этап экономического и политического развития Югославии начинается в 50-е гг., когда был взят курс на самоуправление, и заканчивается принятием Конституции 1974 г. Следует согласиться с российскими учеными в том, что в начале 1950-х гг. страны Восточной Европы переходили от «народной демократии как воплощенного в реальность конкретного варианта демократии по соглашению» к сталинской модели организации общества¹⁷, а в Югославии, наоборот, от советского образца — на путь поиска другой эффективной модели политической и экономической

¹⁵ Pismo CK KPJ drugovima J. V. Stalinu i V. M. Molotovu // Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata. S. 751.

¹⁶ Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. С. 156, 582.

¹⁷ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. С. 56.

системы, которая бы позволила выжить вне блока социалистических стран. Страна искала новые пути строительства социализма «в одиночку» или, как говорил Э. Кардель, «по-своему»¹⁸.

Теория самоуправления появилась как альтернатива социалистической экономической системе СССР и других социалистических стран. Переход на новые хозяйственные рельсы шел постепенно, через мучительный поиск иных вариантов демократизации в области экономики, прежде всего, через децентрализацию предприятий. Одним из разработчиков теории самоуправления был сподвижник Тито Э. Кардель. По его мнению, самоуправление будет способствовать отмиранию государства, что было не совместимо с тогдашней практикой государственного централизованного управления экономикой. Развитие социализма должно идти путем постоянного углубления социалистической демократии, что виделось как все большее привлечение народных масс к работе государственных органов, к управлению каждым отдельным предприятием или организацией¹⁹.

В этот период приоритет был отдан решению социально-экономических проблем, хотя партийные документы обращали внимание на актуальность решения национального вопроса, на то, что Югославия должна развиваться как федеративное государство равноправных народов.

Решение задач перевода экономики на самоуправленческие рельсы виделось в создании механизма непосредственной демократии, который представлял бы самые широкие возможности для осуществления демократического самоуправления трудящихся посредством соответствующих органов управления на производстве и в других областях общественной жизни. Речь шла о создании рабочих советов, кооперативов, коммун, хозяйственных ассоциаций, общественных органов управления в области просвещения, науки, культуры, здравоохранения.

Проводившиеся реформы, разработка самоуправленческой теории, новая терминология создавали ощущение перемен, демократизации, усиления республиканского влияния. Решение задач перевода экономики на самоуправленческие рельсы называлось механизмом

¹⁸ Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata. S. 795.

¹⁹ Кардель Е. О народној демократији у Југославији: Поводом новог Закона о народним одборима. Београд, 1949. С. 51.

непосредственной демократии. В стране начался процесс, известный под названием «трех д»: децентрализации, дебюрократизации, демократизации.

В 1949 г. на основе «нового прочтения» трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина группе работников Комитета по вопросам законодательства и Хозяйственного совета во главе с Э. Карделем и Б. Кидричем было поручено разработать конкретные формы осуществления рабочим классом права на управление народным хозяйством и опровергнуть их на практике²⁰.

Приступили к реорганизации решительно. В начале 50-х гг. ликвидируются министерства, которые руководили отдельными отраслями народного хозяйства, в общинах, автономиях, республиках и федерации создавались вече производителей как высшие органы самоуправления непосредственных производителей. Государственные предприятия передавались трудовым коллективам, которыми управляли рабочие советы. Теперь рабочие самостоятельно распоряжались фондами амортизации, средствами производства, занимались ценообразованием и распределением доходов. Однако в тот начальный период позиции централизованного начала в экономике были еще достаточно сильны. Государство активно влияло на процессы общественного воспроизводства через регулирование финансовой и кредитной систем, внешнеторгового и валютного режимов, уровня цен.

Согласно Конституционному закону об основах общественного и политического устройства ФНРЮ и о союзных органах власти от 1953 г., были внесены изменения в ряд глав Конституции 1946 г. Уже в первом параграфе констатировалось, что ФНРЮ «является социалистическим союзным государством суверенных и равноправных народов»²¹.

Скупщина оставалась высшим органом власти, но ее структура подверглась серьезным изменениям. Учитывая то внимание, которое уделялось непосредственному производителю, в парламенте создавалось две палаты — Союзное вече и Вече производителей.

²⁰ Чечез М. Аутентичный марксизм и принятие Закона о передаче управления предприятиями в Югославии рабочим коллективам // Социалистическая мысль и практика. Белград, 1983. №4. С. 76–77.

²¹ Ustavni zakon o osnovama društvenog i političkog uređenja Federativne Narodne Republike Jugoslavije i saveznim organima vlasti // Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata. S. 862.

Вече народов переставало быть равноправной палатой и вошло в составной частью в Союзное вече. А для того, чтобы «рабочее меньшинство» в государстве могло стать «большинством» в Скупщине, создавалась новая палата — Вече производителей, которое должно было представлять интересы всех трудящихся. Хотя Вече народов переставало существовать, представители республик обладали правом наложить вето на любой закон, противоречащий интересам той или иной республики.

Федерализму придавалось новое «наднациональное» содержание — говорили о федерации самоуправляющихся единиц, о перераспределении компетенций между федерацией, республиками и общинами в пользу местных органов. Одновременно происходило расширение компетенций союзных органов за счет сужения республиканских. На предприятиях узаконивались рабочие советы, что должно было подчеркивать непосредственное участие трудящихся в управлении производством и государством.

Закон утверждал новую должность — президента страны, который одновременно был председателем правительства. Его основными полномочиями считались исполнительные функции. Однако он надеялся большими правами, становился главой государства. Первым председателем ФНРЮ был избран Й. Броз Тито. Правительство страны переименовывалось в Союзное исполнительное вче (СИВ). Оно теперь могло принимать лишь постановления во исполнение законов, а также инструкции и распоряжения. В правительство ФНРЮ входили представители всех республик, оно избиралось из состава Союзной народной скупщины. А председатели республиканских правительств по должности становились членами СИВ. Союзное правительство было полностью подотчетно Скупщине. Вместо министерств и комитетов утверждались государственные секретариаты и управления. Ряд функций, например надзорные, передавался из центра в республики.

Выступая на VI съезде КПЮ (СКЮ) в 1952 г., Й. Броз Тито подчеркивал особое положение Югославии между Западом и Востоком, которые стремились заставить ФНРЮ свернуть с социалистического пути. А югославская модель являлась, по его мнению, истинным научным воплощением в жизнь учения марксизма-ленинизма²².

²² Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata. S. 870.

Одной из вех реорганизации политической системы стало принятие в середине 1950-х гг. концепции коммунального устройства, которой отводилось главное место в системе власти на местах. Развитие самоуправления в коммунах должно было оживить идею К. Маркса о локальных органах власти как объединениях непосредственных производителей, созданных на территориальной основе. Внедрение коммун началось в конце 1954 г., когда общины территориально увеличивались, брали на себя функции срезов и превращались в типичные органы административной власти вместо того, чтобы стать основой управления политической системой от имени производителей, как это задумывал Э. Кардель²³. Однако идея коммунальной системы параллельно с делением страны на общины и срезы не была до конца проработана, выявила ряд существенных недостатков и постепенно сошла на нет.

Принятая в 1963 г. новая Конституция была достаточно противоречивым законом: с одной стороны, поднимался статус национальных меньшинств, которых стали называть народностями, автономная область получила статус края, а с другой – принижалось значение нации в системе социалистического самоуправления. На первый план выдвигалась концепция общественно-политических содружеств. Суть ее в том, что каждому из содружеств (община, край, республика, федерация), являвшихся территориальными органами общественно-го самоуправления, доверялись функции власти, и в них предполагалось осуществить интеграцию самоуправления.

Новые общественно-экономические отношения пытались отразить в структуре Скупщины, которая должна была стать верховым органом самоуправления, естественным продолжением и логическим завершением самоуправленческой пирамиды. Чтобы усилить роль трудящихся в Союзной скупщине, наряду с Союзным вече создали и четыре самоуправленческих веча: хозяйственное, культурно-просветительное, здравоохранения и социальной защиты, организационно-политическое (по 120 человек). Члены Союзного вече, избранные республиканскими скупщинами (по десять человек), а также скупшинами автономных краев (по пять человек), составляли Вече народов, собиравшееся только в тех случаях, когда на повестке дня

²³ Ekspoze E. Kardelja u Saveznoj Narodnoj Skupštini o novom uređenju srezova i opština // Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata S. 900.

находились вопросы, касавшиеся прав народов республик и краев. В такой структуре скупщина не оказалось места, где бы могли осуществлять свои интересы народы и народности, населявшие Югославию. Три веча были задуманы как выразители интересов трудящихся разных профессий, а организационно-политическое вече должно было отражать интересы общественно-политических организаций и интересы самоуправления в целом.

Э. Кардель стремился отойти от практики монополии государства, убеждал, что Югославия находится в переходном периоде, а по Ленину и Марксу, переходный период — это «государство, которое отмирает». Поэтому Конституция должна описать «все более широкий размах и внутреннее развитие механизма общественного самоуправления»²⁴, а значит, процесс отмирания государства. Он легко изобретал новые термины и понятия, например «интерес освобожденного труда», т. е. человека на рабочем месте, и «интерес социалистического государства», которые должны были усиливать интерес производителя.

Внедрение модели рабочего самоуправления в экономике отразилось и на партийной работе. Ссылаясь на источники марксизма, отрицая сталинизм, руководство Союза коммунистов Югославии (СКЮ, переименован в 1952 г.) настаивало на коллективном способе партийного руководства, а также на автономной ответственности первичных партийных организаций в творческом осуществлении общей партийной линии в собственной рабочей среде. Провозглашена была идея отделения партии от власти, существенно сокращался профессиональный партийный аппарат. Если в 1950 г. в структурах КПЮ официально работали 11930 человек, то в 1952 г. эта цифра сократилась до 4599²⁵.

В Программе СКЮ, принятой на VII съезде партии (апрель 1958 г.), не раз подчеркивалось, что Югославия — социалистическая страна, что в ней развиваются социалистические общественные отношения, а рабочий класс борется за социалистические цели²⁶.

К середине 60-х гг. стали более отчетливыми два взгляда на будущее страны. Одни отстаивали югославянство, т. е. единство

²⁴ Кардель Е. О народној демократији у Југославији. С. 51.

²⁵ Историја Савеза комуниста Југославије. С. 383.

²⁶ Program SKJ usvojen na VII kongresu (april 1958) // Istorija socijalističke Jugoslavije. Dokumenti II. Knj. treća. Beograd, 1977. S. 9.

югославских народов с сильной центральной властью, а другие хотели видеть свои республики более самостоятельными, а через это — независимыми. Явным лидером последних была Словения, первых — Сербия. Но и в Сербии практически не было тех, кто не поддерживал структурных государственных реформ. Осознанно или нет, но преданные партии люди встали на сторону поддерживать тех, кто усиливал республиканскую самостоятельность.

В 1964–1965 гг. в стране начала осуществляться экономическая реформа, суть которой сводилась к дальнейшему развитию рыночных отношений и увеличению производственной и коммерческой самостоятельности предприятий, усилинию принципов хозрасчета. Изменениям подверглись и федеративные отношения. В целом цели реформы сводились к следующему: дальнейшее развитие самоуправленческих общественно-экономических отношений, сведение к минимуму экономической роли государства; быстрое включение Югославии в международное разделение труда; создание единых критериев распределения средств производства и денежных средств; ликвидация различий в уровнях цен и стабильность рынка. Однако реформа оказалась неуспешной: не снижалась безработица, росли цены, наблюдались отраслевые диспропорции, концентрация средств в банках и фондах общественно-политических содружеств. Следствием неразвитости самоуправленческих производственных отношений явились забастовки, конфликтные ситуации на предприятиях и между предприятиями.

В конце 60-х гг. усилилась позиция тех, кто выступал за необходимость укрепления роли республик в федерации. Мы не выделяем этот период в отдельный самостоятельный, поскольку он явился подготовительным для нового этапа, начавшегося с принятием Конституции 1974 г. В период с 1967 по 1971 г. были приняты 42 поправки к Конституции 1963 г., которые изменяли роль республик и краев и сужали компетенции федерации. Расширялись права и самостоятельность Вечи народов, возобновлялась практика его самостоятельных заседаний, которые не проводились с 1953 г. Конституционные поправки 1968 г. вновь усиливали права республик и автономных краев, право каждого народа и народности самим распоряжаться результатами своего труда. Федерация была лищена каких-либо инвестиционных функций, не могла брать на себя финансовых обязательств. В ее компетенции оставались такие вопросы, как борьба

за мир, за «единство самоуправленческих интересов». Даже органы федерации теперь формировали непосредственно республики и автономные края на паритетной основе. Предполагалось, что такими изменениями будут устраниены причины межнациональных конфликтов.

В СССР реформы в Югославии оценивались достаточно критически, а «югославский социализм» подвергался сомнению. В Белграде за советскими оценками следили очень внимательно. В 1969 г. в партийных документах СКЮ так анализировали отношение к Югославии в советской печати: «снова появляется тезис о „капиталистических тенденциях“ в Югославии», дискредитируется социалистическая система в Югославии и говорится о югославском ревизионизме, критикуется Э. Кардель, который якобы игнорирует марксистско-ленинское учение²⁷.

Национальный социализм. Третий этап развития югославской федерации начинается с принятия Конституции 1974 г., согласно которой республики и автономные края наделялись широкими полномочиями, приобретали политическую и экономическую самостоятельность.

Переход к новому этапу, как отмечал Й. Броз Тито, был связан с тем, что «противоречия, находившие свое проявление в политических конфликтах и идеологическом противопоставлении, указывали на то, что наше общество достигло исторического поворотного пункта»²⁸. Стояла задача освободить конституционную систему от остатков бюрократическо-централизованных отношений, которые создавали условия для нарушения национального равноправия, обеспечить рабочему классу условия, при которых он сам будет распоряжаться результатами своего труда, обеспечить дальнейшее развитие межнациональных отношений.

По сути, субъекты Федерации получали государственный статус и становились ответственными за экономическое и политическое развитие на своей территории. Допускались широкая законодательная деятельность республиканских парламентов и сотрудничество с международными организациями. Восстанавливалось Вече народов

²⁷ АЈ. Фонд 837. Фасц. I-3-а. Јед. Описа бр. 101–113.

²⁸ Десятый съезд Союза коммунистов Югославии // Социалистическая мысль и практика. Белград, 1974. № 6–7. С. 42.

в качестве самостоятельной палаты Скупщины, правда, в новом обличии – теперь оно называлось Вече республик и краев. Начинался период культа нации. Как предусматривалось Конституцией, Вече республик и краев на основании согласования и договоренности между республиканскими и краевыми скупщинами принимает общественный план, утверждает политику и принимает союзные законы, которыми регулируются отношения в области денежной системы, выпуска денег, валютной и внешнеторговой систем, кредитных и других внешнеэкономических отношений. Хотя при этом провозглашалось, что выразителем национальных интересов может быть только рабочий класс, его интересы в парламентской системе представлены не были. Возобладала точка зрения, что интересы рабочих на уровне федерации «должны выражаться только через интересы нации»²⁹. Теперь уже две палаты Скупщины отстаивали интересы республик и краев.

По-новому трактовались статус автономных краев и их положение в федерации: находясь в составе Сербии, они получали права, фактически равные республиканским. Понятие «национальное меньшинство» во внутриюгославском масштабе окончательно заменилось понятием «народность». Много внимания стало уделяться культурам и национальной самобытности народов и народностей страны.

Наиболее крупная перемена в политической системе заключалась во введении делегатского принципа во все области принятия общественных решений. Й. Броз Тито разъяснял, что «это – новая форма непосредственного участия рабочего класса и трудящихся в управлении общественными делами»³⁰. Предполагалось, что все население страны будет вовлечено в процесс принятия политических решений. Основные организации объединенного труда должны делегировать свои полномочия (выбирая делегатов) во все вышестоящие органы – общинные, городские, краевые и республиканские. Как разъяснял Э. Кардель, трудящиеся получали права «принимать решения» через самоуправленческие объединения и участвовать через делегации в подготовке решений государственных органов по вопросам, затрагивающим их интересы³¹.

²⁹ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. Белград, 1974. С. 47.

³⁰ Десятый съезд Союза коммунистов Югославии. С. 52.

³¹ Кардель Е. Правци развоја политичког система социјалистичког самоуправљања. Београд, 1977. С. 188–189.

Экономические и политические функции государства сужались. В его компетенции остались такие функции, как: обеспечение независимости и территориальной целостности страны; регулирование трудового права; вопросы экономического планирования, функционирования валютной системы, платежного обращения; государственная безопасность, внешняя политика и экономические отношения с другими государствами. Тем самым в Югославии была сделана попытка создать *новый тип федерализма*. Речь шла о сильных элементах конфедерации в классическом варианте федеративного государственного устройства. Национальный плюрализм в Югославии питался самоуправленческой идеей децентрализации политической и экономической власти. Чтобы вся эта сложная система работала, создавался механизм согласования самоуправленческих интересов, что намного усложнило всю структуру управления и организации самоуправления.

Желание осуществить справедливое согласование интересов на федеральном уровне вылилось в теорию паритетного представительства республик и краев в государственных органах, Скупщине, впервые созданном Президиуме СФРЮ, а на предприятиях и учреждениях — в соответствующем представительстве разных национальностей. Руководство как Федерацией, так и республиками должно было осуществляться с помощью коллективной мысли и постоянной ротации кадров.

Равноправное положение других национальных меньшинств (народностей), не имеющих национально-территориальных образований, регулировалось специальными законами и обеспечивалось через общины на основе теории «братства и единства» путем создания школ на национальном языке, радио- и телепередач, газет и журналов, организаций культурно-просветительных обществ, театров, библиотек. В 1986/87 учебном году в СФРЮ работало 1570 основных и 272 средних школы с преподаванием на языке народностей³². Это были школы и классы с преподаванием на албанском, венгерском, турецком, румынском, болгарском, итальянском, словацком и других языках. В университетах функционировали специальные отделения, где преподавание велось на языках национальных меньшинств. Уделяя

³² Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дис. на соиск. степени д-ра истор. наук. М., 1996. С. 166.

большое внимание межнациональным и межреспубликанским отношениям, в СФРЮ широко практиковались комиссии по межнациональным отношениям. Управления по развитию культуры следили за свободным развитием той или иной национальной культуры.

Сужение функций государства проходило на фоне развития концепции общественно-политических содружеств (ОПС). Все ОПС должны были представлять собой синтез территориально организованной политической власти и самоуправленческой интеграции на территориальной основе, «новый облик территориальной организации самоуправленческого общества в целом»³³. Между ОПС отыне не существовало иерархических отношений. Каждое из них было автономно и самостоятельно, а отношения строились на основе взаимосвязи и кооперации как по горизонтали, так и по вертикали³⁴.

В годы обсуждения и принятия Конституции метод выстраивания отношений между нациями, народами и народностями, отраженный в основном законе СФРЮ, оценивался как не имеющий precedента в истории федеративных государств. Создававшуюся в Югославии систему межнациональных отношений в рамках многонационального государства югославские ученые и политики в те годы противопоставляли и советской системе. Главными аргументами в пользу югославской модели были: решение вопросов «согласованием, а не голосованием», отсутствие всякой субординации между субъектами многонационального содружества, отсутствие единого государственного языка, минимизация государственных функций, глубокие социальные изменения в республиках и краях. Все были убеждены, что в Югославии создается новый тип федерализма, который еще не известен в мире и к которому нельзя применить существующий категориальный аппарат. Реформа федерации на первых порах сняла остроту противоречий между республиками и Центром, между автономными краями и Сербией.

При этом Кардель полагает, что система самоуправления по некоторым направлениям дает сбои вследствие ее недостроенности. Кроме того, недостаточно четко определена роль организованных социалистических сил — партий, профсоюзов, Социалистического

³³ Stefanović N. Federalizam i strukturalni peremećaji // Socijalizam. 1988. N 5. S. 33.

³⁴ Гуськова Е.Ю. Дискуссия о конституционной реформе в СФРЮ: взаимоотношения федерации, республик и краев // Югославия: актуальные проблемы общественного развития. М., 1990. Вып. 9. С. 103–126.

союза трудового народа и т.д. Поэтому систему, по его мнению, надо достраивать, в частности, укрепить существующие и создать новые формы общественного контроля за деятельностью самоуправленческих и государственных органов, подумать об отказе от однопартийной системы³⁵.

Был ли этот строй социалистическим? Несомненно, это был *особый путь*, попытка создать в многонациональной стране социалистическую модель, которая бы удовлетворила интересы всех народов и народностей, а также укрепила экономику страны. В первом параграфе Конституции 1974 г. было записано, что Социалистическая Федеративная Республика Югославия является содружеством добровольно объединившихся социалистических республик и социалистических автономных краев. Государство основано на власти и самоуправлении рабочего класса и всех тружеников и является «социалистическим самоуправленческим демократическим содружеством тружеников и граждан...»³⁶.

Позже историки и социологи охарактеризовали этот период как переход к «национальному социализму», породившему, к сожалению, республиканский национализм³⁷.

Партия оставалась коммунистической. Страна — однопартийной, строй — социалистическим. Тито был уверен, что в Югославии построен социализм, только — новый, демократический. Он говорил в 1974 г. в докладе на X съезде СКЮ, что партия опирается «на рабочий класс и другие социалистические силы общества», отстаивает «классовый характер нашей социалистической демократии»³⁸. Однако попытка изменить структуру классического социализма советского образца и создать новый самоуправленческий социализм не увенчалась успехом.

В 80-е гг. на фоне обострения экономических и политических отношений в Югославии ученые подвергли серьезной критике принципы организации югославской федерации. Наибольшие опасения вызывали ранее восхваляемые тенденции конфедерализма,

³⁵ Кардель Е. Правци развоја политичког система социјалистичког самоуправљања. С. 131.

³⁶ Ustav SFRJ // Jugoslavija 1918–1984 : Zbirka dokumenata. S. 1018.

³⁷ Golubović Z., Kuzmanović B., Vasović M. Društveni karakter i društvene promene u svetu nacionalnih sukoba. Beograd, 1995. S. 145.

³⁸ Иосип Броз Тито. Избранные статьи и речи. С. 544, 546.

и, прежде всего, децентрализация, приведшая к дезинтеграции, к полной потере федеральными органами способности проводить в жизнь принимаемые решения. Функции Федерации сводились к согласованию интересов, обозначив полную зависимость Центра от республик и краев. М. Царевич, например, отмечал, что из 28 федераций в мире только югославская – такая разъединенная³⁹. Известный экономист Б. Хорват полагал, что некоторые положения Конституции 1974 г. «списаны из имперской австрийской Конституции 1861 г.», и поэтому Югославия разделена на «восемь феодальных пашалыков»⁴⁰.

В середине 70-х гг. СССР старался поддерживать стабильный уровень отношений с Югославией, не позволяя критических замечаний в средствах массовой информации, чтобы не допустить нарушения единства мирового коммунистического движения. Поэтому, как вспоминал А. С. Черняев, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, при подготовке очередных партийных документов (1973 г.) следовало указать, что Политбюро всегда считало Югославию социалистической страной⁴¹. В целом в СССР (1975 г.) придерживались принципа: «делайте, что хотите, и идеология, и внешняя и внутренняя политика – это ваше дело. Для нас важно лишь – не ругаться с вами, и чтобы вы продолжали быть социалистической страной»⁴². При этом югославы боялись обязательности документов, принимаемых на совместных совещаниях и форумах, не хотели коллективных действий, поскольку это напоминало им КПСС. Й. Броз Тито в докладе на X съезде СКЮ подчеркивал: «Социалистические страны не могут укреплять свои позиции в мире, упрочать дело мира и социализма, если их взаимоотношения не основываются на принципах равноправия, независимости, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела»⁴³.

³⁹ Цит. по: Čulić M. Federalizam nije nesreća // Danas. Zagreb, 1987. № 296. S. 16.

⁴⁰ Цит. по: Čulić M. Još jedan kompromis // Danas. Zagreb, 1988. № 317. S. 9. Пашалык – область, управляемая пашой, в султанской Турции (*прим. редколлегии*).

⁴¹ Черняев А. С. Дневники 1972–1991. Часть I. С. 79. Электронный ресурс. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-04a.html> (дата обращения: 01.10.2019).

⁴² Там же. С. 250.

⁴³ Десятый съезд Союза коммунистов. С. 13.

Свой демократический социализм Югославия отстаивала с особым рвением и завидной последовательностью. Но и этот вариант так называемого демократического и национального социализма потерпел неудачу, причем практически одновременно с советским, который после 1985 г. тоже пытался встать на демократические рельсы с элементами самоуправления в экономике.

A. C. Стыкалин

У истоков румынской национальной модели коммунизма. К вопросу о влиянии XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского фактора*

Вхождение Румынии, как и целого ряда других государств Центральной и Юго-Восточной Европы, по итогам Второй мировой войны в сферу влияния СССР в условиях bipolarной Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений предопределило формирование определенных механизмов централизованного советского контроля над страной, действие которых в той или иной мере сохранялось и после смерти Сталина в марте 1953 г. Они включали в себя размещавшийся именно в Румынии аппарат Коминформбюро (существовавшего до апреля 1956 г.)¹, присутствие советских войск в стране до середины 1958 г., функционирование до середины 1950-х гг. широкой сети совместных предприятий и обществ в ключевых отраслях промышленности и транспорта², развитый институт командированных из СССР советников, как в экономике, так и в государственном аппарате (включая силовые структуры)³. В условиях массированного и всестороннего советского влияния диктатура Румынской рабочей партии (РПР) во главе с Г. Георгиу-Дежем, установившаяся

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 18-09-00573. «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.»

¹ Подробнее см.: Стыкалин А. С. XX съезд КПСС и распуск Коминформа // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 3–19.

² Relații le economice sovieto-române după al Doilea Război Mondial. Prezentările de la masă rotundă internațională. București, 2017.

³ Барат М. К вопросу о ликвидации советской системы советников в странах Восточной Европы // Studia Historiae Bulgariae et Europaе Orientalis. К юбилею Т. В. Волокитиной. М., 2018. С. 254–266.

в стране к 1948 г.⁴, к началу 1950-х гг. перенимает, как и другие режимы «народной демократии» в Восточной Европе, многие существенные типологические черты сталинской модели государственного социализма. Речь идет о сверхцентрализме управления всеми сторонами жизни общества, о государственной экономике, всецело подчиненной единому плану, жестком (и зачастую превентивном) преследовании любой идеино-политической оппозиции, строгом контроле над духовной жизнью общества и средствами массовой информации. В соответствии с концептами советской колLECTIVизации рубежа 1920–1930-х гг. осуществляются насильтвенными методами крайне болезненные для крестьян реформы сельского хозяйства. Во внешне-политическом плане лишенный какой бы то ни было самостоятельности, румынский «народно-демократический» режим (как и другие режимы в странах советской сферы влияния в Восточной Европе) превратился в проводника внешней политики СССР, которая в условиях обострившейся «холодной войны» носила все более конфронтационный характер; в роли врагов при этом выступали как блок НАТО (созданный в 1949 г.), так и соседняя с Румынией титовская Югославия, отлученная весной–летом 1948 г. по воле Сталина от мирового коммунистического движения и формирующегося советского лагеря⁵.

Советско-югославские отношения, достигнув своей низшей точки к осени 1949 г., когда в Будапеште состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка ярко выраженной антиюгославской направленности (а вслед за этим была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую войну — вдоль границ стран-сателлитов СССР (включая Румынию) с Югославией было размещено большое количество войск и боевой техники, происходили частые приграничные инциденты. Не утихала и мощная пропагандистская кампания, направленная своим острием против титовской

⁴ В конце 1947 г. в стране была ликвидирована монархическая форма правления, к 1948 г. из политической жизни были вытеснены все оппоненты компартии (с 1948 г. РРП).

⁵ Подробнее см.: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб., 2017.

Югославии и служившая задачам консолидации формирующегося советского блока, что предполагало безоговорочное подчинение национальных коммунистических элит единому центру. Сербское население пограничных с Югославией районов Баната депортируется румынскими властями вглубь страны.

Внутриполитическая борьба после ликвидации оппозиции локализуется в рамках правящей партии, не став при этом менее острой. В 1952 г. наносится удар по группе Анны Паукер — Василе Луки. Арестованный в 1948 г. видный деятель компартии Л. Пэтрашкану получил в 1954 г. (уже после смерти Сталина) смертный приговор на судебном процессе, основанном на фальсифицированных обвинениях⁶.

В начале 1950-х гг. по инициативе Сталина в странах советской сферы влияния (включая Румынию) принимаются меры по укреплению военно-промышленного комплекса. По итогам совещания в Кремле в январе 1951 г. им было навязано заметное увеличение расходов на содержание армий и развитие тяжелой промышленности (в первую очередь ее оборонных отраслей). Поскольку создание мощного потенциала тяжелой индустрии и укрепление ВПК происходили за счет сокращения затрат на социальные нужды, этот курс не только приостановил едва наметившуюся было тенденцию к повышению уровня жизни населения, но вел к его снижению, что крайне болезненно было воспринято обществами, совсем недавно пережившими жесточайшую военную разрушу.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. его соратники по кремлевскому руководству должны были внести определенные корректировки в конфронтационную внешнюю политику, чреватую перерастанием «холодной войны» в полномасштабное вооруженное столкновение с США и их союзниками. Требовал среди прочего своей развязки советско-югославский конфликт, продолжавший оставаться серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеверопейском масштабе.

Март 1953 г. застал европейские страны «народной демократии» перед лицом нарастающих экономических трудностей. Донесения по линии Коминформбюро, МИД СССР и спецслужб, поступавшие

⁶ Волокитина Т. В. «Румынские товарищи хотели бы получить совет...» (Советский фактор в «деле» румынского коммуниста Л. Пэтрашкану. 1948–1954 гг.) // Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей / Отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 296–318.

в Москву, свидетельствовали о неблагополучии в румынской экономике, надрывавшейся под грузом непомерных военных расходов, о дальнейшем снижении уровня жизни, симптомах острого недовольства населения своим материальным положением⁷. Хотя протестные настроения в обществе ширились⁸, монополия коммунистической власти с ее по-прежнему всесильным репрессивным аппаратом не дала пока еще той трещины, которую смогли бы заполнить (подобно тому, как это происходило после 1953 г. в Венгрии и Польше) внутрипартийные силы, склонные к реформам, не говоря уже о вненесистемных политических образованиях.

ХХ съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), секретный доклад Н. С. Хрущёва, вскрывший масштабные преступления сталинской эпохи, придали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон однопартийной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Движение с требованием коренной демократизации и десталинизации коммунистического режима достигло в это время наибольшего размаха, как известно, в Польше и Венгрии. Что касается Румынии, то критика прежней политической линии и персонально Г. Георгиу-Дежа, прогучавшая в апреле 1956 г. из уст членов политбюро РРП (М. Константинеску и И. Кишиневского), не была поддержанна большей частью партийно-государственной элиты⁹. Едва начавшаяся, очень ограниченная десталинизация, всецело контролируемая центральной властью, была жестко пресечена с началом 23 октября 1956 г. мощнейшего восстания в соседней Венгрии.

Венгерское восстание возымело в Румынии тем больший резонанс, что в западной части страны (в Трансильвании, Банате,

⁷ Как читаем, например, в донесении, подготовленном в аппарате Коминформбюро и относящемся к июлю 1953 г., в Бухаресте за маслом и сахаром выстраиваются очереди по 40, а кое-где и по 120 человек. Нет даже картофеля, вина, пива, рестораны пусты в отсутствие посетителей (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 278. Л. 226).

⁸ Документы из архивов румынской службы госбезопасности (Секуритате), отражающие протестные настроения крестьянства, интеллигенции, других категорий населения в 1950-е гг., регулярно публикуются в бухарестском академическом историческом журнале «Arhivele totalitarismului».

⁹ См. подробнее: Гладышева А. С. ХХ съезд КПСС в оценках румынской политической элиты // *Studia Historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. С. 338–354.

Кришане) проживала большая, порядка 1,7 млн человек, и очень консолидированная, обладавшая высоким уровнем этнического самосознания и значительной прослойкой национальной интеллигенции венгерская диаспора¹⁰. Кроме того, историческая память двух соседних народов несла на себе тяжелый груз межнациональных распрей и конфликтов, многие из которых (относившиеся ко времени Первой, а особенно Второй мировой войн¹¹) оставили непосредственный глубокий след в сознании здравствующих поколений.

По окончании Второй мировой войны, когда происходило формирование послевоенной системы границ в Центральной и Восточной Европе, новая элита Венгрии, в которой были представлены порвавшие с наследием эпохи Хорти антифашистские партии, надеялась на некоторую корректировку державами-победительницами в пользу Венгрии ее границ с Румынией, установленных Трианонским мирным договором 1920 г. и считавшихся венгерским общественным мнением явно несправедливыми¹². Она исходила из того, что обе соседние страны, как Венгрия, так и Румыния, относились к числу побежденных, и у победившей антисталинистской коалиции не было, казалось бы, оснований протежировать ни одной из них¹³. Эти иллюзии, однако, не оправдались, и прежде всего благодаря последовательной позиции СССР. Если Великобритания и США были склонны к некоторым территориальным уступкам в пользу Венгрии с учетом этнического фактора, то Советский Союз твердо стоял за возвращение

¹⁰ Наряду с собственно венграми к ней относилась и проживающая в горных районах Восточной Трансильвании особая этническая группа — секеи (рум.: секуи, нем.: склеры), отличающиеся значительным культурным своеобразием.

¹¹ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М., 2008; Стыкалин А. С. Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г. // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО-Университета. Спецвыпуск к 70-летию начала Второй мировой войны / Рук. авт. колл. А. В. Торкунов, отв. ред. А. Л. Чечевицников. М., 2009. С. 291–298.

¹² Зайдлер М. Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии // Историческая экспертиза. 2019. № 1. С. 133–157.

¹³ Стыкалин А. С. Позиция новых политических элит Венгрии и Румынии в отношении Трансильвании в процессе подготовки Парижских мирных договоров 1947 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов / Отв. ред. Е. С. Узенёва. М., 2016. С. 126–134.

Румынии всей территории Трансильвании, при этом, правда, обусловил свою поддержку требованием установления в Румынии более левого правительства, контролируемого СССР и находящегося от него в полной внешнеполитической зависимости. Такое правительство было образовано в Румынии уже в марте 1945 г., его возглавил близкий коммунистам деятель левой крестьянской партии Петру Гроза¹⁴. Благодаря последовательной позиции СССР Парижский мирный договор, подписанный в 1947 г., восстановил прежние трианонские границы Венгрии и Румынии¹⁵. Конечно, восстановление довоенных границ было воспринято в венгерском обществе как дипломатическая неудача и вместе с тем не вызвала такого же шока, как Трианонский мирный договор 1920 г. Роль хортистского режима в войне оставляла Венгрии (независимо от того, какое правительство стояло после войны во главе страны) очень слабые надежды на благосклонное отношение к своим пожеланиям со стороны держав-победительниц и на признание ими правомерности хотя бы части территориальных приращений 1938–1941 гг., осуществленных при поддержке нацистской Германии.

С подписанием мирного договора Венгрии не оставалось ничего другого, как пойти на нормализацию отношений со своим проблемным восточным соседом — тем более что сталинское руководство СССР явно не хотело раздувания конфликтов между странами собственной сферы влияния. Налаживанию внешне нормальных двусторонних отношений способствовала и внутриполитическая обстановка в Венгрии. Тотальный контроль коммунистов над пресвой, установленный к концу 1940-х гг., позволял пресекать публичные проявления ирредентистских настроений, способные вызвать

¹⁴ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1956. Документы российских архивов / Отв. ред. Т. А. Покивайлова. М., 1998. Хотя и Румыния, и Венгрия входили в сферу влияния СССР, в Москве отдали предпочтение Румынии, где власть уже полностью находилась под советским контролем. В Венгрии же на относительно свободных выборах в ноябре 1945 г. победу одержала партия мелких сельских хозяев, пытавшаяся, насколько возможно, дистанцироваться от коммунистов во внутренней политике. Еще существеннее было то, что Румыния имела более важное стратегическое значение для СССР, нежели Венгрия.

¹⁵ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946; Стыкалин А. С. Советский Союз и проблемы международного урегулирования Трансильванского вопроса (1945–1946 гг.) // Великая Отечественная война. 1945 год / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2015. С. 103–146.

неудовольствие Бухареста, а главное Москвы, и потому нежелательные для официального Будапешта. Заключение 24 января 1948 г. двустороннего договора о дружбе и сотрудничестве с Румынией явилось для Венгрии признанием не только статус-кво в вопросе о границах, но и того факта, что проблема положения большого венгерского национального меньшинства в Румынии всецело относится к компетенции румынского правительства. В угоду единству формирующегося советского блока из венгерской прессы начисто исчезает любая критика национальной политики в соседней стране.

Таким образом, установление в Венгрии и Румынии коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю ускорили видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений, тем более что в Москве, имея полное представление о тлеющих углях застарелого национально-территориального спора, прилагали все усилия для смягчения потенциальных конфликтов. В 1952 г. именно советская сторона, заинтересованная в хороших отношениях между странами своей сферы влияния, предложила Бухаресту создать в Восточной Трансильвании венгерскую территориальную автономию, при этом были использованы советский опыт и конкретные образцы решения национального вопроса в СССР¹⁶. На территории венгерской автономии имелось больше возможностей для применения венгерского языка в публичной сфере и административном управлении: именно здесь была сосредоточена основная масса венгерских национально-культурных институций, 80% чиновников составляли этнические венгры, лояльные коммунистическому режиму. Создание Венгерской автономной области (ВАО) давалось в пропаганде как решение проблемы нормализации взаимоотношений румын и венгров в Трансильвании «в духе ленинской национальной политики». Однако в реальности с созданием автономии были тут же ограничены возможности развития венгерской культуры за ее пределами, хотя по меньшей мере две трети румынских венгров проживало не в границах нового

¹⁶ Боттоми С. Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки, последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2014. С. 206–230.

административно-территориального образования¹⁷, не входил в нее и традиционный центр венгерской культуры Трансильвания Клуж (венг.: Коложвар), в котором по-прежнему была сосредоточена основная масса элитарной венгерской интеллигенции Румынии, до 1959 г. существовал самостоятельный венгерский университет¹⁸. При этом румынские власти всячески препятствовали установлению каких-либо (в том числе и культурных) связей венгерской автономии с Венгрией даже на уровне общественных организаций¹⁹. Ни о каком национальном самоопределении венгров в рамках этой автономии речи, разумеется, быть не могло. Более того, румынская коммунистическая элита использовала советскую инициативу в целях гомогенизации, румынизации других областей Трансильвании, вытеснения венгерской культуры из большинства трансильванских городов²⁰. За пределами автономии венгры последовательно отодви-

¹⁷ Автономия с центром в г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошваражей) занимала территории трех современных румынских уездов — Марош, Харгита и Ковасна. Только в двух последних из них, находящихся на исторической земле секеев, венгры до сих пор составляют большинство населения. Автономия существовала до 1968 г. Историческим фоном для ее ликвидации явился национально-патриотический подъем в румынском обществе, связанный с независимой внешней политикой Румынии, отказавшейся присоединиться к силовой акции ряда стран-участниц Организации Варшавского Договора в отношении Чехословакии 21 августа 1968 г.

¹⁸ В 1959 г., на националистической волне, о которой речь пойдет ниже, он был соединен в одно учебное заведение с клужским румынским университетом под знаком преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского.

¹⁹ Лидер Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши в декабре 1955 г. познакомился на съезде РПП в Бухаресте с первым секретарем парторганизации этой автономии молодым функционером Я. Фазекашем, который, как выяснилось, к тому времени еще ни разу не был в Венгрии («Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 5–6. С. 196–197). Можно предполагать, что это обстоятельство сыграло немаловажную роль в самом его назначении на свой пост: его кандидатура оказалась предпочтительнее, нежели кандидатуры этнических венгров из числа ветеранов румынского коммунистического движения, в котором венгры в 1920–1930-е гг. были широко представлены (эти последние, как правило, имели давние и тесные связи с венгерским коммунистическим движением).

²⁰ Этому способствовал и медленный, но верный процесс изменения национального состава трансильванских городов вследствие урбанизации, переселения сельских жителей в города. Согласно переписям, процент румын в них с 1930 по 1977 г. повысился с 35 до 70%, процент же венгров, напротив, значительно снизился. (Minority Hungarian Communities in the twentieth century / Ed. by N. Bardi, Cs. Fedinec, L. Szarka. Boulder (CO), Highland Lakes (NJ), 2011. P. 423).

гались с любых административных позиций²¹. К тому же вскоре после создания автономии, в 1953 г., был распущен Демократический союз венгров Румынии, партия, которая выступала в 1945–1947 гг. союзником коммунистов (заинтересованных и в голосах венгерского избирателя) в их политическом противоборстве с оппонентами и внесла свой вклад в установление в стране коммунистической диктатуры.

Создавая видимость решения венгерского вопроса на основе «советского опыта», коммунистический режим в Румынии вместе с тем в полной мере унаследовал от своих межвоенных предшественников крайне щепетильное и настороженное отношение отнюдь не только к откровенно ирредентистским настроениям в Венгрии, но даже к самым умеренным проявлениям венгерского национализма и, более того, вообще к какому-либо подчеркиванию трансильвано-венгерской культурной общности в прошлом и настоящем. Румынские коммунистические власти очень ревниво смотрели на то, чтобы из Будапешта не вмешивались в дела, касающиеся трансильванских венгров (в том числе развития их культуры), болезненно и с подозрением реагировали даже на самую деликатную постановку вопроса о положении венгров в Румынии. *Призрак великомуадьярского ревизионизма, то и дело мерещившийся официальному Бухаресту или видевшийся им даже в самой умеренной критике, постоянно отягощал отношения двух стран.* Так, в начале 1950-х гг. румынская сторона опротестовала предполагаемое включение в подготовленное к изданию в Будапеште собрание сочинений выдающегося венгерского поэта межвоенной эпохи Аттилы Йожефа трех стихотворений, отразивших болезненную реакцию венгров на отторжение Трансильвании²². Еще более резкий отклик — демонстративный отзыв посла — вызвало выступление в прессе в 1955 г. писателя Пала Сабо, выразившего аналогичные ностальгические настроения по поводу Трансильвании²³.

²¹ Проект ВАО не воспринимался в качестве совершенного ни в румынской, ни в венгерской среде Трансильвании и, разумеется, не решил на практике национального вопроса. Более того, в венгерской среде сложилось мнение, что власти явно использовали создание ВАО именно в целях вытеснения венгров с любых значимых административных должностей в уездах, не входивших в состав автономии, и с тем, чтобы ликвидировать многие венгерские культурные институции за пределами автономии.

²² MNL OL. 276 f., 233 о.е. 171 l.

²³ Ibid. 196–197 l.

Как явствует из записки «О румыно-венгерских отношениях в связи с Трансильванией», подготовленной в сентябре 1956 г. в МИД СССР²⁴, на протяжении 1954–1956 гг. румынский лидер Г. Георгиу-Деж неоднократно жаловался советским дипломатам на двусмысленные высказывания венгерских ответственных лиц, включая самого М. Ракопши, дававшие якобы основания заподозрить их в непризнании послевоенных границ²⁵.

Общественный подъем, развернувшийся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС под лозунгами обновления социализма, сопровождался публичной постановкой многих ранее запретных (со времен установления в стране коммунистической диктатуры) вопросов, и в том числе вопроса о положении венгров в Трансильвании. Инициатива здесь принадлежала отнюдь не руководству партии, а его оппонентам из числа коммунистов-реформаторов, с каждым месяцем усиливавшим свое влияние. 9 сентября 1956 г. в центральном партийном органе газете «Szabad Nép» была опубликована статья Пала Панди «О наших общих делах». Как отмечал публицист, «вопрос о румынских венграх оказался в списке щекотливых проблем, которые не принято поднимать и даже просто упоминание о которых может повлечь за собой обвинение в национализме. Боязнь оказаться заподозренным в национализме привела к какому-то подчеркнутому псевдоравнодушию по отношению к венграм», живущим в других странах. Более того, «проявлялась какая-то удивительная готовность всячески продемонстрировать такое равнодушие». Между тем, по мнению автора, «извращения сталинской эпохи» не могли не сказаться на национальной политике в Румынии, и равнодушие к таким извращениям не только оставляет нерешенными существующие проблемы, но и, «вопреки нашему желанию, дает пищу как венгерскому, так и румынскому шовинизму». В статье выражалось недоумение по поводу роспуска ряда общественных организаций румынских венгров,

²⁴ Записка была подготовлена в связи со скандалом в двусторонних отношениях, о чем речь пойдет ниже.

²⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 38. Л. 56–60. В записях бесед сотрудников посольства СССР в Венгрии со своими румынскими коллегами-дипломатами за 1956 г. находим постоянные жалобы румын в связи с живучестью ревизионистских настроений среди венгерских педагогов, представляющих молодежи Трансильванию как одну из венгерских «исторических земель», утраченную лишь вследствие внешнеполитических неудач (Там же. П. 187. Д. 7. Л. 157–158; Д. 8. Л. 133). Советские дипломаты также были склонны расценивать это как проявление венгерского национализма.

говорилось о необходимости оживления культурного обмена, ставился вопрос о восстановлении в Румынии снесенных после 1920 г. памятников деятелям венгерской истории и культуры — Ш. Петёфи на месте его гибели в 1849 г. в Трансильвании, «арадским мученикам» (ряду генералов, героев революции 1848–1849 г., казненных в г. Араде после ее подавления²⁶). Культура румынских венгров называлась в статье органической частью современной венгерской культуры, к которой должен существовать естественный интерес в самой Венгрии.

Не слишком острая, однако явно непривычная для своего времени по постановке проблем, статья Панди вызвала крайне негативную реакцию политбюро ЦК РРП, на своем заседании квалифицировавшего ее как «открытый призыв к ревизии вопроса о Трансильвании»²⁷. Во избежание более шумных демаршей Бухареста венгерскому руководству пришлось отмежеваться от позиции, обнародованной на страницах главного партийного органа²⁸. С немалой настороженностью публикация была воспринята и в Москве, где опасались возникновения трещин в советском блоке. В докладной МИД СССР в ЦК КПСС в этой связи отмечалось, что появление статьи не случайно и свидетельствует «о наличии серьезных националистических тенденций в отношении Трансильвании среди некоторых слоев венгерского населения и прежде всего в кругах венгерской интеллигенции»²⁹.

Подобного рода статьи, демонстрирующие оживление в Венгрии общественного интереса к положению соотечественников в соседних странах, вызывали столь большое раздражение коммунистического

²⁶ Юхас К. 6 октября — День памяти арадских мучеников в зеркале истории: практики коммеморации, местные и фольклорные традиции // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 1 (10). С. 17–46.

²⁷ Записка первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в ЦК КПСС в связи с положением в Венгрии. 17 сентября 1956 г. (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 484. Л. 37).

²⁸ Член политбюро ЦК ВПТ Л. Ач провел пресс-конференцию, на которой статья была подвергнута осуждению: (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 10. Л. 179).

²⁹ Там же. П. 191. Д. 38. Л. 55. В донесениях советских дипломатов приводились в качестве характерных высказывания венгерских коммунистов (иногда высокопоставленных) о том, что Венгрию лишили части Трансильвании «в наказание» за ее не завидную роль последнего сателлита нацистской Германии, позже других ее европейских союзников вышедшего из войны. Согласно логике дипломатов, сама постановка вопроса о праве Венгрии на часть трансильванской территории свидетельствовала об оживлении «буржуазно-националистических» настроений.

руководства Румынии не только из-за традиционного недоверия к официальному Будапешту, обусловленного вполне понятными историческими причинами, а прежде всего потому, что венгерское влияние в этот конкретный период связывалось прежде всего с более либеральными политическими веяниями. *Румынские коммунистические лидеры, не склонные даже к самым ограниченным реформам, в одинаковой мере боялись как «зарождения» собственной интеллигенции идеями либерализации социализма, так и активизации венгерского национального меньшинства (также как, впрочем, и представителей титульной румынской нации) в борьбе за свои гражданские права. Стремясь оградить страну от ветра перемен из Венгрии, Г. Георгиу-Деж и его окружение стали все больше упирать в своей внутренней пропаганде на опасность для Румынии великокомандьярского шовинизма.*

Особенно решительно эта линия стала проводиться с началом венгерского восстания 23 октября 1956 г., создавшего новую ситуацию и для соседней Румынии. Самого Дежа этот мощнейший социальный взрыв застал в Югославии, куда он направился в целях полной нормализации отношений с Тито. Отчасти потому, что в Румынии на рубеже 1940–1950-х гг. не было проведено своего большого показательного судебного процесса антиюгославской направленности (подобно процессам Райка, Костова и Дзодзе в Венгрии, Болгарии и Албании), а еще и потому, что Румынии в отличие от Венгрии удалось довольно быстро урегулировать проблемы взаиморасчетов в экономических отношениях с Югославией, прерванных после 1948 г., процесс возобновления диалога двух коммунистических элит протекал достаточно плавно и без эксцессов. Показательно, что уже в июне 1956 г. Тито демонстративно направился в СССР и обратно не через Венгрию, а более дальним путем, через Румынию, дабы не встречаться с ненастившим ему Ракоши, пока еще пребывавшим в Будапеште у власти. *Уже сама первая реакция Дежа на вести из Будапешта была довольно симптоматична как один из первых знаков осторожных поисков более самостоятельной внешнеполитической линии.* Придавая хорошим отношениям с соседней нейтральной Югославией, по-прежнему дистанцировавшейся от советского блока, огромное значение, он предпочел не комкать заранее проработанную программу визита и не возвращаться досрочно в Бухарест, наблюдая еще в течение нескольких дней за происходящим в Венгрии из Белграда и давая по ходу дела по телефону инструкции соратникам, принимавшим срочные меры.

Это отнюдь не означало, конечно же, недооценки угрозы событий в Венгрии для румынского коммунистического режима. *Общенациональное восстание в соседней стране сразу было воспринято правящей элитой Румынии как крайне опасный сигнал*, особенно в свете стойкой венгерской национальной идентичности подавляющего большинства трансильванских венгров, а значит, их потенциальной солидарности с восставшими соплеменниками. С первых же дней румынскими властями принимается широкий комплекс мер по нейтрализации влияний, идущих из соседней страны.

Дабы избежать серьезных волнений среди студенчества — одной из самых динамичных и политически активных социальных прослойек — приостанавливаются занятия в университетах. Поводом для этого послужили реально проявившиеся в университетской среде Бухареста и Клужа (отнюдь не только среди этнических венгров) оппозиционные брожения. Усиливается пограничный контроль. В целях координации действий, направленных на подготовку должного отпора оппозиционным выступлениям в самой Румынии, в конце октября (вследствие дальнейшего обострения ситуации в Венгрии, а также студенческих волнений в Тимишоаре) создается особый чрезвычайный орган во главе с одним из влиятельнейших членов политбюро министром обороны генералом Э. Боднэрашем (его заместителем был будущий партийный лидер Н. Чаушеску, для которого активность в ходе венгерских событий стала немаловажной вехой в карьере). Войска приводятся в состояние повышенной боеготовности. Берутся под особую охрану важнейшие объекты в крупных городах. В ряде городов приступают к формированию «рабочих дружин» из преданных режиму коммунистов. Принимает все новые обороты пропагандистская кампания, игравшая на антивенгерских настроениях немалой части населения, вызванных опасениями ирредентистских проявлений³⁰. Многие из принятых мер носили превентивный характер, будучи направленными на жесткое пресечение любых оппозиционных акций.

Требования с упоминаниями о правах венгерского национального меньшинства в Трансильвании занимали более чем периферийное

³⁰ Подробный анализ ситуации в Румынии конца октября 1956 г. и принятых властями мер по нейтрализации оппозиционных настроений см. в статье: Гладышева А. С. Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2017. №4. С. 8–14.

положение в программных заявлениях тех или иных политических сил венгерской революции. Они выдвигались почти исключительно не в Будапеште, а в главном городе восточной Венгрии Дебрецене, расположенному в непосредственной близости от румынской границы. Призывы к ревизии трианонских границ в дни венгерской революции, по известным нам данным, вообще не звучали, хотя впоследствии коммунистическая пропаганда недобросовестно пыталась это приписать последовательнейшему и наиболее принципиальному оппоненту коммунистического режима в Венгрии католическому кардиналу Й. Миндсенти³¹. В Румынии среди активистов подпольного венгерского национального движения, по некоторым данным, выдвигались³², но крайне редко, лозунги независимой Трансильвании, а что касается требований о присоединении края к Венгрии, иногда фигурировавших в следственных и судебных делах, то они никогда не становились публичными и скорее всего были просто продуктами фабрикации спецслужб. Отнюдь не это определяло суть протестных выступлений в Румынии под лозунгами реформ и десталинизации. *Вместе с тем реальная настороженность румын в отношении венгерской ирредентистской угрозы существовала. В силу этого любого рода оппозиционные проявления в самой Румынии, имевшие место под влиянием венгерских событий, были в полной мере использованы властями для устрашения румынского общества опасностью великодержавского национализма и ревизионизма.* Иногда это приносило эффект, позволило, в частности, внести определенный раскол в молодежную среду Клужа, утихомирить (не без помощи также и превентивных арестов) студенческие брожения в главном городе Трансильвании, где в силу специфики исторической памяти острота противоречий между венграми и румынами ощущалась достаточно сильно³³. По-иному обстояло дело в главном городе Баната

³¹ Стыкалін А.С. «Старый национализм приходится пересматривать везде...» Кардинал Миндсенти о месте Венгрии в Средней Европе и будущем российско-венгерских отношений (ноябрь 1956 г.) // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / Отв. ред. Г. П. Мурашко, А. И. Филимонова. М.; СПб., 2014. С. 263–293.

³² Aniszi K. 1956 – Erdély // Káru. 1997. 10 sz. 90–91. old.

³³ Положению в Румынии осенью 1956 г. посвящена большая литература. См. сборник документов на румынском языке: 1956 explozia. Percepții Române, iugoslave și sovietice asupră evenimentelor din Polonia și Ungaria / Ed. C. M. Lungu, M. Retegan. București, 1996. Среди монографических работ на венгерском и румынском языках о ситуации в Румынии в 1956 г. см.: *Sebők A.P. Kolozsvári perek*. Budapest, 2001;

Тимишоаре, самом интернациональном городе Румынии, где в силу исторических условий, напротив, сложилась давняя традиция бесконфликтного сожительства румын, немцев, сербов и венгров. В этом городе молодежные (прежде всего студенческие) выступления солидарности с восставшей Венгрией приобрели самый массовый характер, заставив власти прибегнуть к жесткому силовому подавлению³⁴. Студентами Тимишоары среди прочего было озвучено требование вывода советских войск из Румынии.

Исследования показывают, что, вопреки усилиям официальной пропаганды, солидарность с венгерской революцией демонстрировали не только трансильванские венгры, но в немалом количестве случаев и румыны, в том числе представители интеллигенции Бухареста и Клужа, подвергнутые за это нещадным репрессиям³⁵. С другой стороны, преследование некоторых лиц, считавшихся политически неблагонадежными, не было связано с их деятельностью в октябрьские-ноябрьские дни 1956 г., венгерская революция и проявленная к ней частью румынского общества солидарность были использованы в качестве повода для внесения более долгосрочных корректив во внутреннюю политику в сторону ее ужесточения,нейтрализации и блокирования любого рода реформаторских настроений. Интенсивность репрессий достигла своей кульминации в 1958 г. и первой половине 1959 г., когда в Румынии было арестовано более 15 тыс. человек. По некоторым данным, между октябрем 1956 г. и декабрем 1963 г. всего по политическим мотивам было взято под стражу 24 тыс. 472 человека (им инкриминировались не только «предательство родины» и « попытка свержения народно-демократического строя», в том

Boca I. 1956 – un an de ruptură. Romania între internationalismul proletar și stalinismul antisovietic. București, 2001. На румынском языке см. также ряд статей в сборнике по материалам конференции: *Anii 1954–1960. Fluxurile și refluxurile stalinismului. Simpozion la Sighetu Marmației 2–4 iulie 2000/ Ed. R. Rusan.* București, 2000. Документы венгерских и румынских архивов, касающиеся проблем двусторонних отношений, содержатся в сборнике: *Magyar–roman kapcsolatok, 1956–1958. Dokumentumok / Szerk. I. Lipcsey.* Budapest, 2004.

³⁴ *Sitariu M. Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956.* Iași, 2004.

³⁵ См.: *Bottoni St. Kényszerből stratégia: a román államhatalom válaszlépései a magyar forradalomra (1956–1958)* // 1956 okai, jelentősége és következményei. Szerk. L. Pál, I. Romsics. Budapest, 2006. 157–195. old.; *Pál-Antal S. Áldozatok – 1956. A forradalmát követő megtorlások a Magyar Autonóm Tartományában. Marosvásárhely (Tîrgu-Mureş), 2006.*

числе в месяцы венгерской революции, но и «нарушение общественного порядка», несанкционированное пересечение границы или причинение ущерба народному хозяйству)³⁶. Выносились и смертные приговоры.

Как следствие венгерской революции, страшно напугавшей румынскую коммунистическую элиту и довольно настороженно воспринятой немалой частью румынского общества (опасавшегося, как уже отмечалось, усиления в соседней стране ирредентистских, шовинистических настроений, активизации требований пересмотра границ), жесткие чистки были проведены в творческих союзах Румынии; немало деятелей культуры подверглось преследованиям по партийной, административной и судебной линии за реальную или мнимую поддержку венгерского восстания. Так, по некоторым данным, после июньского пленума ЦК РРП 1958 г., прошедшего под знаком идеологического наступления на ревизионистов, из Союза писателей, насчитывавшего 640 членов, было исключено 250 человек, из Союза художников, где было 1547 членов, изгнали 936 человек. Сменились составы редколлегий ряда журналов³⁷.

С другой стороны, власти все-таки сочли необходимым пойти на некоторые уступки и популярные меры в целях умиротворения масс — уже в ноябре 1956 г. Великое Национальное собрание РНР объявило, в частности, об отмене прежних социальных ограничений при участии в выборах органов власти. Предпринимаются и шаги по повышению уровня жизни населения.

Жестокие репрессии, предпринятые Г. Георгиу-Дежем и его командой против тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерской революции, и политические преследования всех потенциальных оппонентов коммунистической власти, особенно сильно ударившие по венгерской интеллигенции Трансильвании, были призваны не только запугать недовольных, но и укрепить доверие советских лидеров, убедить их в том, что за Румынию они могут быть спокойны, здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно развитие

³⁶ Боттони С. 1956 год в Румынии // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / Отв. ред. А. С. Стыкаллин. М., 2018. С. 160.

³⁷ См. справку о мероприятиях РРП (1959 г.) «по устранению серьезных недостатков в деятельности творческих союзов в Румынии и по ликвидации чуждой идеологии»: (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 94. Л. 43–47).

событий «по венгерскому сценарию». То есть ее руководство не нуждается в мелочной кремлевской отеке, на него можно положиться в принципиальных вопросах, а значит, можно предоставить несколько больше самостоятельности.

Эта тактика, очевидно, не была безрезультатной. Представление в Москве о Румынии как о стране, где компартия прочно удерживает власть, находит отражение во многих советских источниках конца 1950-х гг. и в том числе в отчетах посещавших ее советских делегаций. Например, типичный «литературный генерал», секретарь Союза писателей СССР, курировавший его Иностранную комиссию, Борис Полевой в своей докладной по итогам 3-недельного пребывания в Румынии в августе–сентябре 1959 г., в том числе в дни, когда отмечалось 15-летие ее разрыва с нацистской Германией, доносил, что «Союз писателей Румынии находится в хороших руках, и партийное влияние является в нем преобладающим, хотя, разумеется, эта партийная линия и встречает некоторое скрытое сопротивление у отдельных интеллигентов»³⁸. Вообще, многие его румынские собеседники, функционеры разного уровня, если и жаловались на что-то, то прежде всего на то, что советская печать мало пишет о Румынии. Так, в редакции главной партийной газеты «Scînteia» Полевому говорили: в Румынии «немало серьезных людей, которые ежедневно прикладывают строчкомеры³⁹ к страницам советских газет и разочарованно докладывают о том, что опять Чехословакия, Польша и Венгрия освещены хорошо, а от Румынии отмахнулись коротенькой заметкой». «Может быть, это происходит от того, что ваши товарищи спокойны за нас, знают, что руководство в крепких руках и у нас не могут произойти венгерские события?» — пошутил в разговоре с Полевым один ответственный журналист⁴⁰.

Венгерские события, сильно напугавшие румынскую элиту, вместе с тем дали ей хороший повод, зарекомендовав себя (особенно на явно неблагополучном венгерском фоне) надежным партнером Москвы, предложить ей свои услуги в деле урегулирования кризиса в соседней стране. Из мемуаров Н. С. Хрущёва известно, что в ходе секретной встречи с ним в Бухаресте 2 ноября лидеры Румынии

³⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 2.

³⁹ Так в тексте. Правильно: строкомер — типографская линейка для подсчета числа строк в полосе.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 4.

поставили вопрос о возможном участии румынских войск в подавлении венгерской «контрреволюции»⁴¹. Москва отказалась от этого, вместе с тем всерьез воспользовавшись помощью Румынии в деленейтрализации свергнутого правительства Имре Надя. Задержанные 22 ноября после выхода из югославского посольства, где они укрылись с началом решающей советской военной акции от 4 ноября, И. Надь и большая группа лиц из его окружения были депортированы в Румынию, в г. Снагов, где находились до весны 1957 г.⁴² Кроме того, румынская сторона попыталась выступить в роли посредника при разрешении возникшего конфликта между советским правительством, а также венгерским пока еще довольно марионеточным правительством Я. Кадара, с одной стороны, и официальной Югославией – с другой⁴³. Эту посредническую миссию в деле налаживания советско-югославских отношений, ухудшившихся в результате венгерского кризиса, она пыталась выполнять и позже. Так, первая после ноября 1956 г. встреча югославских и советских лидеров состоялась именно в Румынии 1–2 августа 1957 г. Стороны пришли к взаимному компромиссу. Советское руководство обещало повлиять на Я. Кадара и его команду, чтобы те не выпячивали обвинений против Югославии во время готовившегося судебного процесса по делу И. Надя. Югославская же сторона согласилась участвовать в запланированном на ноябрь 1957 г. совещании

⁴¹ Это находит подтверждение и в записи беседы Н. С. Хрущёва и Г. М. Маленкова с югославскими лидерами Й. Броз Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем на о. Бриони в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 526).

⁴² О пребывании «группы Надя» в Снагове см. сборники документов на румынском и венгерском языках: *Insemnări de la Snagov: corespondență, găroarte, convorbiri / Ed. Ileana Ioanid. Jași, 2004; A Snagovi Foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok / Összeállította, a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta M. Baráth és L. Sipos. Budapest, 2006.* См. также публикацию текстов Имре Надя, написанных в снаговской ссылке: *Nagy Imre. Snagovi jegyzetek. Gondolatok, emlékezések. 1956–1957 / Felelős szerk. I. Vida. Budapest, 2006.*

⁴³ Стыкалин А. С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 70–81. В основе ухудшения отношений СССР с титовской Югославией лежало то обстоятельство, что посольство ФНРЮ в Будапеште предоставило в день крупномасштабной советской агрессии, рано утром 4 ноября, политическое убежище потерявшему власть премьер-министру Венгрии Имре Надю и людям из его окружения, а через неделю, 11 ноября, Тито на партактиве в Пуле выступил с критикой советской политики в Венгрии.

компартий социалистических стран, однако в середине октября, ознакомившись с проектом Декларации совещания, заранее отказалась его подписать, убедившись в том, что Москва, как и раньше, продолжает диктовать мировому коммунистическому движению свои установки (румынское посредничество, таким образом, оказалось не в полной мере результативным)⁴⁴.

Активизация внешней политики Румынии в рамках советского блока сопровождалась первыми проявлениями руководством РРП особой позиции по некоторым существенным вопросам мирового коммунистического движения. Оно, в частности, с самого начала стремилось по возможности уклониться от участия на стороне СССР в каких-либо новых антиюгославских кампаниях и сохранить с Белградом хорошие отношения. Уже весной 1957 г. в аппарате ЦК КПСС не могли не заметить, что руководство РРП дистанцируется от публичной критики тех или иных внешнеполитических шагов лидеров Союза коммунистов Югославии (СКЮ), расходившихся с линией Москвы⁴⁵. В *Бухаресте дорожили неплохо развивавшимися отношениями с соседней Югославией (все более выступавшей для румынской партийной элиты в качестве примера социалистической страны, умеющей отстаивать свои приоритеты в диалоге с Кремлем) и не хотели жертвовать в угоду СССР этими отношениями, сужая тем самым поле самостоятельных внешнеполитических маневров для Румынии.* В ноябре 1957 г. Георгиу-Деж, ссылаясь на болезнь, не поехал в Москву на большое совещание компартий, приуроченное к 40-летнему юбилею октябрьской революции в России. Румынскую делегацию возглавлял премьер-министр Киву Стойка. Можно предполагать, что Деж, информированный об отказе югославов подписать итоговую декларацию, ожидал (и не без оснований), что на конференции

⁴⁴ Стыкалин А. С. Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 /Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 265–311.

⁴⁵ Как отмечалось в одном из документов отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, румыны стараются быть очень осторожными в своих заявлениях, касающихся Югославии и ее политики. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 478. Л. 125). На это же постоянно обращали внимание своих советских коллег болгарские и албанские дипломаты. Кстати, и в советско-югославской переписке конца 1956 – начала 1957 г. РРП не упоминалась представителями СКЮ среди компартий, с которыми у него существуют серьезные проблемы во взаимоотношениях.

начнется их острая проработка⁴⁶, и заранее хотел от нее дистанцироваться. Правда, в мае 1958 г., после публикации новой программы СКЮ, Георгиу-Деж и его окружение подключились под давлением Москвы к новой антиюгославской кампании, но участвовали в ней довольно вяло⁴⁷. *Поддержание в целом довольно стабильных и ровных отношений с ФНРЮ и в дальнейшем давало официальному Бухаресту возможность разыгрывать временами югославскую карту в своем усиливавшемся стремлении к более самостоятельному внешнеполитическому курсу, вполне сочетавшемуся с проведением жесткой, а подчас и репрессивной внутренней политики.*

Стремление к более активной внешней политике проявилось не только на югославском направлении, но и в общерегиональном плане при выдвижении ряда важных инициатив сотрудничества балканских (с участием Югославии) и черноморских стран, не противоречивших внешнеполитической линии СССР, но и не во всем с ней совпадавших⁴⁸. Выступая с теми или иными предложениями, в Буха-

⁴⁶ Делегация СКЮ во главе с Э. Карделем подвергалась в дни московских ноябряских совещаний (узкого и широкого, с участием представителей компартий всего мира) сильному давлению в целях заставить ее подписать декларацию компартий социалистических стран. Однако в целом в то время доминировала линия на нераздувание конфликта, сохранявшаяся до апреля 1958 г., когда была принята новая программа СКЮ, объяненная в СССР ревизионистской. (*Стыкалин А. С. Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение. От Коминформбюро к первому большому московскому совещанию компартий (весна 1956 г. – осень 1957 г.) // Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). /Гл. ред. Н. Г. Томилина. М., 2013. С. 5–51.*)

⁴⁷ Новая антиюгославская кампания, конечно, не достигла остроты предыдущей, инициированной Сталиным в 1948 г. В мае 1958 г. установки руководства КПСС относительно границ критики СКЮ были наиболее полно изложены в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям о советско-югославских отношениях: критика югославского ревизионизма в советской печати «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75). «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок», – говорил Хрущёв с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г. (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 35).

⁴⁸ Стыкалин А. С. Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов) // Studia

ресте рассчитывали, что это не вызовет негативной реакции Советского Союза, удостоверившегося во время польских и венгерских событий осени 1956 г. в прочности коммунистической власти в Румынии.

Проявив себя надежным партнером Москвы в ходе венгерского кризиса и укрепив тем самым доверие Кремля, румынские лидеры стремились использовать приобретенный капитал в интересах ограничения советского влияния. Решающее значение в этом плане имел вопрос о выводе советских войск. Советские военные формирования находились в Румынии (как и в Венгрии) на основании Парижского мирного договора 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской оккупационной зоной в Австрии. С подписанием в мае 1955 г. государственного договора, восстановившего полный суверитет Австрии, иностранные войска были из этой страны выведены и, таким образом, перестала действовать юридическая основа для дальнейшего пребывания советских воинских контингентов как в Венгрии, так и в Румынии. Согласно источникам личного происхождения (как широко известным мемуарам Н. С. Хрущёва, так и воспоминаниям некоторых деятелей румынской компартии, в частности Г. Апостола), уже в 1955 г. румынская сторона в ходе неформальных бесед на высоком уровне осторожно зондировала мнение официальной Москвы относительно перспектив вывода советских войск из Румынии, однако ей было указано на несвоевременность подобной инициативы. Во время поездки в СССР румынской делегации во главе с премьер-министром К. Стойка вскоре после венгерской революции, 26 ноября – 3 декабря 1956 г., стороны пришли к выводу о целесообразности дальнейшего нахождения советских войск в Румынии – напуганное событиями в соседней Венгрии румынское руководство не было готово форсировать решение вопроса, и это нашло отражение в публиковавшемся в прессе коммюнике. Вернуться к теме сделала возможным внешнеполитическая обстановка, сложившаяся к 1958 г. Причем желание официального Бухареста освободиться от присутствия советских войск на сей раз сопровождалось встречным стремлением Москвы разыграть румынскую карту (т. е. использовать вопрос о присутствии советских войск в Румынии) в своей политике в области разоружения.

В Кремле вопрос о возможном выводе советских войск из Румынии, согласно известным нам записям, впервые обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 13 апреля 1957 г. При обсуждении указаний постпреду СССР в ООН В.А. Зорину Хрущёв предложил проявить инициативу по выводу части войск из Польши, Венгрии и Румынии, в случае если США согласятся сократить свой контингент в Германии⁴⁹. Начиная с этого времени проблема вывода советских войск из Румынии становится неотъемлемой составной частью программы разоружения, адресованной Советским Союзом Западу и частично им осуществленной в 1957–1958 гг. 1 апреля 1958 г. на заседании Президиума ЦК был рассмотрен вопрос «О проведении переговоров с представителями Румынской Народной Республики по вопросам, связанным с времененным пребыванием советских войск на территории РНР». Представленное на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложение Министерства обороны и МИД СССР исходило из нецелесообразности форсированного вывода войск из Румынии, однако в ходе обсуждения, главным образом по инициативе Хрущёва, было решено пересмотреть вопрос в направлении вывода⁵⁰. 17 апреля после проведения соответствующих переговоров с представителями Румынии Президиум ЦК утвердил письмо ЦК КПСС в адрес ЦК РРП⁵¹. В нем отмечалось, что пребывание советских войск в Румынии уже не вызывает необходимости ввиду некоторого ослабления международной напряженности и достаточной подготовленности румынских вооруженных сил для защиты своей страны.

При принятии решения учитывалось, что Румыния окружена только социалистическими странами, включая внеблоковую Югославию, которая не рассматривалась как потенциальный военный противник⁵². Принималось во внимание также то обстоятельство, что империалистические круги широко используют военное присутствие

⁴⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 249.

⁵⁰ Там же. С. 304.

⁵¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 783.

⁵² Показательно мнение Президиума ЦК КПСС, выраженное несколькими годами позже, на заседании 8 января 1962 г. При обсуждении остро стоявшего германского вопроса тогда было замечено (в контексте рассмотрения соотношения сил в Европе), что Югославия не представляет собой реальной военной угрозы для Болгарии, а тем более (!) для Румынии (Там же. Т. 1. С. 541).

СССР в Румынии в целях антисоветской пропаганды⁵³. Важно заметить, что вывод советских войск из Румынии был синхронизирован с принятием мер по усилению обороноспособности ее армии⁵⁴, а также с предоставлением румынскому правительству долгосрочного кредита на сумму 400 млн рублей⁵⁵. Вывод советских войск из Румынии явился акцией, призванной возметь прежде всего политico-пропагандистский эффект. В Декларации Политического Консультативного Комитета (ПКК) стран-участниц Организации Варшавского Договора (ОВД) от 24 мая 1958 г. он был подан как новое доказательство миролюбивой политики социалистических стран. Советские войска были выведены из Румынии в июне-июле 1958 г. Прекращение советского военного присутствия в свою очередь стало новым фактором, ускорившим формирование более независимой внешнеполитической линии.

Ослабление советского влияния проявилось и в продолжавшемся отъезде советников из силовых структур, процесс этот приобрел еще большую динамику в начале 1960-х гг., когда между СССР и Румынией более отчетливо проявились разногласия по вопросам экономической интеграции стран-участниц СЭВ.

Как бы то ни было, переход к более инициативной внешней политике в тех конкретных условиях не открывал никаких перспектив далеко идущей внутриполитической либерализации румынского коммунистического режима, что показали репрессии против тех, кто в той или иной форме выразил солидарность с венгерской революцией, равно как и ряд кампаний по преследованию потенциальной оппозиции (из страха перед массовыми волнениями по примеру соседней Венгрии). Можно даже сказать больше: в стремлении к расширению внешнеполитической самостоятельности в рамках советского блока подспудно содержалось нечто противоположное — желание Г. Георгиу-Дежа и его окружения по возможности оградить свою страну от представлявших реальную угрозу его бесконтрольной власти либеральных веяний, усилившимся на волне XX съезда КПСС, но особенно

⁵³ См. письмо ЦК КПСС, адресованное ЦК РРП. (Там же. Т. 2. С. 1018–1019).

⁵⁴ См. постановление ЦК КПСС о поставке самолетов в Румынию и передаче ей в аренду боевых кораблей в январе 1958 г. (РГАНИ.Ф. 3. Оп. 14. Д. 183. Л. 6, 18–19, 103).

⁵⁵ Вопрос был принципиально решен на заседании Президиума ЦК КПСС 3 января 1958 г. (Там же. Д. 175. Л. 7, 28).

проявившихся в Польше и Венгрии. Более чем напуганные революцией в соседней стране, румынские лидеры в конечном итоге сумели воспользоваться ею в интересах укрепления своей власти. Из опасений, что либерализация социализма у некоторых соседей займет настолько далеко, что сможет вызвать цепную реакцию в Румынии, Георгиу-Деж и его команда с конца 1956 г. все более целенаправленно создавали механизмы противодействия не только венгерскому и польскому, но также и советскому влиянию — причем нередко под вывеской искоренения последствий культа личности⁵⁶. Венгерские события стали, таким образом, фактором, ускорившим не только формирование более активной внешней политики Румынии, но и создание подобных механизмов. Все это делалось в интересах сохранения прочных позиций Дежа и доверенных ему лиц у власти, предотвращения угрозы их смещения. Ведь венгерская революция наглядно показала небеспочвенность опасений того, что либеральные веяния внутри советского блока могут зайти настолько далеко, что под угрозой окажется сама коммунистическая диктатура. Тем самым был дан второй вслед за ХХ съездом КПСС серьезный сигнал, заставивший официальный Бухарест начать выстраивать новую модель отношений с Москвой, ограничивающую ее влияние. Именно здесь были заложены корни той политики, которая продолжала набирать силу на последующем этапе развития, в 1960-е гг.

Симптомы некоторого стремления румынской элиты к большей самостоятельности не вызывали в Москве слишком большого беспокойства, о чём мы можем судить по известным нам дипломатическим донесениям и отчетам советских эмиссаров, выезжавших в Румынию. Ведь осенью 1956 г. в Кремле и на Старой площади могли убедиться в прочности коммунистического режима, в стабильности ситуации в стране. Румыния воспринималась как страна, по выражению Хрущёва, «шагающая в ногу» с другими членами формирующегося социалистического содружества, а потому глубина обнаружившихся вдруг в начале 1960-х гг. разногласий⁵⁷ оказалась для советского лидера довольно неожиданной. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что 5 ноября 1962 г. при обсуждении на Президиуме

⁵⁶ Cătănuș D. The Romanian Communists under the Impact of Destalinization, 1956–1961 // Totalitarian Archives. Bucureşti, 2002. № 1–2. P. 174–191.

⁵⁷ Подробнее об их первых проявлениях и дальнейшем углублении см.: Anton M. Ieşirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej. Bucureşti, 2007.

ЦК вопроса о создании совместных плановых органов социалистических стран Хрущёв говорил о том, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх исчез, и Георгиу-Деж, как и некоторые другие восточноевропейские лидеры, «нам безгранично верят»⁵⁸. Чем более иллюзорными были представления об общности интересов, тем острее была реакция Хрущёва, проявившаяся, как известно, при встрече с Георгиу-Дежем в Бухаресте 24–25 июня 1963 г., вскоре после варшавской сессии СЭВ, где румынская сторона более жестко, нежели ранее, выступила против попыток заставить ее играть по правилам Москвы при выработке планов экономической интеграции. Однако это уже предмет другой статьи.

⁵⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 645. В ходе поездки Н. С. Хрущёва в Румынию, состоявшейся 17–25 июня 1962 г., не было выявлено слишком значительных расхождений между лидерами двух партий по принципиальным вопросам внешней политики, хотя на сессиях СЭВ уже проявлялось к этому времени недовольство ролью, отводимой Румынией в системе экономической интеграции социалистических стран.

К. Кимура

К вопросу о влиянии югославского фактора в Венгрии. Нормализация югославско-венгерских отношений (июль–октябрь 1956 г.)

В конце 1940-х гг. Сталин и его окружение, управляя большой антиюгославской кампанией в рамках всего формирующегося Восточного блока, отвели именно Матяшу Ракоши ведущую роль в предпринимаемых действиях. Венгерский партийный лидер действительно оказался своего рода «передовиком» в развернувшемся между главами стран советской сферы влияния «соревновании» за достижение большей лояльности советскому руководству. Он эффективнее других сумел публично показать всему миру «вину» Тито и людей его команды, организовав в угоду Сталину «дело Райка», напущивший судебный процесс антиюгославской направленности¹. После этого совсем не кажется удивительным, что даже в условиях начавшегося со смертью Сталина советско-югославского примирения руководство титовской Югославии, явно не доверявшее Ракоши, не шло на полноценный диалог с Венгрией, пока тот находился у власти. Правда, в 1954 г. с югославской стороны были сделаны некоторые умеренно-дружеские жесты в адрес премьер-министра И. Надя, не несшего ответственности за разрыв отношений двух стран — в нем увидели партнера, с которым можно было бы начать

¹ См., например: Кимура К. «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение, 2012. № 1. С. 3–15; Стыкалин А. С., Кимура К. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Уроки истории XX века. 2014. Электронный ресурс. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52183> (дата обращения: 14.08.2019); Кимура К., Стыкалин А. С., Якименко О. А. А Rajk-ügy (1949) Jugoszláviából nézve // Россия и Венгрия: На перекрестках европейской истории. Вып. II / Отв. ред. И. В. Крючков. Ставрополь, 2016. С. 243–258.

диалог как бы «с чистого листа»². Однако к концу 1954 г. позиции И. Надя ослабели вследствие противодействия его реформаторскому курсу со стороны консервативно настроенной части партаппарата, весной 1955 г. он был удален со своего поста и позже исключен из партии. Это не могло не замедлить процесс улучшения двусторонних венгерско-югославских отношений.

Вместе с тем Венгрия была первой страной советского лагеря, которая подхватила инициативу СССР в деле нормализации дипломатических отношений с Югославией, фактически разорванных в 1949 г.³ Венгерская сторона впервые проявила готовность к этому 10 августа 1953 г. В ходе переговоров относительно урегулирования пограничных инцидентов она просила главу югославской делегации Янеза Хочевара, возглавлявшего также миссию Федеративной народной республики Югославии (ФНРЮ) в Будапеште, посодействовать в деле получения агримана Шандором Куримски⁴ в качестве венгерского посланника. В Будапеште, таким образом, высказались за необходимость улучшения двусторонних отношений, в предшествовавшие годы фактически балансировавших на грани войны⁵. С югославской стороны была проявлена ответная готовность к нормализации отношений с Венгрией. 4 ноября 1953 г. Тито заверил в ходе встречи Куримски, что со стороны Югославии нет препятствий для достижения этой цели⁶. В свою очередь венгерский посланник позже от имени своего правительства официально выразил желание восстановить добрососедские отношения с Югославией⁷.

² Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 216.

³ DAMSP RS. PA. pov. 1955. F. 36. Br. 16616.

⁴ Шандор Куримски (1907–1982) — в 1953–1956 гг. посланник ВНР в ФНРЮ, в сентябре–декабре 1956 г. начальник управления МИД ВНР, затем до 1958 г. заместитель министра внутренних дел ВНР.

⁵ AJ. Kabinet Predsednika Republike (далее — КПР). I-3-а/72-1, Madarska; DAMSP RS. PA. pov. 1953. F. 51. Br. 412119 (s-4). Из литературы о положении на югославско-венгерской границе в 1949–1953 гг. см.: Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И. В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 209–222.

⁶ Kovacević K. Obnova Jugoslovensko-madarskih odnosa 1953–1954 // Spoljna Politika Jugoslavije 1950–1961. Zbornik radova /Urednik. S. Selinić. Beograd, 2008. C. 177. Автор опирается на: AJ. F. 837 (KPR). I-3-а, Madarska.

⁷ AJ. F. 837 (KPR). I-3-с, Madarska.

К весне 1956 г. был в целом разрешен целый ряд спорных вопросов, затруднявших восстановление нормальных двусторонних отношений⁸, но не решенным оставался сложнейший (а для Белграда важнейший и наиболее принципиальный) вопрос — о реабилитации Ласло Райка. Официальный Будапешт, хотя и предпринял под давлением Москвы ряд шагов с тем, чтобы снять с югославов прозвучавшие на процессе венгерского коммуниста обвинения в их адрес, все же пытался обойтись без полной реабилитации Райка, поскольку это угрожало бы личной власти М. Ракоши, главного организатора того судебного процесса⁹. Новая ситуация в развитии венгерско-югославских отношений сложилась после XX съезда КПСС.

XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), став важной вехой в истории всего коммунистического движения, способствовал дальнейшей нормализации югославско-венгерских отношений. Тито и его окружение были в целом удовлетворены решительной критикой Сталина в закрытом докладе Н. С. Хрущёва о «культе личности», зачитанном на особом заседании в конце работы съезда, и особенно признанием ответственности Сталина за антиюгославскую кампанию в 1948 г. XX съезд в их глазах подтверждал правильность избранной стратегии на сближение с СССР и странами советского блока. Закрытый доклад Хрущёва с острой критикой сталинской политической практики вызвал, как известно, сенсацию в мире и стал вызовом для коммунистических лидеров стран Центральной и Юго-Восточной

⁸ Подробнее см.: Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века /Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р. П. Гришина. СПб., 2002. С. 323–345. Не без труда, и только к концу мая 1956 г. был разрешен вопрос о взаимных финансовых претензиях. Переговоры проходили пелегко, поскольку югославы настаивали на том, чтобы венгерская сторона компенсировала все убытки, образовавшиеся в результате разрыва торговых отношений в 1948–1949 гг., вопрос же о конкретной сумме убытков вызвал дискуссии (*Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года. С. 219–220*).

⁹ Тема реабилитации Л. Райка и его товарищей как одного из условий полной нормализации югославско-венгерских отношений весной 1956 г., уже после XX съезда КПСС, все активнее обсуждалась в политических и дипломатических кругах ФНРЮ (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 68; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 24). Не только в посольстве ФНРЮ в Будапеште, но и в самом Белграде внимательно следили за всеми новыми высказываниями М. Ракоши и его окружения, касающимися Райка (См., например: DAMSP RS. PA. pov. 1956. F. 51. Br. 44418 (s-7) // Isto. Br. 44816 (s-1)).

Европы, причем едва ли не в первую очередь для М. Ракоши, особенно сильно скомпрометировавшего себя приверженностью сталинским политическим методам¹⁰. Все эти лидеры были поставлены перед необходимостью пересмотра своей прежней линии, что означало и ревизию внешней политики на югославском направлении.

Итоги XX съезда предопределили изменения во внутрипартийной жизни Венгерской партии трудящихся (ВПТ). В марте и апреле на многих партийных собраниях звучала острые критика в адрес М. Ракоши и его окружения за неспособность извлечь уроки из решений съезда КПСС. Среди прочего раздавались требования полностью пересмотреть дело Л. Райка, признав его абсолютную невиновность, т.е., по сути, сфальсифицированность обвинений, прозвучавших на процессе. На пленуме Центрального руководства (ЦР) ВПТ, состоявшемся 12–13 марта, обсуждалось, каким образом следует откорректировать всю политическую линию партии в свете решений XX съезда. Влиятельные члены ЦР ВПТ резко критиковали прежнюю политику Ракоши, говорили о насаждении в стране культа личности и даже о попытках установления им собственной диктатуры. Под давлением соратников Ракоши вынужден был признать факты, свидетельствовавшие о формировании своего культа личности и злоупотреблениях властью. В конце концов, крайне непопулярный в Венгрии Ракоши, совершенно неспособный предложить стране адекватную программу действий, после долгих колебаний в советском руководстве лишился поддержки Кремля и потерял власть в июле 1956 г., о чём речь пойдет ниже.

Долго готовившийся государственный визит Тито в СССР состоялся 1–23 июня 1956 г. Во время своей длительной поездки югославский лидер, в ходе его переговоров с советскими руководителями, затронул и проблемы нормализации венгерско-югославских отношений. Тито прямо дал понять Хрущёву: пока у власти в Венгрии находится Ракоши, желаемый Москвой прорыв в отношениях двух соседних социалистических государств попросту

¹⁰ О политических методах Ракоши в контексте «дела Райка» и венгерско-югославских отношений см.: Кимура К., Стыкалин А. С. Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб., 2017. С. 214–269.

невозможен¹¹. У югославского маршала не было никакого желания встречаться с венгерским лидером. Румынский лидер Г. Георгиу-Деж, хотя и подключился в 1948–1949 гг. в полной мере к антиюгославской пропагандистской кампании, но все же не организовал своего «дела Л. Райка», а потому вызывал у Тито меньше антипатии, чем Ракоши. Неудивительно, что лидер Югославии, чтобы не встречаться с Ракоши, ехал в СССР и из СССР не через Венгрию, а через Румынию, т. е. не самым коротким путем.

В 20-х числах июня Ракоши в течение нескольких дней находился в Москве на совещании руководителей компартий социалистических стран, где обсуждался вопрос о новых формах сотрудничества компартий, которые должны были прийти на смену распущеному Коминформу. Ему было оказано полное доверие, пока еще ничто не предвещало скорого ухода¹². Однако там, где дело касалось вопросов сближения с Югославией, между руководителями КПСС и первым секретарем ЦР ВПТ проявились заметные разногласия. Даже находившийся с ним в более близких отношениях К. Е. Ворошилов (он был в 1945–1947 гг. председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии), приняв своего давнего знакомого, в отчете в Президиум ЦК КПСС потом заметил: что касается нормализации отношений с Югославией, то т. Ракоши, кажется, еще «не сбросил с себя груз прошлого», «у него еще много настороженности и неуверенности»¹³. Председателю Президиума Верховного Совета СССР пришлось убеждать венгерского лидера, что Югославия сейчас «стоит на правильном пути» и Венгрии, как и СССР, надо идти на сближение с ней. И это несмотря на то, что итогами встречи с Тито и подписанный декларацией в Москве были не совсем довольны, ведь Югославия по-прежнему отказывалась войти в советский блок.

¹¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории. М., 1994. №5. С. 77. Материалы июньских 1956 г. встреч лидеров двух стран опубл. в: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т.1. 1946–1964 /Гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М., 2014. С. 206–242.

¹² См. отчет Ракоши о поездке в Москву на заседании партийного руководства: Társadalmi Szemle. Budapest, 1993. №2. 83–94.

¹³ См. записку К. Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС о беседе с М. Ракоши о состоянии венгерско-югославских отношений и сложности положения Ракоши в ВПТ: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 97–99.

Советские лидеры, все еще поддерживая Ракоши, не могли в то же время не понимать, что его пребывание у власти не отвечает задачам полной нормализации венгеро-югославских отношений и их последующего поступательного развития. К дальнейшему сближению с Югославией он был явно не готов, неся громадный груз ответственности за прежние свои действия по эскалации конфликта. Не могло быть в Москве иллюзий и относительно позиции Тито. Взаимная ненависть лидеров двух соседних стран блокировала, заводила в тупик любое встречное движение, для которого с начавшимся улучшением советско-югославских отношений были созданы политические предпосылки, а с урегулированием финансовых проблем не существовало и экономических препятствий. Не был заинтересован Ракоши и в корректировке отношений внутри советского блока на основе большего равноправия¹⁴, ибо любое продвижение по этому пути доказывало правоту усилившейся внутрипартийной оппозиции и особенно его непримиримого оппонента, находившегося в опале Имре Надя, укрепляло также югославское влияние в стране, крайне нежелательное для Ракоши как фигуры совершенно неприемлемой для руководства СКЮ в качестве партнера по переговорам.

Можно предполагать, что именно познаньеские волнения в Польше в конце июня 1956 г. (их жертвами стали более 70 человек) дали толчок изменению позиции Москвы и в венгерском вопросе. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением тех историков, которые считают, что под влиянием познаньеских событий и происходивших одновременно с ними бурных дискуссий в будапештском Кружке Петёфи лидеры КПСС наконец согласились с целесообразностью отставки Ракоши, видя его растущую неспособность контролировать ситуацию в своей стране¹⁵. Сыграло свою роль и давление влиятельных членов руководства ВПТ Э. Герё и И. Ковача: они не только пришли к выводу о том, что в качестве вынужденной уступки оппозиции

¹⁴ Первым шагом к этому мог показаться роспуск Коминформа в апреле 1956 г. (См. подробнее: Стыкалин А. С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение. 2014. № 1. С. 12–29).

¹⁵ Vali F. Rift and Revolt in Hungary: Nationalism versus Communism. Cambridge, 1961. P. 234; Zinner P. Revolution in Hungary. New York, 1962. P. 216; Hajdu T. 1956 nemzetközi háttere // Társadalmi Szemle. Budapest, 1989. № 8–9; The Hungarian revolution of 1956: Reform, Revolution, Repression, 1953–1963/ Ed. by G. Litván. London, 1996. P. 47.

в целях укрепления позиций партийного руководства можно было бы пожертвовать Ракоши, но и осторожно пытались убедить в этом советского посла Ю. В. Андропова¹⁶.

Оживление в Венгрии оппозиционных сил вызывало тем большую обеспокоенность в руководстве ВПТ, что в нем видели, как уже отмечалось в литературе¹⁷, характерное проявление более общей тенденции. Посетив 6 июля Андропова для того, чтобы поделиться с ним своими опасениями относительно ситуации в стране, Герё говорил о том, что большие трудности создает все более отчетливо проявляющееся в международном коммунистическом движении правое течение, требующее ограничить влияние Москвы; в роли главного его форпоста выступала, по мнению Герё, Югославия. Венгерская оппозиция, говорил влиятельный партократ, так нагло ведет себя именно потому, что получает постоянную моральную поддержку со стороны югославской прессы, которая недоброжелательно отзыается о внутренней политике ВПТ, особенно в связи с исключением ряда лиц из партии за резкие выступления в ходе июньской дискуссии о свободе печати в Кружке Петёфи. Более того, Югославия, по словам Герё, имела в Венгрии разветвленную сеть агентуры: оппозиционно настроенные представители интеллигенции поддерживали постоянные связи с югославской миссией, систематически информируя дипломатов о происходящих внутриполитических событиях. Активисты Кружка Петёфи, участники его дискуссий также не скрывали своих симпатий к югославским концепциям социализма¹⁸. То же самое касалось и других активизировавшихся весной 1956 г. оппозиционеров¹⁹.

¹⁶ См., например, телеграмму Андропова в МИД СССР от 9 июня 1956 г. о беседе с Герё: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 137–142.

¹⁷ См., например: Стыкалин А. С. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 69–70.

¹⁸ Dokumentumok: Andropov és Gerő két beszélgetése 1956 júliusában/ Ed. V. Szereda, I. Vida // Tekintet. Budapest, 1994. N 3–4. 137–140.old.

¹⁹ Литературный критик Иштван Кирай в беседе с советским дипломатом В. А. Крюковым (будущим председателем КГБ) 12 июля заметил, что «идут разговоры о создании в Венгрии подлинно национальной коммунистической партии по примеру Союза коммунистов Югославии, в котором очень многие видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа. Эти люди на одну линию с Тито ставят Имре Надя, которого, как и первого, считают подлинным выразителем чаяний народа». (Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 148–149).

Миссия Югославии в Венгрии, как и югославские журналисты, действительно стремилась к установлению контактов со все более открыто заявлявшей о себе оппозицией внутри ВПТ. Внутрипартийная оппозиция воспринималась как потенциальный партнер СКЮ в межпартийных отношениях, а в случае своего прихода к власти как естественный союзник Югославии в отстаивании ею независимой от Москвы внешней политики²⁰. Сообщения об активности югославских представителей содержатся во многих донесениях посольства СССР в Венгрии за лето 1956 г.²¹ При этом, не ограничиваясь контактами с интеллектуалами и реформаторами из партаппарата, с середины лета югославы все настойчивее пытались установить связи с венгерским рабочим классом. Посещая заводы, они пропагандировали преимущества югославской «системы самоуправления»²². Со стороны венгерской оппозиции, испытывавшей, как уже отмечалось, увлечение югославской моделью, наблюдалось встречное движение. Тем более что в Югославии видели пример социалистического государства, сумевшего в чрезвычайно трудных условиях отстоять свой суверенитет и получившего признание на международной арене, особенно в странах «третьего мира», своей независимой внешней политикой.

Влияние югославского фактора на внутриполитическую жизнь Венгрии возрастало. При этом не только Ракоши (по вполне понятным

²⁰ В посольстве СССР существовало мнение, что «среди работников югославской миссии в Будапеште имеются лица, не только сохранившие неприязнь к СССР, но пытающиеся предпринять действия, которые носят явно враждебный характер в отношении Советского Союза» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 75). В одном из документов говорилось также о враждебных выпадах некоторых югославских дипломатов в адрес венгерского правительства: «Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что многие работники югославской миссии в Будапеште настроены резко антивенгерски, тем самым по существу не отражая в своей деятельности официальной линии своего правительства». Ответственность за трудности, возникающие в ходе нормализации, они всецело возлагают на венгерскую сторону, которая длительное время не решалась открыто признать допущенные ошибки.

²¹ С конца июня, после дискуссии о печати в Кружке Петёфи активизировались и выступления югославской прессы в поддержку венгерской оппозиции, против мер по борьбе с ней. В ответ на соответствующие упреки со стороны МИД Венгрии югославские дипломаты замечали, что оценки, фигурирующие в этих статьях, выражают мнение отдельных журналистов и не более того. Обо всем этом говорится в записке посольства СССР в Венгрии от 23 августа 1956 г. «О деятельности работников югославской миссии в Будапеште, мешающей нормализации венгеро-югославских отношений» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 74–81).

²² Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 211.

причинам), но и те его соратники, которые уже начали подумывать о его возможном устранении от власти в интересах спасения системы, довольно последовательно пытались через советское посольство настроить руководство СССР против Белграда. Речь идет о Э. Герё и И. Коваче, отчасти и о молодом премьер-министре А. Хегедюше, с которыми встречался и беседовал Андропов²³. Вероятно, догадываясь об аналогичных шагах, предпринимавшихся Тито и его окружением против руководства ВПТ, эти люди стремились перехватить инициативу там, где дело касалось формирования в их пользу мнения Кремля относительно причин, тормозящих развитие югославско-венгерских отношений²⁴. Эта задача была непростой, поскольку в свете решений XX съезда КПСС и особенно курса СССР на сближение с Югославией в Москве не могли не прислушиваться к позиции СКЮ. Даже такой противник далеко идущих системных реформ, как Ворошилов, призывал М. Ракоши, как мы помним, к сближению с Белградом.

При всех оговорках стратегия на примирение с Белградом оставалась в Будапеште в силе, тем более что об этом венгерским лидерам постоянно напоминали из Москвы. Неспособность Ракоши реализовать эту новую линию учитывалась теми, кому приходилось осторожно убеждать Москву в том, что сохранявшая силу однозначная ставка на прежнего лидера затрудняет решение венгерских внутриполитических проблем. Так, премьер-министр А. Хегедюш²⁵ в беседе с Ю. В. Андроповым 19 июня выражал сожаление, что даже в дни пребывания Тито в СССР Ракоши продолжает выискивать в сближении с Югославией только лишь негативные стороны²⁶. Не только Хегедюш, но и другие члены венгерского руководства понимали, что в силу популярности среди многих политически активных граждан Венгрии югославской модели социализма последовательный курс на улучшение отношений с ФНРЮ и СКЮ должен способствовать повышению авторитета руководства ВПТ в собственной стране. Как

²³ Там же. С. 143–147.

²⁴ Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года. С. 238.

²⁵ Андраш Хегедюш – в 1951–1956 гг. член политбюро ЦР ВПТ, в 1951–1953 гг. секретарь ЦР ВПТ. С апреля 1955 по 24 октября 1956 г. председатель Совета министров, с 24 по 27 октября 1956 г. первый заместитель председателя Совета министров ВНР.

²⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 89–92.

справедливо отмечается в литературе²⁷, после ожидавшегося в обозримом будущем ухода Ракоши его преемникам предстояло решить две непростые и трудно совместимые задачи — ликвидировать не нужную напряженность в отношениях с южной соседкой и в то же время по возможности нейтрализовать югославское влияние на собственную оппозицию.

Обстоятельства отставки Ракоши подробно изучены в литературе — работах Л. Я. Гибианского, А. С. Стыкалина, а также венгерских историков, таких как З. Рипп, Й. Киш, И. Вида и др. Рассмотрев на своем заседании 12 июля телеграмму Андропова от 9 июля и прийдя к выводу о чрезвычайной сложности обстановки в Венгрии, Президиум ЦК КПСС срочно командировал в Будапешт А. И. Микояна, которому, судя по записи заседания, была дана установка «облегчить положение Ракоши»²⁸. Однако действия Микояна в ходе его миссии в Венгрию (с 13 по 21 июля) заставляют сделать предположение, что он обладал «свободой рук» в решении проблемы Ракоши и должен был, разобравшись в обстановке, на месте определить, в какой мере интересы сохранения советского влияния в Венгрии требуют пойти на уступку силам, добивавшимся удаления этого полностью обанкротившегося политика. На пленуме ЦР ВПТ (18–21 июля), проходившем с участием А. И. Микояна, Ракоши был отстранен, уступив место столь же непопулярному в венгерском обществе Э. Герё. Решения пленума стали «последним клапаном», так и не предотвратив нарастания в стране глубокого внутриполитического кризиса.

Как известно, в частности, из работ Л. Я. Гибианского²⁹, отставка М. Ракоши была непосредственно связана с советско-югославскими отношениями. 13 июля 1956 г., в тот же день, когда Микоян прибыл в Будапешт, Хрущёв вел беседы с югославским послом в Москве В. Мичуновичем³⁰. Если верить неоднократно публиковавшимся

²⁷ Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года. С. 239.

²⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 149.

²⁹ См.: Гибианский Л. Я. Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 года в контексте хрущевской оттепели, межнациональных и межблоковых отношений /Отв. ред. А. С. Стыкалин. М.; СПб., 2018. С. 62–91.

³⁰ Велько Мичунович (1916–1983) — с 1953 г. заместитель государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ, в 1956–1958 гг. посол Югославии в СССР.

записям Мичуновича, которые не могут считаться вполне аутентичным источником (он, очевидно, вносил изменения в текст при подготовке своих записей 1950-х гг. к печати в 1970-е гг.³¹), Хрущёв в ходе бесед намекнул на возможность внешнего силового давления на Венгрию. Можно только предполагать, что он имел в виду. Нам представляется, что руководитель КПСС хотел дать понять югославскому послу, что всецело контролирует ситуацию в Венгрии и не допустит ни каких-либо серьезных антипартийных вылазок в этой стране (вроде познаньских событий в Польше), ни чрезмерного югославского вмешательства в дела страны-союзницы СССР там, где дело касается руководства ВПТ. Не за Белградом, а за Москвой (очевидно, хотел сказать Хрущёв) остается решающее слово и в деле Ракоши: достоин он или не достоин стоять во главе венгерской партии. Не ясно, намекнул ли Хрущёв Мичуновичу на то, что и в Кремле к этому времени уже все более склонялись к мнению, что первого секретаря ЦР ВПТ целесообразно заменить. При этом оставалась, разумеется, в силе прежняя установка СССР добиваться улучшения венгерско-югославских отношений. В тот же день, 13 июля, из Москвы было направлено во все столицы союзных стран «народной демократии» информационное письмо об итогах поездки Тито в СССР, где довольно критически говорилось о стремлении югославов «навязать» другим партиям свою линию, свои представления о социализме³². Решающей причиной отказа Москвы от поддержки Ракоши явилось, как нам представляется, отнюдь не желание угодить Тито в условиях, когда, несмотря на все трудности, сохраняла актуальность задача дальнейшего советско-югославского сближения. Важнее было другое: неспособность Ракоши обеспечить стабильность в Венгрии и проводить на целом ряде направлений (включая среди прочих и югославское) линию, отвечавшую интересам Москвы. Явно не сумевший адаптироваться к новым условиям Ракоши потерял доверие не только в Венгрии, но и в Москве. Это вызвало в конце концов его отставку. Между тем, западные комментаторы не уставали подчеркивать в связи с уходом

Оставил известные мемуары в форме дневниковых записей, отражающих его дипломатическую работу в Москве.

³¹ Mićunović V. Moskovske godine 1956–1958. Zagreb, 1977.

³² Стыкалин А. С. Советско-югославские отношения и внутриполитическая ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // Spoljna Politika Jugoslavije 1950–1961. Zbornik radova/ Urednik. S. Selinić. Beograd, 2008. С. 139–167.

Ракоши роль югославского фактора. Из опубликованных скучных сообщений советской прессы всему миру было очевидно, что посетивший в середине июля Венгрию с неформальным недельным визитом Микоян дал от имени Москвы добро на отставку первого секретаря этой партии. Независимо от того, что за этим реально стояло, западные наблюдатели, комментируя факт отставки М. Ракоши, увидели в нем прежде всего уступку Москвы лидерам СКЮ. О том, что «маршал Тито должен быть доволен» решением, принятым в Будапеште, писала, например, австрийская газета «Die Presse»³³. Появившаяся в СМИ информация о том, что Микоян, покинув Венгрию, заехал в Югославию, давала пищу для новых предположений относительно якобы имевшего место советско-югославскогоговора в деле отставки Ракоши и даже об очередном успехе «сильного человека на Балканах» в его отношениях с Кремлем.

18 июля 1956 г. Эрнё Герё, еще недавно ближайший соратник Ракоши, отвечавший в начале 1950-х гг. за экономическую политику и несший большую долю ответственности за перегибы с форсированием индустриализации, был избран первым секретарем ЦР ВПТ. Однако замена не удовлетворила не только венгерское общественное мнение, но и лидеров Югославии, поскольку означала сохранение власти в Венгрии в руках прежней команды. Позиция подконтрольной, как и в любом коммунистическом государстве, прессы не могла не отражать мнение правительства. С одной стороны, югославская пресса, которая функционировала в тех же рамках дозволенного, не скрывала своего (а значит, и своего правительства) удовлетворения по поводу отставки Ракоши. С другой стороны, она считала это событие всего лишь первым шагом. «После смены М. Ракоши господствует оптимистическое оживление. Устранено одно серьезное препятствие, однако это еще не все», — писала газета «Политика» 20 июля. Можно сделать предположение, что в ходе состоявшейся на следующий день, 21 июля, беседы с Тито Микоян не обошел стороной вопрос о том, что слишком активная поддержка югославской прессой венгерской внутрипартийной оппозиции расходится с ви-дами Москвы, рассчитывавшей, что обновленное руководство ВПТ

³³ А газета «New York Gerald tribune», в свою очередь, готова была признать, что «назначение Э. Герё преемником Ракоши станет переходным моментом, только временным разрешением вопроса» (Стыкалин А. С. Советско-югославские отношения и внутриполитическая ситуация в Венгрии. С. 159).

сумеет принять действенные меры по ослаблению внутриполитической напряженности. Как бы то ни было, более чем сдержанное отношение югославских газет к избранию Герё проявилось сразу довольно отчетливо. Как отмечалось в записке посольства СССР в Венгрии, «по всем данным они (югославы) хотели бы видеть на этом посту т. Кадара. На это довольно прозрачно намекала во время Пленума и югославская печать»³⁴. Советское посольство, комментируя происходившее, отмечало, что отклики югославской прессы на последние внутриполитические события в Венгрии «вылились в газетную кампанию с вмешательством во внутренние дела Венгрии», причем эта кампания «имела целью поощрение и подбадривание венгерских оппозиционеров в их выступлениях против руководства ВПТ»³⁵, что, разумеется, в корне противоречило линии КПСС. Газета «Республика» даже вдавалась в прогнозы, выдвигая в номере от 7 августа предположение, что замена Ракоши на Герё только приведет к углублению кризиса власти и в результате сложится ситуация, когда взять контроль над партией в свои руки попробуют сторонники Имре Надя. В свою очередь и главная газета Югославии «Борба» 23 августа отмечала, что логика дальнейшего развития в Венгрии должна привести к полному оправданию курса Надя, объявленного в 1955 г. «правоуклонистским».

Между тем, Герё, каким бы ни было мнение югославской прессы о нем, став новым лидером Венгрии, предпринял некоторые усилия в интересах дальнейшей нормализации югославско-венгерских отношений. Уже на июльском пленуме он заявил о своем желании улучшить отношения двух стран³⁶. 19-м июля было датировано письмо

³⁴ Цит. по: Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года. С. 241. И позже, в августе, югославская пресса комментировала положение в Венгрии как непрочное, демонстрируя при этом к личности Герё по меньшей мере довольно сдержанное отношение. Было очевидно, что лидеры СКЮ предпочитали видеть во главе ВПТ Кадара или З. Санто. Кстати сказать, они не скрывали этого и от Микояна, который после пребывания в Югославии сообщил об этом Герё по телефону (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 74–81).

³⁵ Там же. Л. 71–72.

³⁶ Надо сказать, что югославская газета «Республика» в номере от 24 июля отреагировала на эту самокритичную речь Герё довольно позитивно. Из нее следовало, что ухудшение отношений двух стран произошло прежде всего по венгерской вине. Однако его выступление не очень понравилось советским дипломатам, показалось им чрезмерно заискивающим по тону. В августе они доносили в Москву о том, что Герё

Герё в адрес Тито с предложением организовать встречу³⁷. Более того, в итоговую резолюцию пленума ЦР ВПТ от 21 июля было включено следующее положение: «Считаем, что мы, ВПТ, должны начать переговоры с СКЮ для того, чтобы установить более тесные и дружественные отношения с ними»³⁸.

Советские дипломаты после июльского пленума были настроены довольно оптимистично относительно перспектив венгерско-югославского сближения. Так, в записке посольства СССР от 23 августа отмечалось: «Есть основания полагать, что решения июльского пленума ЦР ВПТ приведут к значительному улучшению отношений между двумя странами»³⁹. Однако и после пленума прежняя тактика поддержки югославской дипломатией венгерской внутрипартийной оппозиции оставалась в силе, а потому сохранялась и определенная напряженность в официальных двусторонних отношениях. Совершенно очевидно, что, видя в Герё некую переходную фигуру, Тито не склонен был слишком форсировать процесс сближения, считая, что внутриполитическая ситуация в Венгрии дает надежды на приход к власти более приемлемых для Югославии партнеров. Принимая 21 июля Микояна, югославский лидер не проявил совершенно никакого энтузиазма по поводу замены Ракоши на Герё, имя которого ассоциировалось если не с судебным произволом (как в случае с Ракоши), то с провалами волюнтаристской экономической политики начала 1950-х гг., индустриальной гигантоманией и т. д. Кроме того, в Югославии даже и теперь, после отставки Ракоши, не считали полностью закрытым дело Л. Райка. Произошедшей еще весной 1956 г. его полной юридической реабилитацией, как и освобождением Ракоши со своего поста, в Белграде, очевидно, не могли удовлетвориться, ожидая раскрытия всей правды о деле Райка, а значит, привлечения Ракоши к ответственности за содеянное. В ЦР ВПТ же считали, что вопрос фактически решен с исключением из партии на июльском пленуме бывшего министра обороны и члена узкого руководства страны М. Фаркаша, одного из близких сподручных Ракоши, действительно несшего свою долю ответственности за фабрикацию дела Райка.

и его окружение потеряли всякое чувство меры в стремлении сблизиться с Югославией (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 38а. П. 211. Д. 1. Л. 24).

³⁷ MNL OL. 276. F. 52/35.б.е.

³⁸ Ibid.

³⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 68–69.

Фаркаш пытался выступить на пленуме с изложением своей версии событий, связанных с делом Райка, однако многоопытный мэтр межпартийной дипломатии А. И. Микоян в ходе их закрытой встречи попросил его не делать этого. Он откровенно предложил бывшему члену политбюро смириться с ролью «козла отпущения» во имя сохранения стабильности в партии и во избежание еще больших неприятностей для него самого. Не только советский эмиссар, но еще более члены венгерского руководства опасались, что Фаркаш расскажет с трибуны пленума слишком много о причастности не только Ракоши, но и других представителей венгерской коммунистической элиты к делу Райка, что может привести к выходу ситуации из-под контроля — венгерское общественное мнение будет требовать обнародования полной правды, а югославы поставят вопрос об аресте Ракоши и его привлечении к уголовной ответственности в качестве условия дальнейшего сближения с Венгрией. Выступление Фаркаша удалось предотвратить, дело в известном смысле смогли «спустить на тормозах», все ограничилось «тихим» исключением его из партии за незаконные действия и публикацией в прессе соответствующего сообщения комиссии ЦР ВПТ. Лишь позже, в первой половине октября, под сильным давлением снизу, на фоне многотысячной демонстрации при перезахоронении останков Райка, его арестовали. Тот факт, что дело ограничилось возложением всей ответственности на Фаркаша, не мог удовлетворить Белград, где с полным на то основанием считали не Фаркаша, а именно Ракоши главным организатором процесса Райка, самой масштабной антиюгославской акции в рамках советского блока, и жаждали, чтобы и он не избежал наказания⁴⁰.

Утвержденное на партийном пленуме 19 июля письмо ЦР ВПТ в ЦК СКЮ с предложением о более тесных межпартийных контактах было вручено венгерским посланником в Белграде Ш. Тито 21 июля 1956 г. При встрече с Куримски Тито демонстрировал свое положительное отношение к предложениям, сформулированным в письме ЦР ВПТ. Он обещал дать ответ в течение ближайших дней⁴¹. Однако

⁴⁰ Подробно о деле Фаркаша в контексте происходившей в Венгрии внутриполитической борьбы см.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. С. 43–44, 49, 54–55, 59, 83.

⁴¹ A magyar-jugoszláv kapcsokatok 1956: az állami- és pártkapcsolatok rendezése, az októberi fekélés, a Nagy Imre-csoport sorsa. Dokumentumok / Szerk. J. Kiss, Z. Ripp, I. Vida. Budapest, 1995. 75, 100–102. old.

письмо оставалось без ответа без малого два месяца, вплоть до 11 сентября. Форсировать установление дружеских отношений с малоприятным ему Герё Тито явно не хотел. Вообще сам факт его избрания, очевидно, расценивался в Белграде как продолжение прежней привычной практики Кремля ставить на руководящие посты в странах советской сферы влияния своих доверенных людей, исходя исключительно из собственных интересов и мало считаясь с волей народов этих стран.

В ожидании ответа в ЦР ВПТ 9 августа обсуждались шаги, которые можно было бы сделать навстречу югославам в интересах стабилизации и активизации двусторонних отношений. Было принято решение о прекращении поддержки и финансирования местной организации эмигрантов-коминформовцев (в СССР это было сделано еще осенью 1954 г.)⁴². 15 августа Э. Герё дал интервью хорватской газете «Vešenik». Он попытался обойти стороной дело Райка, но самокритично признался, что считает важной причиной ухудшения югославско-венгерских отношений ошибочную политику, долгие годы проводившуюся венгерским правительством в отношении своих югославянских нацменьшинств⁴³.

В венгерском обществе сильное югославское влияние вновь дало о себе знать уже в августе 1956 г., когда группа реформаторски настроенных коммунистических интеллектуалов во главе с известным журналистом Г. Лошонци, прошедшим через репрессии, обратилась в ЦР ВПТ с просьбой разрешить восстановление венгерско-югославского общества культурных связей, существовавшего до 1948 г. В качестве руководителя намечался его прежний председатель журналист Ш. Харасти, после 1948 г. проведший несколько лет в тюремных застенках, в том числе год — в камере смертников. Несмотря на время отпусков оживился и обмен делегациями между Югославией и Венгрией на уровне различных общественных организаций, и это свидетельствовало о том, что инициатива сверху иногда сочеталась со встречным движением снизу. Так, состоялся визит делегации

⁴² MNL OL. 276. F. 53/298.б.е.// ио. F. 98/140.б.е.

⁴³ В качестве одного из жестов, направленных на снятие наслоений в отношениях с югославами, газета «Szabad Nép» еще 15 июля выступила со статьей, в которой довольно критически оценила политику ВПТ применительно к югославянскому меньшинству (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 39. Л. 74–81). См. также: A magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. 110–113. old.

югославских профсоюзов в Венгрию, а венгерская делегация приняла участие в торжествах по случаю 500-летия победы венгров и южных славян над турками под Белградом, активизировались связи между пограничными областями. Однако запланированный обмен парламентскими делегациями в августе 1956 г. не состоялся, ибо югославы хотели, чтобы сначала «с поклоном» приехали венгры.

С другой стороны, югославские дипломаты по-прежнему поддерживали связи с венгерскими оппозиционерами, вели пропаганду в пользу югославской модели, выступали с критикой экономической политики ВПТ, в том числе аграрной. Югославская пресса открыто требовала восстановить справедливость в отношении И. Надя, показательна в этом смысле статья в газете «Борба» от 23 августа под названием «Реабилитация». Однако методы критики своего руководства, которые практиковала в Венгрии внутрипартийная оппозиция, югославские партфункционеры и дипломаты не считали приемлемыми для Югославии. Так, вскоре после дискуссии о печати в Кружке Петёфи, 2 июля, первый секретарь югославской миссии в Будапеште М. Георгиевич говорил советскому дипломату, что в отличие от Венгрии в Югославии никто открыто не выступает против линии партии. И это было правдой, о чем свидетельствуют преследования М. Джиласа. В Венгрии же, по его мнению, это стало возможным прежде всего вследствие серьезных ошибок, допущенных партийным руководством⁴⁴.

Итак, спустя почти два месяца после получения письма из Будапешта, в ответном письме от 11 сентября 1956 г. Тито согласился с целесообразностью проведения встречи на высшем уровне. Он предложил провести такую встречу во второй половине октября или ноябре, не указав конкретной даты и предполагаемого места ее проведения⁴⁵. 14 сентября член политбюро ЦР ВПТ И. Ковач в новом письме предложил уточнить эти вопросы. Вероятно, в Белграде еще и в это время считали не до конца разрешенной проблему югославских нацменьшинств, обеспечения их прав на полноценное национальное развитие. Она была названа в числе проблем, подлежащих обсуждению и решению, в докладе госсекретариата по иностранным делам ФНРЮ, датированном 9 октября 1956 г., когда была уже точно

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 9. Л. 112–114.

⁴⁵ AJ. F.837.KPR. I-1/713. L. 3.

назначена дата встречи⁴⁶. Кроме того, Тито был недоволен тем, что еще не была доведена до конца реабилитация тех венгерских югославян, которые были осуждены по делу Райка и другим судебным делам, носившим антиюгославский характер.

Руководству СССР, заинтересованному в полной нормализации и активизации отношений своих сателлитов (в том числе Венгрии) с Югославией, пришлось взять на себя посредническую миссию, инициировав неформальную встречу Тито и Герё. Еще 30 августа посол Ю. В. Андропов направил в МИД СССР и ЦК КПСС аналитическую записку. В ней он отметил, что югославская пресса, как и ранее, до июльского пленума, поддерживает венгерскую оппозицию, но лидеры ВПТ ничего не предпринимают, поскольку боятся сорвать процесс улучшения отношений с Югославией⁴⁷. Решение проблемы виделось на путях установления более тесных непосредственных контактов руководителей двух стран. При этом посол подчеркнул важность советской помощи в деле организации встречи венгров с югославами.

Герё, проводивший в сентябре отпуск в СССР, встретился с Тито, также отдыхавшим в Крыму по приглашению Хрущёва, 30 сентября. На этой встрече они договорились о поездке венгерской партийно-правительственной делегации в Белград 15 октября. Речь могла идти только о приезде венгров в Югославию, ведь в Будапеште прекрасно понимали, что Тито ни за что не поедет первым в страну, лидеры которой усерднее других участвовали в его травле. Еще до этого, 28 сентября, на пленуме ЦР ВПТ обсуждался вопрос о полной реабилитации и перезахоронении Л. Райка — этого все активнее требовали снизу в условиях общественного подъема, охватившего Венгрию. Так, 17 сентября об этом много говорилось на съезде венгерских писателей, вызвавшем огромный общественный резонанс. 1 октября посланник ФНРЮ Д. Солдатич был принят членом политбюро ЦР ВПТ И. Ковачем. Он официально сообщил о согласии ЦК СКЮ с предложением ВПТ об организации встречи в Белграде⁴⁸. В субботу 6 октября в Будапеште на Керепешском кладбище состоялось торжественное перезахоронение казненных в октябре 1949 г. Л. Райка,

⁴⁶ Ibid. I-3-a/72-3.

⁴⁷ А „Jelcin-dosszie”: Szovjet dokumentumok 1956-ról / Szek. É. Gál, B. A. Hegedüs, G. Litván, M. J. Rainer. Budapest, 1993. 31–41.old.

⁴⁸ A magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. 120. old.

Т. Сёни, А. Салаи. Собралось более 100 тыс. человек. Власти не только разрешили эту акцию, но даже рассыпали разнорядки на заводы, чтобы на нее в организованном порядке были посланы рабочие (возможно, они тем самым хотели снизить удельный вес молодой, радикально настроенной интеллигенции во всем этом действии). Разрешив эту акцию, власти хотели создать более благоприятный фон для предстоящей поездки Герё в Белград. Но настроения в бурлившем венгерском обществе были таковы, что все эти разнорядки оказались совершенно излишними и стали предметом анекдотов: людей пришло в 20–30 раз больше, чем планировалось в ЦК. Ведь требование полной реабилитации и торжественного перезахоронения Л. Райка было одним из главных, с которым выступала крепнувшая с каждым днем и поддержанная снизу оппозиция, жаждавшая далеко идущих демократических преобразований.

15 октября с Восточного вокзала Будапешта отправился в Белград экспресс с венгерской делегацией и вечером того же дня прибыл в югославскую столицу. Накануне Имре Надь был восстановлен в партии, и об этом утром сообщили в газетах. Хотя Надю никогда не вменялись в вину проюгославские симпатии, преследования лидера внутрипартийной оппозиции, настаивавшего на проведении Венгрией более самостоятельной внешней политики, очень не нравились Тито и его окружению, И. Надь воспринимался ими как потенциальный венгерский партнер. Герё, встречаясь 12 октября с Андроповым⁴⁹, очень нервничал. Он знал о желании Надя вернуться во власть со своей реформаторской программой, знал и о его растущей популярности в обществе, о том, что Надь воспринимается крепнущей оппозицией как харизматический лидер. Жесткий коммунистический ортодокс Герё был откровенен, не скрывая от собеседника своего скептицизма по поводу югославской модели: если Надь окажется у руля страны, говорил он послу, Венгрия будет еще в меньшей степени походить на социалистическое государство, чем это имеет место в Югославии. Но задача полного примирения с соседней страной, пусть даже там стояли у власти, по мнению Герё, люди ревизионистских и националистических убеждений, по-прежнему была актуальна, и Герё должен

⁴⁹ См. телеграмму Андропова в МИД СССР о беседе с Э. Герё о резком ухудшении общественно-политической обстановки в Венгрии (Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 300–306).

был ехать в Белград (как в Каноссу), где принес в присутствии маршала Тито публичные извинения за проведение в Венгрии в прошлом антиюгославской кампании. И подчеркнул важность дальнейшего сотрудничества своей страны с Югославией. 22 октября между Белградом и Будапештом была подписана декларация, ознаменовавшая собой восстановление дружеских отношений.

Когда на следующий день, во вторник 23 октября, ближе к вечеру, экспресс с венгерской партийно-правительственной делегацией прибыл на Восточный вокзал Будапешта, город уже вовсю бурлил, многотысячные демонстрации шли через Дунай, скандируя требования об уходе Советской Армии из Венгрии, аресте Ракоши, проведении свободных выборов. Первоначальной целью демонстрации было выражение солидарности с польскими борцами за обновление социализма, подвергвшимся сильному прессингу из Москвы (Хрущёв, прибывший в Варшаву 19 октября, пытался воспрепятствовать возращению В. Гомулки во власть). Югославия воспринималась венгерской оппозицией как потенциальный союзник. «С Югославией и Польшей наша сила втрое больше», — выкрикивала толпа, за которой внимательно наблюдали и югославские дипломаты, желавшие более независимой внешней политики Венгрии, но отнюдь не падения власти коммунистов в соседней стране⁵⁰. В этот день венгерско-югославские отношения вступили в новый этап своего развития.

⁵⁰ Позже, в ноябре 1956 г. — начале января 1957 г., в донесениях посольства СССР в Югославии много говорилось о положении и событиях в Венгрии. (См., например: АВП РФ. Ф. 144. Оп. 18. П. 42. Д. 14. Л. 7–8; Д. 15. Л. 1–15). Говорилось и о том, как югославская пресса вполне положительно поначалу оценивала развернувшиеся события. Например, в журнале «Наша стварност» (№ 11–12) была опубликована статья члена ЦК СКЮ П. Перовича. Как отмечалось в дипломатическом донесении, П. Перович «видит выход из создавшегося положения в Венгрии в переходе Венгрии на югославский путь социалистического развития» (АВП РФ. Ф. 144. Оп. 18. П. 45. Д. 14. Л. 4).

А.Б. Едемский

Эволюция подходов советского руководства к югославской модели самоуправления (1950-е– начало 1960-х гг.)

Из доступных архивных документов известно, что для информирования высшего советского руководства по «югославскому вопросу», весьма болезненно воспринимавшемуся И. В. Сталиным, действовала четко отлаженная система. В конце июня – начале июля 1950 г. все новости о введении в Югославии рабочего самоуправления передавались корреспондентом ТАСС в Белграде в специальный Вестник иностранной служебной информации ТАСС (серия «Особые закрытые письма» (ОЗП) под грифом «Сов. секретно»). Пользователями этой информации являлся крайне узкий круг лиц – члены Политбюро ЦК ВКП(б) и несколько высокопоставленных чиновников и экспертов. Сообщения и комментарии югославской печати о принятии нового закона об управлении предприятиями характеризовались в материалах «ОЗП» как антисоветские¹. К настоящему времени исследователям неизвестны какие-либо серьезные аналитические советские документы, в которых произошедшие в Югославии изменения получили бы объективную оценку. Одним из первых публичных критических материалов стала редакционная статья журнала «Славян» издания Славянского комитета СССР с характерным названием «Новый шаг по пути реставрации капитализма в Югославии». Среди причин введения системы рабочих советов на предприятиях было названо стремление «титовцев» заставить рабочих «работать с еще большей нагрузкой», а также использовать их «для борьбы против саботажа со стороны рабочих, не желающих отдавать свой

¹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Д. 513. Л. 273–274.

труд белградским фашистским главарям и их империалистическим хозяевам»².

Как известно, уже в первые месяцы после смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. в советско-югославских отношениях произошли некоторые позитивные изменения: стороны нормализовали контакты на государственно-дипломатическом уровне, договорившись о возвращении в столицы послов, была прекращена практика публикации статей и публичных высказываний с резко отрицательными взаимными характеристиками, а из советских материалов исчезли такие определения, как «фашистский режим банды Тито», «кровавая клика Тито – Ранковича» и им подобные. Определенным знаком перемен стало и согласованное в аппарате ЦК КПСС решение издательства «Советский писатель» отказаться от нового издания (как намечалось по плану на 1953 г.) книги Ореста Мальцева «Югославская трагедия»³. Вместе с тем взаимные представления политических элит обеих стран сохранялись на прежнем конфликтном уровне. Они прочно укоренились за пять лет суровой полемики и не были существенным образом изменены.

Из доступных к настоящему времени документов, содержащих характеристики внутриполитической системы Югославии, исследователям по-прежнему известна лишь подготовленная 28 октября 1953 г. в посольстве СССР в Югославии информационно-аналитическая справка «“Рабочие советы” на предприятиях Югославии»⁴. Автор документа второй секретарь посольства А. А. Ханов отнесся с иронией к самому термину «рабочие советы», приводя его в кавычках и демонстрируя тем самым, что термин не отражает его содержания. Весь материал был изложен в стилистике того времени и обосновывал заключительный вывод: «рабочие советы» — «псевдо-социалистическая ширма, за которой «титовцы закрепляют реставрацию капиталистических отношений в стране»; с их помощью «путем псевдодемократических лозунгов проводится систематический обман отсталой, малосознательной части трудящихся, а также систематическое развращение рабочих путем создания иллюзий возможностей улучшения материального положения трудящихся в рамках

² Славяне. 1950. № 8. С. 35.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 439. Л. 160–162.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12в. П. 73. Д. 608. Л. 6–17.

сложившихся в стране капиталистических отношений». Автор подчеркивал, что «откровенно антирабочий характер титовских "рабочих советов" убеждает рабочий класс Югославии в лживости титовской пропаганды о якобы социалистическом рабочем характере этих "советов"». Вместе с тем, хотя отдельные фразы документа, хотел того автор или нет, указывали на прочность югославской концепции в ФНРЮ («дискредитация этих "советов" в настоящее время еще не является полной»), заключение дышало оптимизмом: «Уже сейчас можно сказать, что эти "советы" далеко не пользуются тем влиянием, на которое рассчитывали титовцы, и с каждым днем это влияние становится все менее ощутимым»⁵.

Живучесть негативных характеристик югославского режима подтвердил еще один документ, подготовленный в самом конце года в аппарате МИД СССР, авторы которого уверяли, что «титовская Югославия, порвав с СССР и странами народной демократии, встала на путь реставрации капитализма в стране».

Предвзятое отношение к Югославии не изменилось даже после того, как в начале 1954 г. прогремело «дело» М. Джиласа. Негативное отношение к югославской системе вновь проявилось и в комиссии по югославскому вопросу, созданной Президиумом ЦК КПСС в начале февраля 1954 г. В пакете материалов, авторами которых стали М. А. Суслов, В. А. Зорин и В. В. Кузнецов (переданы в Президиум ЦК 25 февраля 1954 г.), имелся проект постановления с крайне жесткой оценкой ситуации в стране: «Югославия за последние годы полностью скатилась на путь капиталистического развития и буржуазной диктатуры». Сам этот тезис раскрывался однозначно: «Изменив делу социализма, правители Югославии насаждают в стране капиталистические порядки — передают промышленность и торговлю в руки югославской и иностранной буржуазии, ликвидировали в деревне производственную кооперацию и укрепляют позиции кулачества, поставили рабочий класс и трудящееся крестьянство в условия капиталистической эксплуатации. Наряду с предоставлением широкой свободы частнокапиталистическим элементам в югославской экономике происходит внедрение государственного капитализма в ключевые отрасли народного хозяйства». Не менее резко

⁵ Подробнее см.: Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 176–177.

характеризовалась и внешняя политика ФНРЮ. «Все это подтверждает тот факт, — указывали авторы, — что нынешняя Югославия является капиталистическим государством, и ее политика, как внутренняя, так и внешняя, является буржуазной политикой, прикрывающейся, однако, “социалистической” фразеологией с целью дезинформации и обмана народных масс»⁶.

Существенных изменений указанных оценок не произошло и в ходе дальнейшей работы комиссии в течение весны 1954 г., несмотря на произведенную в ней замену В. В. Кузнецова на П. Н. Поспелова.

В целом отношение к югославской модели было сформулировано в известном постановлении Президиума ЦК КПСС от 31 мая 1954 г.: «Факты, относящиеся к политическому и экономическому положению Югославии, показывают, что правящие круги Югославии после разрыва с СССР пошли на сближение с США и Англией, заключили военно-политическое соглашение с Турцией и Грецией и сделали ряд серьезных уступок капитализму во внутренней политике, что ведет к реставрации капитализма, особенно в связи с возрастающей экономической зависимостью Югославии от США»⁷.

Несмотря на столь жесткие оценки, подготовленное (и одобренное тем же постановлением Президиума ЦК КПСС) письмо адресовалось, как и прежде, «товарищу Тито». Более того, прорабатывался вариант «встречи представителя ЦК КПСС с Тито»,⁸ и сам первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев был уже тогда готов лететь в Белград, получив с этой целью 4 июня 1954 г. заграничный паспорт⁹.

Начало переписки двух ЦК обусловило появление более мягких оценок. Существенным событием стало постановление Президиума ЦК КПСС в связи со вторым изданием учебника «Исторический

⁶ Подробнее см.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. С.196–200.

⁷ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1946–1964 / Гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М., 2014. С. 579.

⁸ Там же. С.586–587.

⁹ См. представленную на виртуальной выставке «Хрущев. 120 лет со дня рождения» визу, выданную Хрущёву для въезда в Югославию как обладателю паспорта, полученного 5 июня 1954 г. Электронный ресурс. URL: <http://liders.rusarchives.ru/hruschev/category/razdel/na-mezhdunarodnoi-arene/primirenie-s-yugoslaviei.html>(дата обращения: 22.09.2019). Однако данный факт, по нашему мнению, нуждается в дополнительной проверке, например, соответствующими телеграммами посольства ФНРЮ в Москве в Белград, о которых пока исследователям не известно.

материализм» под редакцией Ф. В. Константинова, в котором сохранины были оценки югославского режима периода конфликта. Суровые меры против всех участников авторского коллектива показали, что наступили новые времена.

Советские представители внимательно фиксировали всю информацию, почерпнутую из бесед с югославами, будь то высокопоставленный собеседник посла СССР в ФНРЮ В. А. Валькова, или молодой югославский писатель, член ЦК СК Сербии Д. Чосич, приехавший в Москву для участия в работе Второго съезда советских писателей во второй половине декабря 1954 г. В отчете, представленном в СП СССР, а затем — в ЦК КПСС, сопровождавшей делегацию консультант СП СССР Ю. М. Литvakова (Ида Радвolina) уделила специальное внимание высказываниям Чосича о самоуправлении и социалистической конкуренции предприятий в Югославии, возможности их банкротства, а также о работе партийных руководителей в парламентских структурах¹⁰. Советское руководство охотно использовало все доступные каналы информации о Югославии, включая и аналитические записки вновь открывшегося в Белграде корпункта ТАСС. Одним из первых обобщающих материалов, подготовленных на основе информации журналистов корпункта, стал пространный закрытый аналитический обзор ТАСС «К внутреннему положению в Югославии. По данным югославской печати». 10 декабря 1954 г. он был направлен П. Н. Поспелову¹¹.

После того как югославское руководство (в письме от 16 ноября 1954 г.) дало принципиальное согласие на советское предложение о встрече на высшем уровне, любая информация о югославской системе организации экономики и управления вызывала особый интерес в Москве. Первым серьезным очным обменом мнениями, в том числе и по вопросам внутреннего развития Югославии, стали неофициальные беседы советских лидеров с руководителем югославской торговой делегации М. Тодоровичем и послом в Москве Д. Видичем 27 и 31 декабря 1954 г. То обстоятельство, что оба собеседника имели высокий политический ранг (Тодорович — член Исполнительного комитета ЦК СКЮ, а Видич — член ЦК, нередко получавший как посол прямые указания из Секретариата Президента Республики),

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 342. Л. 32–33.

¹¹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Д. 513. Л. 117–136.

придавало большой вес высказываниям югославов. Тодорович, в частности, высоко оценивал введение в Югославии системы рабочих советов («нанесли главный удар бюрократизму») и развитие самоуправления. Как сообщал Тодорович в Белград о беседе 31 декабря, его слова о том, что с введением рабочих советов Югославия ушла дальше СССР «в развитии системы социалистических отношений», советские собеседники «восприняли с трудом, наступила тишина, затем взаимные вопросы, удивление...от слов "дальше Советского Союза", наконец повторение тезиса о различии путей». У югославской стороны сложилось впечатление о, в целом, благожелательной советской реакции на разъяснения Тодоровича, когда собеседники «все вместе пришли к выводу <...> что проблему надо изучить, что наша (югославская. — А.Е.) система не представляет препятствия для дальнейшего сближения». Вместе с тем от внимания югославов не укрылась и реакция В. М. Молотова на вопрос Тодоровича о том, что советские руководители думают о рабочих советах. Молотов заметил, что «если бы они в СССР ввели рабочее самоуправление, то все закончилось бы крахом и Советский Союз бы распался». Остальные присутствовавшие дружно ответили, что они этот вопрос «не обсуждали»¹².

Участившиеся советско-югославские контакты и сложные вопросы, обсуждаемые при встречах, заставляли советских экспертов использовать любую достоверную информацию о югославском внутреннем устройстве. Так, в начале января 1955 г. в Международный отдел ЦК КПСС была передана программа политической подготовки и воспитания сержантского состава югославской армии на 1954/1955 учебный год (с тезисами и литературой). Среди разделов программы были и такие: «Управление промышленными предприятиями непосредственными производителями»; «Наше социалистическое хозяйство», «Общественный план на 1955 год», «Трудовые отношения и система оплаты в ФНРЮ», «Сельскохозяйственные товарищества и их перспективы после реорганизации» и др.¹³

К весне 1955 г. новый советский взгляд на внутреннее устройство Югославии был обобщен в пространной записке «К характеристике общественного и государственного строя современной Югославии».

¹² Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Документы и материалы / Ред. А. Н. Артизов и др. Новосибирск, 2010. С. 599, 601–602.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 342. Л. 2–10.

С учетом негативного опыта работы комиссии Президиума ЦК по югославском вопросу подготовка этого документа в феврале—мае 1955 г. была поручена специальной комиссии в составе главного редактора журнала «Коммунист» И. А. Дорошева, главного редактора журнала «Вопросы философии» М. Д. Каммари, заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарёва, главного редактора газеты «Правда» Д. Т. Шепилова. Под их руководством над запиской трудились партийные функционеры, склонные к идеологическим конструктам, и ученые-обществоведы, охотно выполнявшие подобные задания. Работа была закончена 12 мая 1955 г., после чего подготовленный материал был передан высшему советскому руководству. Одно то, что в авторском коллективе не было Ф. В. Константинова — автора и редактора жестких антиюгославских формулировок, о чем говорилось выше, достаточно ярко характеризовало обстановку, в которой шла работа над документом. Тщательное изучение материала позволило авторам подробно обосновать выводы, среди которых был главный: «По экономической структуре, а также по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа. Основные средства производства и государственная власть не находятся в руках эксплуататорских классов. В Югославии продолжают сохраняться основы общественного строя, характерного для переходного периода от капитализма к социализму — многоукладность экономики при наличии общественной собственности на основные средства производства». Однако наряду с этим были выявлены некоторые черты, позволяющие сохранить негативный образ югославской модели. (Отказ от централизованного управления народным хозяйством и единого планирования, передача в руки коллективов предприятий права на управление и распоряжение ими, введение рыночных связей внутри обобществленного сектора, фактический отказ от производственного кооперирования крестьянства и опора на «крепкого середняка» (т.е. фактически кулака) «объективно ведут к подрыву общественной собственности на средства производства, к развязыванию мелкобуржуазной стихии в стране и усилению элементов капитализма»). Было указано на изоляцию Югославии, отрыв ее от «лагеря социализма». Подчеркивалось, что «нынешняя политика Югославии вырабатывается не коммунистической партией как руководящей силой государства, а узкой группой лидеров, руководствующихся в своей деятельности электнической

идеологией, включающей элементы марксизма, анархо-синдикализма и социал-демократизма». Авторы отметили, что югославская политика «вырабатывалась во многом как противовес опыту строительства социализма в Советском Союзе и странах народной демократии и носила ярко выраженную антисоветскую направленность», что «многие мероприятия в Югославии проводились, исходя из желания установить более тесные связи с западными странами и приспособиться к взглядам правосоциалистических партий». В докладе было также отражено советское понимание особенностей развития Югославии, руководители которой, по мнению авторов, «пытаются использовать противоречия между лагерем социализма и лагерем империализма в целях упрочения своего положения и обоснования "особого пути" Югославии к социализму».

Итоговые формулировки записки, более похожие на идеологические заклинания, нежели на непредвзятое научное объективное рассмотрение основных сегментов югославской системы и ее особенностей, отразили политический запрос советского руководства, заинтересованного в активизации связей с Югославией. Беспристрастный анализ действующей в стране общественно-экономической системы отошел на второй план. Авторы с оптимизмом отметили: «Характер экономического и государственного строя Югославии, соотношение классов внутри страны (когда основными классами являются рабочий класс, владеющий общественными средствами производства, и трудовое крестьянство, освобожденное от эксплуатации крупными землевладельцами), революционные, патриотические традиции этих классов и трудовой интеллигенции, а также сохранившиеся глубокие симпатии народов Югославии к народам Советского Союза, при условии установления дружественных связей с лагерем социализма, создают объективные возможности для преодоления тенденции к реставрации капитализма и усилию тенденций развития страны по пути к социализму»¹⁴.

Последующий обмен мнениями на заседаниях Президиума ЦК КПСС, происходил очевидно с учетом знакомства его участников с запиской. Обращают на себя внимание проявившиеся различия в оценках внутреннего положения Югославии. В частности,

¹⁴ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958 гг. / Отв. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 60–65.

А. И. Микоян считал необходимым «отменить неправильные выражения в решениях Коминформа. Поручить подготовить компартиям предложения об отмене неправильных оценок».

Иную точку зрения выразил В. М. Молотов: «В 1948 году югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический. Югославы пытаются ослабить наш лагерь». Замечание А. И. Микояна перекликалось с текстом записи: «Капиталистический класс не восстановили. Кулака ограничили. Отход есть больше идеологический, контроля США в Югославии нет». Г. М. Маленков высказался в том же духе, фактически поддержав Микояна: «Еще надо доказывать будет в ходе дискуссии то, что она (Югославия) отошла от стран народной демократии. Довольно крепко сказано»¹⁵.

Переговоры советской и югославской делегаций в Югославии и поездки по стране в конце мая — начале июня 1955 г. позволили советской делегации детальнее ознакомиться с югославской действительностью и взглядами Й. Броз Тито и его окружения. Внесенные в Белградскую декларацию принципы взаимодействия СССР и Югославии ограничивали и затрудняли возможности негативно-критического обсуждения внутреннего устройства Югославии. В подписанным документе, помимо прочего, был закреплен принцип взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела любого характера — экономического, политического или идеологического — «поскольку вопросы внутреннего устройства, различия общественных систем и различия конкретных форм развития социализма являются исключительно делом народов отдельных стран». Этой же цели служил и седьмой пункт документа о поддержке сотрудничества общественных организаций двух стран посредством осуществления контактов, обмена социалистическим опытом и свободного обмена мнениями»¹⁶.

Уместно предположить, что именно в результате визита советской делегации в мае–июне 1955 г., под влиянием интереса гостей к югославским реалиям Тито стал уделять особое внимание сравнению внутреннего устройства Югославии и СССР. Тито подробно охарактеризовал ряд элементов югославской модели (так ее не называя)

¹⁵ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Отв. ред. А. А. Фурсенко. М., 2004. С.42–43.

¹⁶ Советско-югославские отношения 1945–1956. С. 662, 664.

16 октября 1955 г. во время приема в честь делегации Верховного Совета СССР Югославский лидер затронул вопросы организации сельского хозяйства, отметил сложности в рабочем самоуправлении и его выявившиеся на практике недостатки (рабочие ошибочно считают себя хозяевами-собственниками и готовы даже продать предприятие с целью извлечения дохода и т. п.)¹⁷.

Состояние советско-югославских отношений и характеристика внутреннего развития Югославии были предметом самого пристального внимания советской стороны в начале 1956 г. Свидетельство тому — ряд серьезных аналитических документов экспертов «югославского направления» советской внешней политики. Среди них личная записка посла СССР в Белграде Н. П. Фирюбина (начало января), материалы, подготовленные в Комитете информации, и др. Наиболее известность из материалов того времени получила записка А. А. Громыко, М. А. Суслова и Б. Н. Пономарёва «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией». Именно она получила широкое хождение среди партийных и государственных лидеров, приехавших в Москву на совещание руководителей европейских стран соцлагеря, и в высшей советской управленческой элите. Авторы, обращая внимание на «позицию югославских товарищ в вопросе о строительстве социализма», указали: «Можно было понять, когда в годы разрыва с нами они постоянно подчеркивали только различия в формах строительства социализма и замалчивали то общее, что должно быть у всех социалистических стран». Однако «до сих пор этот тезис о различиях выставляется в Югославии на первый план и по-прежнему избегается говорить о сходстве путей социалистического строительства в разных странах в основном: "югославский путь" все еще выставляется как принципиально отличный от пути СССР и других стран социалистического лагеря»¹⁸.

Советская сторона, зафиксировав в рабочих аналитических документах югославское стремление представить развитие страны как «особый путь» (пока не сформулировав его как «югославскую модель»), не спешила с критикой. При подготовке к переговорам во время визита Тито в СССР в июне 1956 г. положение об «особом пути»

¹⁷ Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 708–709.

¹⁸ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958. С. 183.

не было включено в «Директивы советской делегации». Попытка Молотова вернуться к обсуждению особой позиции Тито накануне визита послужила поводом для критического разбора стиля руководства министра иностранных дел и завершилась его заменой на посту главы МИД Д. Т. Шепиловым как раз в день начала визита.

Совершенно не случайно, что идея «особого пути» Югославии в конечном итоге была зафиксирована в Московской декларации. В ней (пункт 3) было указано, что «обе стороны придерживаются той точки зрения, что пути социалистического развития в различных странах и условиях различны, что богатство форм развития социализма способствует его усилению и, исходя из того факта, что и та, и другая сторона чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития, — согласились в том, что вышеуказанное сотрудничество должно основываться на полной добровольности и равноправии, дружественной критике, товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между нашими партиями»¹⁹.

Следует отметить, что зафиксированные в двусторонних советско-югославских декларациях 1955–1956 гг. принципы для советской стороны не были пустыми словами. Начиная с лета 1956 г. советские дипломаты все чаще отмечали югославское стремление пропагандировать «свой путь» с учетом кризисной ситуации, сложившейся в Польше и Венгрии. Этим особенно отличалось посольство СССР в Венгрии под руководством Ю. В. Андропова.

Вместе с тем осенью 1956 г. в Москве был отмечен подлинный интерес к югославскому опыту развития и внутреннему устройству ФНРЮ. В начале октября Москва обратилась к югославской стороне с просьбой порекомендовать книгу о государственном и общественном устройстве ФНРЮ для перевода на русский язык и издания в СССР значительным тиражом²⁰. Вскоре в Москве при непосредственном участии сотрудников МИД СССР в издательстве «Иностранная литература» большим тиражом был выпущен объемный (800 страниц) сборник «Конституция и основные законодательные акты ФНРЮ». Необходимо отметить, что его выходу не помешала развернувшаяся со второй половины ноября 1956 г. полемика в связи

¹⁹ Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 792.

²⁰ AJ. F.507. IX/IV-95. Iz Moskve smo obavešteni 3.X.1956.

с публикацией выступления Тито в Пуле, а затем достаточно резкая критика выступления в Скупщине ФНРЮ Э. Карделя в начале декабря. В отличие от прошлых лет, упомянутая речь Карделя была подробно изложена в теоретическом журнале КПСС «Коммунист». Но ее публикацию сопровождала полемическая статья главного редактора журнала А. М. Румянцева с характерным названием «Социалистическая действительность и “теории” тов. Карделя». Не известная ранее подобная практика публикаций продемонстрировала, что советская сторона отказалась от огульных критических оценок югославского опыта развития, решила изменить акценты в критическом негативном подходе.

Противоречия сторон по вопросу о разных моделях развития сохранялись в довольно острой форме и в дальнейшем. Так, бурную реакцию вызвала в Москве запись публичной лекции, прочитанной членом ЦК СКЮ, директором Института рабочего движения П. Перовичем 14 января 1957 г. в рабочем университете Белграда. Тема лекции — «Некоторые проблемы социализма на современном этапе»²¹. Из секретариата Н. С. Патоличева запись была разослана членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС. Советский посол был вынужден обратить внимание югославского руководства на выступление Перовича, назвав его антисоветским.

Все указанное выше происходило на фоне закрытой переписки Тито — Хрущёв (3 декабря 1956 г. и 10 января 1957 г.) и довольно резкого обмена нотами по поводу судьбы Имре Надя, скрывавшегося в миссии ФНРЮ в Будапеште. Ситуацию осложняли и политические маневры с участием китайского руководства вокруг общей встречи руководителей коммунистических и рабочих партий стран, входивших в советский блок, и при участии югославской делегации. Встреча поначалу намечалась на весну 1957 г., но затем была перенесена на ноябрь. Однако и в этой довольно напряженной ситуации советская сторона не позволила себе резких нападок на «югославский путь», а наоборот, держала оборону в связи с прозвучавшим из уст Тито обвинением (в речи в Пуле), что именно советское внутреннее устройство породило сталинизм. Фактически это и стало главной причиной обиды Москвы и лично Хрущёва. Вместе с тем его позиция была по-прежнему двойственной. Советский лидер лишь

²¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 42. П. 177. Д. 27 Л. 1–8.

ограничился жесткими характеристиками в отношении Тито. Они прозвучали на пленуме ЦК КПСС 16 февраля 1957 г. (Данное заседание, занесенное в рабочие стенограммы пленума²², не было опубликовано в официальной стенограмме, вышедшей, как обычно, под грифом «совершенно секретно»).

Вместе с тем в экспертных оценках советского МИД и посольства СССР в Белграде, далеких от личных расчетов Хрущёва, внутреннее устройство Югославии характеризовалось резко негативно. На создавшуюся двойственность положения указал посол Н. П. Фирюбин в политписьме от 26 марта 1957 г. заведующему V Европейским отделом МИД СССР И. К. Замчевскому. Ссылаясь на ранее написанный годовой политотчет, он утверждал: «Наши отношения с Югославией в настоящий момент имеют чрезвычайно сложный характер. Это объясняется, с одной стороны, необходимостью вести самую энергичную принципиальную борьбу против оппортунистических и ревизионистских взглядов югославского руководства и его попыток опорочить советскую социалистическую систему, навязать свой путь странам народной демократии и, таким образом, расколоть социалистический лагерь, а с другой стороны, необходимостью поддерживать нормальные отношения с Югославией, чтобы не допустить превращения ее во враждебное нам государство». Фирюбин считал необходимым учитывать, что «любой наш шаг, направленный на разоблачение ревизионистских и оппортунистических взглядов югославского руководства, наше стремление сохранять и поддерживать нормальные отношения с Югославией югославы пытаются исказить и использовать прежде всего в своих собственных интересах»²³.

С весны 1957 г. в Советском Союзе проявилась новая волна интереса к югославскому опыту управления экономикой. Это было связано, прежде всего, с началом соответствующих преобразований в СССР. 16 марта в советском посольстве в Белграде была подготовлена пространная информационно-аналитическая справка «К вопросу о рабочем самоуправлении в Югославии». В ней весьма подробно был изложен взгляд югославского руководства на развитие самоуправления и его значение. Вместе с тем в части «выводы» авторы сохраняли прежний критический настрой. По их мнению,

²² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1 Д. 219. Л. 129–149.

²³ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 42. П. 176. Д. 13. Л. 8.

«лозунг рабочего самоуправления используется для противопоставления югославской практики опыта стран социалистического лагеря, в первую очередь опыта СССР. Югославские руководители не оставляют мысли о завоевании для Югославии положения лидера среди стран, строящих социализм. В этих целях они не останавливаются перед тем, чтобы демагогически использовать лозунг о рабочем самоуправлении»²⁴. О том, что тема самоуправления и рабочих советов стала одним из приоритетов в деятельности советского посольства, свидетельствовало и то, что его сотрудники, по согласованию с протокольным отделом Генерального секретариата иностранных дел (ГСИД) ФНРЮ, знакомились с работой югославских промышленных предприятий.

Рост интереса к теме был заметен и по увеличению количества информационных материалов о югославском «самоуправлении рабочих», о влиянии партийной и профсоюзной организаций на промышленных предприятиях Югославии и т. д. в центральном аппарате советских профсоюзов (ВЦСПС) в Москве, как получаемых из МИД СССР, так и подготовленных самостоятельно, в том числе на основе отчетов о поездках советских профсоюзных делегаций²⁵.

В июне 1957 г. советская профсоюзная делегация во главе с председателем ВЦСПС В. В. Гришиным приняла участие в работе Первого съезда рабочих советов Югославии²⁶. Сохранение и развитие обмена визитами профсоюзных делегаций способствовали и улучшению качества аналитических материалов посольства СССР в ФНРЮ (дипломаты часто выполняли роль переводчиков, сопровождая делегации).

Это подтверждает и подготовленный 6 августа документ посольства СССР об итогах Первого съезда рабочих советов. Показательно, что в нем без прежней беззастенчивой критики были расставлены новые акценты в характеристике югославской модели. В частности, отмечалось, что «идея рабочего самоуправления пользуется поддержкой рабочего класса Югославии, считающего, что путем совершенствования и улучшения деятельности рабочих советов можно разрешить имеющиеся трудности в экономике». При обсуждении

²⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 728 Л. 164–206.

²⁵ Там же. Д. 728. Л. 1–164

²⁶ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 730. Л. 268–272.

подготовленного документа на партсобрании в посольстве выступавшие отметили пройденный рабочими советами «значительный путь развития» — от совещательных органов до «главных органов управления предприятиями». Вместе с тем, как показывает практика, «в настоящее время под влиянием требований экономического развития происходит процесс усиления элементов централизма в руководстве экономикой и все большего ограничения сферы деятельности и прав рабочих советов». Съезд рабочих советов выявил «серьезные несовершенства системы рабочего самоуправления, значительное количество нерешенных вопросов в области народного хозяйства. Большинство этих недостатков является следствием политики децентрализации в области руководства народным хозяйством. В существующих рамках рабочего самоуправления, как это доказал семилетний опыт деятельности рабочих советов Югославии, они не могут успешно решать вопросы повышения производительности труда и особенно улучшения материального уровня трудящихся». Отметив эти две противоположные тенденции в югославской экономике, влияющие на развитие системы советов в Югославии, авторы справки подчеркнули, что «югославское руководство за последнее время в значительной степени усиливает централизацию в экономике, что неизбежно ведет к сужению круга деятельности рабочих советов». При этом было указано, что «ограничение прав рабочих советов находится в противоречии с постоянно повторяющимися заявлениями югославских руководителей о необходимости усиления их роли и самостоятельности» и что «эта двойственность позиции югославского руководства в отношении перспектив развития рабочих советов дает основание сделать вывод об отсутствии ясной перспективы у югославов в данном вопросе». Провальным в посольстве посчитали и международный эффект рабочего самоуправления в Югославии: «итоги деятельности рабочего самоуправления не показали преимущества югославской системы». В последнем пункте документа формулировалась задача советских наблюдателей в стране — внимательно изучать и анализировать «еще далеко не закончившийся процесс» развития рабочего самоуправления. «Какие тенденции станут в ней преобладающими — зависит от общего экономического и политического положения страны и от линии югославского руководства».

Сдержанность советской стороны в открытой критике внутреннего устройства Югославии в сочетании с разыгранным югославским

восторгом в связи с победой Хрущёва над его оппонентами в Президиуме ЦК КПСС в июне 1957 г. привела к проведению очередной двусторонней встречи на высшем уровне, состоявшейся в начале августа в Румынии. Отсутствие официальных протокольных записей встречи вынуждает опираться лишь на косвенные данные, что существенно затрудняет воссоздание хода переговоров²⁷. Так, в информационном письме ЦК КПСС от 27 августа 1957 г. о встрече двух делегаций кратко указывалось: «В связи с имевшимися прежде спорами во время встречи затрагивались также вопросы об обмене опытом социалистического строительства, о рабочих советах и об отношении югославских товарищей к советской социалистической системе». Стороны подтвердили необходимость «придерживаться Московской декларации, не допуская противопоставления опыта и методов социалистического строительства одних стран другим странам». Особо было оговорено и отношение к рабочим советам: «Обе делегации считают, что применение их и в югославских условиях является делом Союза коммунистов Югославии и югославских трудящихся <...> и что неправильно было бы утверждать, что рабочие советы являются универсальной формой участия рабочих в руководстве предприятиями»²⁸.

Отказ югославской делегации принять участие в узкой встрече высших партийно-правительственных делегаций стран «социалистического лагеря» предопределил и пренебрежительное отношение к югославской стороне в первые месяцы 1958 г., что ярко проявилось в ряде материалов из Белграда, включая и «ОЗП» корреспондента ТАСС. В дальнейшем ситуация лишь еще больше осложнилась в связи с противоречивыми событиями вокруг публикации проекта Программы СКЮ и будущим съездом югославских коммунистов, на котором предполагалось ее принятие. Проявленное советским руководством недовольство рядом теоретических положений проекта отразилось и на критическом отношении к изложенным в нем положениям о развитии Югославии. 8 апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление об ознакомлении высшей

²⁷ О самой встрече см.: Едемский А.Б. О фиксации договоренностей советско-югославской встречи в Румынии 1–2 августа 1957 г. // Международные отношения в XX веке. Сборник научных статей. / Под ред. В.Т. Юнгблюда. Киров, 2016. Вып. 5. С. 228–249.

²⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 1. 1946–1964 гг. С. 736.

советской партийной элиты с советской оценкой проекта Программы СКЮ. В приложении к этому решению был разослан материал «О проекте Программы Союза коммунистов Югославии (краткий обзор)», в котором имелся отдельный раздел «О “югославском пути” к социализму»²⁹. В этом разделе в концентрированной форме был отражен (на основе проекта Программы СКЮ) югославский взгляд на развитие страны. Давая ему оценку, советские эксперты указали: «Авторы проекта стремятся показать, что югославские формы и методы строительства социализма лучше всего разрешают все внутренние противоречия переходного периода». Было отмечено, что, «всЯчески подчеркивая своеобразие югославских форм перехода к социализму и преувеличивая значение исторических и национальных особенностей страны, проект Программы совершенно замалчивает основные, общие для всех стран закономерности перехода к социализму»³⁰. Вместе с тем и в переписке с ЦК СКЮ, и в открытой печати советское руководство, памятуя о соответствующих положениях подписанных ранее совместных деклараций в Белграде и Москве, воздержалось от резких критических оценок документа.

Уже летом 1958 г. антиюгославская критика в советских газетах и журналах была снижена. Обе стороны не считали необходимым накалять обстановку взаимными обвинениями. Так, в согласованных с Отделом ЦК КПСС (Ю. В. Андропов) директивах советской профсоюзной делегации, выезжавшей на IV съезд Союза профсоюзов Югославии (23–25 апреля 1959 г.), задачи делегации были ограничены исключительно пропагандой 7-летнего плана развития СССР, информацией «о все более расширяющихся правах профсоюзов СССР и об активном участии трудящихся в управлении производством на советских предприятиях». Эти же темы следовало поднимать и в публичных выступлениях и встречах в стране³¹. Советская делегация действовала строго в рамках предписанных директив, но обратила внимание, что в выступлениях представителей профсоюзных центров азиатских стран и Черной Африки звучала похвала в адрес Югославии за «собственный путь развития». При этом представители Индонезии, Либерии и Ганы заявили о большой пользе югославского

²⁹ Там же. С. 756–757.

³⁰ Там же. С. 757.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 230. Л. 33–34.

опыта для профсоюзов их стран и выразили восхищение успехами страны³².

Тактики ограничения любых возможных неконтролируемых дискуссий советская сторона придерживалась и в дальнейшем. 2 июня 1959 г. Ю.В. Андропов не согласился с предложением ВЦСПС «практиковать между СССР и Югославией обмен докладчиками по вопросам профсоюзной работы», считая, что «в настоящее время осуществлять этот обмен нецелесообразно»³³.

В начале 1960-х гг. происходит новая активизация советско-югославских контактов, вызвавшая необходимость более частого обсуждения ряда вопросов, представляющих взаимный интерес, в том числе и развитие Югославии и ее внутреннее устройство. Начало этому было положено в январе во время длительной неофициальной беседы Н.С. Хрущёва с председателем Центрального вече Союза профсоюзов Югославии С. Вукмановичем-Темпо. Еще в начале разговора, проходившего в довольно острой форме, после слов Вукмановича о том, что «...главным является то, что обе наши партии исходят из признания необходимости диктатуры пролетариата, власти трудящихся», Хрущёв поинтересовался, что его собеседник «считает югославской спецификой?» Ответ югослава был скорее примирительным: «Наша специфика — это рабочие советы, особенности развития югославской экономики и т. п. Но даже в этих специфических особенностях я вижу немало похожего на то, что делается в Советском Союзе». Выслушав мнение собеседника, Хрущёв, в свою очередь, выразил главную претензию к развитию Югославии: «Я не понимаю, как может социалистическая страна развивать свою экономику без единого общегосударственного плана», напомнив, что об этом он не раз говорил югославским руководителям³⁴. О примирительном настрое, которого придерживалась в это время югославская сторона, свидетельствовала и реакция Вукмановича на сделанное через несколько дней замечание В.В. Гришина о том, что «некоторые югославские профсоюзные работники используют всякий повод для того, чтобы пропагандировать свой "особый" путь социалистического строительства в Югославии и что это не полезно с точки зрения укрепления

³² Там же. Л. 57.

³³ Там же. Л. 61.

³⁴ Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 1. 1946–1964 гг. С.303–304.

профсоюзного единства». Вукманович согласился с этим замечанием и заявил, что они сейчас «ведут против этого борьбу»³⁵.

Прагматизм советской политики в отношении Югославии (решением Президиума ЦК КПСС, отраженным в протоколе № 287 от 23 июня 1960 г. были утверждены представленные МВТ СССР перечни советских и югославских товаров для взаимных поставок в 1961–1965 гг.³⁶) способствовал тому, что критика югославской специфики перестала выдвигаться на первый план как обязательная. Вместе с тем во время личных встреч на высшем уровне эта тема присутствовала в числе основных и непреложных, например осенью 1960 г. в Нью-Йорке во время встречи Хрущёва и Тито «на полях» Генеральной ассамблеи ООН. Вопрос о различиях на этот раз был затронут без особой остроты. Довольно сухая и лапидарная, в отличие от обычной практики, запись беседы, сделанная югославской стороной, свидетельствует о том, что именно Тито поставил вопрос о взаимных отношениях, охарактеризовав их состояние как «ненормальное», хотя для этого «нет серьезных причин и препятствий [их развитию]». «Мы, — продолжил Тито, — согласны по главным вопросам. Не исключено, что в скором будущем окажется, что нас разделяет меньше вопросов. Это естественно, и не нужно из этого создавать камень преткновения, как это все же делается на Востоке». Югославский лидер напомнил о необходимости «ухода от догматизма». «Применяя марксизм, — заметил он, — мы считаемся с условиями, и нас все же неверно называть ревизионистами. Мы стараемся пересмотреть то, что мешает правильному применению теории в соответствии с обстоятельствами». В ответ на это Хрущёв, напомнив, что «он еще не забыл речь товарища Тито в Пуле, которая стала началом нового конфликта», напомнил о принятой югославами Программе СКЮ, назвав ее «вторым фактором», осложнившим взаимные отношения. Вместе с тем, как свидетельствует краткая югославская запись, советский лидер не считал «внутреннее развитие <...> препятствием для [взаимных] отношений и соглашается с тем, что различия не следует преувеличивать», предупредив, впрочем, о планах подготовки новой партийной программы и необходимости «говорить и о югославском ревизионизме». Это вызвало ответную тираду Тито,

³⁵ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 10-а. Д. 474. Л. 91–92.

³⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 727. Л. 63–81.

подчеркнувшего желательность «избежать» такого «неоправданного» хода событий, так как советские руководители «хорошо знают, что в тяжелой ситуации Югославия была бы с ними. Что он не против критики и дискуссии, но нельзя и ненормально мириться с извращениями и вредными лживыми рассказами. Товарищ Тито говорит, что на советской стороне помнят только то, с чем не согласны, и, очевидно, забывают, где и сколько мы их поддерживаем и им помогаем». В записи беседы отмечено: «Товарищ Тито указывает на неоправданность критики Югославии с Востока, имея ввиду, по всей видимости, критику не столько Москвы, сколько Пекина»³⁷.

В скором времени, в ходе очередной активизации советско-югославских отношений в 1961–1962 гг., стороны значительно усилили взаимные контакты. Одной из предпосылок к этому стало и признание югославским руководством целого ряда недостатков в югославской хозяйственной и социальной практике, что было с удовлетворением принято в Москве.

³⁷ AJ. F.837. Kabinet Predsednika Republike (KPR), I-2 / 12: Zabeleška o razgovoru druga Tita sa Hrušćovom dana 28 [oktobra] 1960 godine.

На новом витке борьбы против югославского «ревизионизма». Реакция партийной печати социалистических стран Восточной Европы на решения VII съезда Союза коммунистов Югославии (1958 г.)

Роль Югославии в реалиях международной политики эпохи «холодной войны» до сих пор вызывает интерес исследователей как у нас в стране, так и за ее пределами¹. Не являются исключением и сюжеты, связанные с взаимоотношениями государств внутри социалистической системы, особенно ее восточноевропейской составляющей. В настоящей статье затрагивается один из них — речь идет о единодушной негативной реакции правящих кругов европейских стран социализма, отраженной в их центральной партийной печати, на решения VII съезда Союза коммунистов Югославии. Данная тема ранее уже нашла отражение в контексте внешнеполитических реалий 1950-х — начала 1960-х гг., в одной из публикаций российского историка А. С. Стыкалина применительно к советской прессе².

¹ См., например: Стыкалин А. С. СССР и Югославия: Зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. №3; Югославия в XX веке. Очерки политической истории /Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. Гл. 4–5 (авторы разделов: Л. Я. Гибианский и А. Б. Едемский); Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии. 1961–1968. М., 2015; Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006; Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961. Beograd, 2008; Bogetić D., Zivotić A. Jugoslavija i Arapsko-izraelski rat 1967. Beograd, 2010; Животић А. Југославија, Албанија и велике сице (1945–1961). Београд, 2011; The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict. /Ed. by Vojislav G. Pavlović. Belgrade, 2011; Dimić L. Jugoslavija i hladni rat: ogledi o spoljnoj politici Josipa Broza Tita (1944–1974). Beograd, 2014; и др.

² Стыкалин А. С. «Наша критика не должна выльяться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х гг. // Мир истории. Электронный журнал. 2015. № 1. Электронный ресурс. URL: <http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm> (дата обращения: 31.08.2019).

Работа форума югославских коммунистов проходила с 22 по 26 апреля 1958 г. в Любляне, и он стал важным событием в жизни титовской Югославии. Делегаты, представлявшие партийные организации всех югославских республик, единодушно подтвердили неизменность курса правящей партии в вопросах внутренней и внешней политики, базирующегося на постулатах, выработанных в своей основе в период советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.

У части югославского общества, как, впрочем, в Советском Союзе и других странах «лагеря социализма», некоторое время существовали иллюзии, что примирение СССР и ФНРЮ на межгосударственном уровне постепенно приведет к сближению и на межпартийном³. Особенно ярко они проявились в ходе поездки советской делегации с участием Н. С. Хрущёва, Н. А. Булганина и А. И. Микояна в Белград в конце мая – начале июня 1955 г. и осенью того же года в процессе неофициальных консультаций А. И. Микояна, состоявшихся во время его двухнедельного отпуска, проведенного на югославском курорте⁴. Позиции сторон удалось еще более сблизить, и были созданы благоприятные условия для ответного визита Й. Броз Тито и его ближайшего окружения в Советский Союз в июне следующего года⁵.

Реальность все же оказалась сложнее и противоречивее изначально задуманных планов. Более тесного сближения СССР и советского блока с Югославией во второй половине 1950-х гг. так и не произошло в силу ряда причин, из которых самыми важными нам представляются следующие:

³ О предыстории нормализации советско-югославских отношений подробнее см: Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; он же. Начальный период нормализации советско-югославских отношений (1953–1954 гг.) // Spoljna politika Jugoslavije. 1950–1961. Beograd, 2008; Едемский А. Б. Советско-югославские отношения. От конфликта к нормализации. 1953–1956. М., 2008 и др.

⁴ С того момента А. И. Микоян в глазах югославского руководства стал выглядеть как главный «лоббист» их интересов в советском руководстве, поскольку он, будучи по своей натуре реформатором, неформально интересовался югославской спецификой в строительстве социализма и достаточно часто убеждал Н. С. Хрущёва в правильности того, что практически осуществлялось в экономике и социальной политике ФНРЮ.

⁵ Материалы об этих поездках были опубликованы в Москве и Белграде (Југославија – СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководилаца Југославије и СССР. Т. 1. 1946–1964. Београд, 2014; Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1946–1964. М., 2014).

1. Югославское руководство еще в период конфликта 1948–1953 гг. почувствовало, насколько выгодно занимать дружественную по отношению к Западу позицию, умело «капитализируя» свой «антисталинизм» и не акцентируя при этом внимание своих западных партнеров на том, что в Югославии (в официальном названии которой слово «социализм» до 1963 г. не присутствовало) все же строится именно эта форма общественного устройства, пусть и без поддержки Москвы и ее союзников.

2. XX съезд КПСС и прозвучавшая на нем критика сталинских методов (в том числе на примере отношений с Югославией) объективно показали всему международному коммунистическому движению немалую правоту Тито и его сторонников в конфликте с Москвой, что создавало впечатление и своего рода моральной победы югославской стороны в этом остром споре. Роспуск в апреле 1956 г. Коминформа, ставшего важнейшим орудием мобилизации сторонников Москвы против политики Тито, лишь еще более усиливал в этом плане позиции югославов.

В тот период мировой общественности было мало известно о так называемом «югославском ГУЛАГе»⁶, а разнообразная негативная информация о титовской Югославии, регулярно публиковавшаяся в средствах массовой информации стран социализма, в силу своей тенденциозности и, зачастую, карикатурности, не вызывала большого доверия не только на Западе, но и в самом «социалистическом лагере»⁷. Многим в мире казалось, что такого рода слухи сознательно распространялись для дискредитации Тито и его окружения, тогда как на самом деле они имели мало общего с действительностью.

3. Принять сторону Москвы и «влиться» в «социалистический лагерь» для Тито означало признать, что югославско-советский

⁶ Наиболее полное исследование об этой печальной странице истории социалистической Югославии было опубликовано несколько лет назад в Словении (*Jezemik B. Goli otok – Titov gulag. Ljubljana, 2013*), а позднее вышла в русском переводе (См.: *Езерник Б. Югославский Гулаг / пер. со словенск. Ж. В. Перковской. М., 2018*).

⁷ Об официальных позициях по данному вопросу в странах советского блока до начавшегося примирения с Югославией см: *Аникеев А. С. Советско-югославский конфликт 1948 г. и борьба с титонизмом в странах народной демократии (по материалам российских архивов) // България в сферата на съветските интереси (българо-руски научни дискусии). София, 1998; Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб, 2017.*

конфликт в своей основе носил личностный, субъективный характер и что в основе его не лежали принципиальные разногласия по наиболее важным, существенным вопросам о путях дальнейшего продвижения к социализму. Сдача позиций неминуемо привела бы к падению популярности в народе правящей в ФНРЮ партийно-государственной верхушки, а этого в Белграде не могли допустить ни под каким видом. Вхождению в советский блок необходимо было искать некую внешнеполитическую альтернативу, и ее в Белграде нашли в создании Движения неприсоединения, начало которому в определенной степени было положено с проведением в апреле 1955 г. Бандунгской конференции. Лишь после этого в какой-то мере судьбоносного для югославской внешней политики события⁸ была окончательно согласована дата приезда советской правительственной делегации в Белград.

Летом 1956 г. Тито совместно с президентом Египта Г. А. Насером и премьер-министром Индии Д. Неру провели консультации по дальнейшим практическим шагам в целях создания Движения неприсоединения⁹, что не могло не насторожить советских лидеров. Посредством таких шагов Югославия, скорее всего, стремилась решить вопрос о превращении в «страну-буфер» между Западом и Востоком со всеми отсюда вытекавшими для нее в условиях «холодной войны» выгодами. Тито также не могла не настораживать советская акция по силовому подавлению осенью 1956 г. общенационального восстания в Венгрии и радикальная позиция (вплоть до угроз применить против западноевропейских держав ядерное оружие) в ходе Суэцкого кризиса. А. И. Микоян был единственным членом Президиума ЦК КПСС, кто выступил против силового решения венгерской проблемы, и даже в знак несогласия пригрозил отставкой. Тем не менее, он остался в руководстве, хотя его позиции при решении международных вопросов стали слабее. Это в полной мере относилось и к его влиянию на выработку позитивных подходов к теории и практике «югославского социализма». Показательно, что Хрущёв поручил именно Микояну 4 мая 1958 г. выступить на заседании Президиума

⁸ С Бандунгской конференцией вопрос о возможном вступлении Югославии в созданную 14 мая 1955 г. Организацию Варшавского Договора отпадал сам по себе.

⁹ Встреча трех лидеров состоялась в резиденции Тито на о. Бриони 19 июля, т. е. менее чем через месяц после его возвращения из СССР, где он находился с трехнедельным визитом.

ЦК КПСС с инициативой ограничения экономических связей с Югославией¹⁰.

В Белграде не могли не понимать, в какое сложное положение из-за их «упрямства» попал их «большой друг», поэтому персональных претензий к Микояну там старались не высказывать¹¹.

4. Хрущёва, как де-факто высшего должностного лица СССР¹², не могла не волновать проявлявшаяся во время визита Тито в СССР в июне 1956 г. откровенная к нему симпатия со стороны министра обороны Г. К. Жукова¹³. В октябре 1957 г. тот посетил с визитом Югославию и прислал в Москву восторженную информацию о ходе социалистического строительства в стране¹⁴.

Перспектива создания возможного альянса Тито – Жуков Хрущёва явно не могла радовать. Такого рода опасение вполне могло стать одним из дополнительных побудительных мотивов к ускорению принятия решения об освобождении популярного в народе маршала от занимаемых должностей и отправки его в отставку сразу после возвращения из Югославии.

¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2015. С. 324.

¹¹ Это касалось и более позднего периода, когда, явно не без давления Хрущёва, Микоян вынужден был выступить на XXII съезде КПСС с критикой «ревизионистской» программы СКЮ (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962. С. 458).

¹² 27 марта 1958 г. к своей должности первого секретаря ЦК КПСС он прибавил и пост председателя Совета министров СССР.

¹³ Назначен на должность министра 7 февраля 1955 г. В феврале 1956 г. был избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, а в июне 1957 г. стал его полноправным членом.

¹⁴ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 172–178. Г. К. Жуков в своих телеграммах в Москву выражал недовольство и тем обстоятельством, что в «Правде» о его поездке помещались лишь краткие отчеты, тогда как в югославской печати давались обширные материалы. Справедливость данного утверждения полностью подтверждается проведенным автором статьи изучением содержания газет «Борба» и «Политика» за октябрь 1957 г. В Архиве Югославии («Фонд Президента Республики») нами также обнаружен текст на русском языке закрытого постановления ЦК КПСС по делу Жукова. Скорее всего, оно было каким-то образом получено послом В. Мичуновичем и переправлено по дипломатическим каналам в Белград Архив Югославии. F. 837-I-5-b/99-6). Подробнее о роли Мичуповича в этих событиях см.: Едемский А. Б. Дважды во главе посольства Югославии в Москве: деятельность Велько Мичуновича в 1956–1958 гг. и 1969–1971 гг. // Славяне и Россия. Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / Отв. ред. С. И. Данченко. М., 2018. С. 339–360.

За 11 дней до отставки советского маршала на торжественном приеме в его честь. Тито, Йованка Броз и Г. К. Жуков. Любляна, 15 октября 1957 г.

Демонстративная политическая расправа над уважаемым маршалом, конечно, не могла понравиться югославскому лидеру, который вполне мог связывать будущее успешное развитие советско-югославских контактов именно с Жуковым как человеком более подходящим ему по менталитету и, возможно, менее ориентированным на сохранение некоторых «отживших свой век» идеологических догм (во всяком случае, касающихся Югославии и ее опыта). Да и сам факт отстранения должностного лица, только что побывавшего в зарубежном государстве и подписавшего там от имени своей страны официальные документы, в дипломатической практике не мог не рассматриваться как косвенное проявление неуважения к этому государству.

Еще одним ярким проявлением нежелания идти «в ногу», или даже «в одном строю», с другими странами социализма стало поведение югославского руководства в связи с событиями, вплетенными

в контекст празднования в Москве 40-летия Октябрьской революции. Программой мероприятий предполагалось проведение двух совещаний: коммунистических и рабочих партий всего мира и правящих партий стран, включенных в «лагерь социализма». Изгнанная фактически оттуда в 1948 г. компартия Югославии, преобразованная в 1952 г., в соответствии с новыми установками «титоизма», в Союз коммунистов (СКЮ), явно не проявляла желания в этот лагерь вернуться, однако для отказа Белграду были нужны веские идеологические обоснования. Сразу их выработать было сложно, но югославские коммунистические идеологи начали эту работу вскоре после XX съезда КПСС, давшего им в руки новые козыри в противостоянии «социалистическому лагерю» во главе с Советским Союзом.

Первым пробным камнем стала позиция руководства СКЮ в вопросе о приезде его представителей на московские совещания ноября 1957 г. С целью убедить югославов приехать в Москву и подписать все итоговые документы в Белград была специально направлена делегация КПСС во главе с Б. Н. Пономарёвым¹⁵ и Ю. В. Андроповым¹⁶. В результате была достигнута договоренность об ограниченном участии представителей СКЮ в совещаниях¹⁷. Тито в Москву не поехал, а отправил вместо себя главного партийного идеолога Э. Карделя и вице-председателя правительства А. Ранковича, получивших от ЦК СКЮ полномочия подписать лишь один документ Манифест мира¹⁸.

Таким образом, получалось, что СКЮ предпочитает находиться где-то «рядом» с другими коммунистическими партиями, но отнюдь не «вместе», как того хотели Хрущёв и другие советские руководители. Естественно, просто так пропустить такое « унижение» в Москве

¹⁵ Заведующий Международным отделом ЦК КПСС (по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран капитализма, а также с левыми партиями и организациями стран «третьего мира»).

¹⁶ Заведующий созданным незадолго до этого Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

¹⁷ Стыкалин А. С. Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 430–448.

¹⁸ В Декларацию совещания партийных лидеров стран, относящихся к «лагерю социализма», была включена пока еще не конкретизированная формулировка о том, что именно «ревизионизм» являлся в современных условиях главной опасностью для международного коммунистического и рабочего движения.

не могли и стали искать удобный повод для резкого ответного удара, и он не заставил себя долго ждать. В начале апреля 1958 г. из Белграда в Москву был отправлен, в качестве «жеста доброй воли», проект новой программы СКЮ.

По мнению Тито и Карделя, прежняя программа не отвечала новым реалиям югославской и международной действительности. Президиум ЦК КПСС, изучив текст программы, 5 апреля направил письмо в адрес ЦК СКЮ, в котором подверг жесткой критике этот документ, охарактеризовав его как «антисоветский» и входящий в противоречие с марксизмом-ленинизмом¹⁹. В Белграде вряд ли ожидали столь неадекватной реакции из Кремля, иначе повели бы себя более гибко.

Заход советской партийной пропаганды на югославских коммунистов был начат издалека, поскольку обвинить их хотели, ни много ни мало, в «ревизионизме». Конечно, подобного рода обвинения могли показаться совсем невинными в сравнении с тем, как именовали лидеров Югославии в 1948–1953 гг. («фашисты», «ренегаты», «преподаватели дела социализма», «наймиты американского империализма и мировой реакции» и т.д. и т.п.). Но в сложившихся реалиях сталинского варианта марксизма-ленинизма слово «ревизионист» имело крайне негативную нагрузку: маскирующийся под «своего» враг казался еще опаснее открытого врага.

В газете «Правда» 5 апреля 1958 г. появилась статья кандидата в члены Политбюро ЦК Французской компартии Р. Гароди под характерным названием «В борьбе против ревизионизма». Автор прямо заявлял, что речь идет об одной из «важнейших» задач международного коммунистического движения.

Через два дня в «Правде» была опубликована статья на такую же тему советского обществоведа Т. Т. Тимофеева — «Ревизионистский фарс и реальные факты», а 9 апреля — статья В. Ермакова «Против ревизии марксизма-ленинизма. По страницам итальянской коммунистической печати».

Формально все эти три публикации не были посвящены Югославии (о ней там не было даже нейтрального ими упоминания), однако

¹⁹ Подробнее см.: Вреск С. «Троянский копь» в социалистическом «лагере». Советский Союз и Югославия в 1957–1958 гг. // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2(16). С. 134.

был задан соответствующий идеологический вектор: современными ревизионистами являются отнюдь не лидеры КПСС (а после XX съезда и разгрома в 1957 г. «антипартийной группы» только ленивый не мог провести подобного рода аналогий), а «кто-то» другой.

Внимательный наблюдатель не мог не заметить двух заметок, появившихся на первых полосах «Правды» 6 и 20 апреля 1958 г. В первой сообщалось, что 15 апреля Н. С. Хрущёв принял посла ФНРЮ В. Мичуновича «по его просьбе и имел с ним беседу», а в другой — о том, что советский лидер принял 19 апреля посла КНР Лю Сяо и также «имел с ним беседу», но с добавлением одной важной фразы, в первом случае отсутствовавшей: она «протекала в духе дружбы и сердечности»²⁰. Те, кто умел читать между строк, начали ждать чего-то важного. Тем более что вскоре должен был начать свою работу VII съезд СКЮ, но ни одна правящая в странах социализма партия не изъявила желания послать туда свою делегацию. Такой отказ был вполне понятен применительно к предыдущему съезду 1952 г., переименовавшему КПЮ в СКЮ²¹, но теперь, когда было объявлено о нормализации отношений с Югославией, а тем более после длительного визита Тито в СССР — все это выглядело как демонстративный вызов.

Естественно, что работа VII съезда СКЮ весьма скромно освещалась на страницах советской прессы. В «Правде» 23 апреля появилась маленькая анонимная заметка, из которой следовало, что там присутствовали 1680 делегатов, открыл форум Й. Броз Тито, и что в первый день работы были утверждены повестка дня и главные докладчики: Й. Броз Тито, А. Ранкович, а по самому неоднозначному вопросу, о новой программе СКЮ, должен был выступить Э. Кардель.

²⁰ Подробнее о роли В. Мичуновича в происходивших событиях см.: Селиванов И.Н., Животич А., Гинзбург Ю.В. Международные отношения на Балканах в событиях и лицах. Курск, 2018. С. 111–113.

²¹ Это переименование в советской пропаганде представлялось в качестве желания поставить под сомнение руководящую роль коммунистической партии в жизни страны, именовавшей себя социалистической (происходила своего рода трансформация из «ордена меченосцев» в «дискуссионный клуб»). Уже в период нормализации двусторонних отношений, накануне визита югославской делегации в Москву летом 1956 г., в «Правде» была опубликована статья Э. Карделя, в которой он подтвердил, что СКЮ является в ФНРЮ «руководящей» силой. Подробнее см.: Селиванов И.Н. Беседа Э. Карделя с А.И. Микояном (июнь 1956 г.) о проблемах нормализации советско-югославских отношений в свете решений XX съезда КПСС // Славяноведение. 2016. № 5. С. 43–53.

Какие же «обиды» на лидеров югославских коммунистов были в первую очередь высказаны в партийной печати советского блока по итогам анализа их докладов на VII съезде СКЮ?

1. По поводу заявления Й. Броз Тито: «Социализм не может развиваться по одному шаблону», так как, по его убеждению, строительство социализма в каждой стране связано со специфическими условиями, в которых оно происходит.

2. Выдержка из доклада А. Ранковича: «братские» партии выступают против СКЮ только потому, что он защищает независимость ФНРЮ. С их стороны, по его мнению, «обнажается старое оружие Коминформа», опять происходит вмешательство во внутренние дела Югославии. «Мы не признаем ни за кем права определять, что в программе СКЮ является марксистским, а что немарксистским».

3. Тезис из доклада Э. Карделя о проекте новой Программы СКЮ: «Практика — судья правоты идеологических и теоретических доктрин... у марксистско-ленинских партий нет монополии на развитие общества к социализму»²².

Все вышеперечисленное могло восприниматься партийными публицистами в «лагере социализма» с подачи Москвы не иначе как покушение на «незыблемые основы» реального социализма. И это несмотря на то, что ни один из названных выше тезисов не противоречил основному содержанию Декларации Советского правительства от 30 октября 1956 г., предусматривавшей как раз возможность по-разному выстраивать вектор социалистического строительства в зависимости от конкретной специфики развития той или иной страны. Здесь налицо проявлялись пресловутые «двойные стандарты».

Читатели «Правды» из короткой заметки могли также узнать, что 24 апреля Кардель прочитал свой доклад о проекте новой программы СКЮ, но под ней, как бы для расширения их «кругозора», были напечатаны первые недоуменно-негативные отклики «прогрессивной мировой общественности» — от исполнкома компартии Великобритании, ЦК Румынской рабочей партии, а также редакций западноевропейских коммунистических газет: французской «Юманите» и итальянской «Унита».

²² Цит. по: Против современного ревизионизма [Текст]. Сборник переводов / Под ред. Г. С. Васецкого и А. П. Бутенко. М., 1958. С. 48.

Президиум ЦК КПСС 4 мая принял решение об отмене запланированного ранее визита в Белград председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова²³. После этого пошли статьи более серьезного характера, перепечатанные, как правило, из центральных партийных изданий стран социализма. Первой 5 мая появилась публикация из главного печатного органа китайской компартии «Жэньминь Жибао» под характерным названием «Современный ревизионизм должен быть осужден!» Затем, с определенной периодичностью, пошли публикации, представлявшие позиции КПСС и компартий европейских социалистических стран: 8 мая в «Правде» была опубликована перепечатка из чехословацкого еженедельника «Творба» о том, что взгляды югославского руководства «несовместимы с марксизмом-ленинизмом», на следующий день появилась критическая редакционная статья самой «Правды», 11 мая — перепечатка из главного партийного органа Албанской партии труда (АПТ) — «Зери и популлит», 14 мая — из «Нойес Дойчланд» (СЕПГ), 19 мая — из «Руде право» (Чехословакия), 21 мая — из «Трибуна Люду» (Польша), 22 мая — из «Работническо дело» (Болгария), 25 мая — из «Скынтайя» (Румыния)²⁴.

Следующий сигнал из Москвы был направлен в Белград в своеобразной форме. В «Правде» 26 мая появились поздравительные телеграммы К. Е. Ворошилова и Н. С. Хрущёва на имя И. Б. Тито, направленные по случаю его 66-го дня рождения. В первой югославский лидер именовался «товарищем», номинальный глава советского государства желал именинику «долгих лет жизни, счастья», а также «процветания дружественному югославскому народу».

В телеграмме Хрущёва отмечалось, что он лично «выражает надежду, что разногласия, существующие между СКЮ и КПСС и другими братскими партиями, которые не являются секретом, будут преодолены». По мнению советского партийного лидера, «преодоление разногласий способствовало бы сплочению народов наших стран, а также дальнейшему укреплению единства сил социализма, являющихся могучим оплотом мира во всем мире». Специально отмечалась дата отправки телеграмм — 24 мая. Было бы более чем двусмысленно,

²³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 323.

²⁴ Еще две критических статьи о положении в СКЮ появились в номерах главных теоретических журналов КПСС («Коммунист», № 6) и французской компартии («Кайе дю коммюнизм», № 5).

если бы эти телеграммы были опубликованы 25 мая (официальный день рождения Тито), поскольку в тот день там публиковалась первая часть большой критической статьи из «Скынтеий».

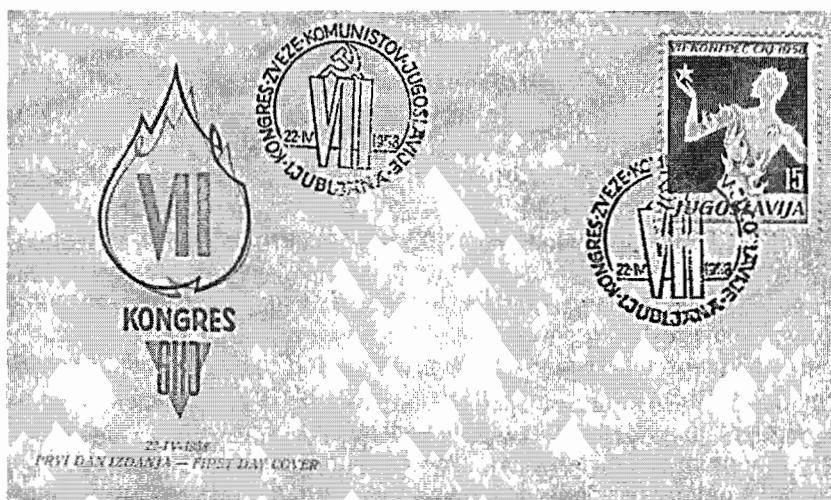
После этого наступила небольшая пауза. Скорее всего ожидалась реакция из Белграда, и она действительно поступила, хотя далеко не сразу и неизвестно, в какой степени могла удовлетворить Хрущёва²⁵. Как бы то ни было, критика «братскими партиями» курса Тито вскоре была продолжена в прежнем формате. Тон в продолжении критики задал сам Хрущёв, 2 июня обрушившийся на югославское руководство в своем выступлении в Софии на съезде Болгарской компартии²⁶. 11 и 12 июня «Правда» перепечатала следующие две части большой критической статьи из «Скынтеий», а 15 и 16 июня — чуть менее объемную статью из нового печатного органа венгерских коммунистов — «Непсабадшаг» (именно в эти дни в Будапеште был вынесен и приведен в исполнение смертный приговор по делу бывшего премьер-министра Имре Надя с обвинениями в заговоре осенью 1956 г. против народно-демократического строя).

После этого на прием к Хрущёву попросился посол В. Мичунович, который был им принят 19 июня. На следующий день короткая заметка о состоявшейся встрече (Мичуновича не назвали в ней «товарищем») появилась на второй полосе «Правды». Видимо, стороны не договорились, и критика югославского руководства не была прекращена.

Продолжили «идейный разгром ревизионистов» статьи из северокорейской «Нодон Синмун» и монгольской «Унэн», 30 июня

²⁵ Как правило, в таких случаях юбиляр отправлял ответную телеграмму с благодарностью за поздравления и она (или сообщение о получении) обычно публиковалась там же, где и поздравительное послание. В сложившейся обстановке сложно было представить, что Тито мог бы написать в ответ на поздравительную телеграмму Хрущёва, однако ответ появился, как и положено, на том же месте в номере за 31 мая (т.е. через 5 дней). Тито благодарил за поздравления, а также назвал Хрущёва и Ворошилова «товарищами», причем ключевая фраза была сформулирована (в телеграмме Хрущёву) следующим образом: «в борьбе за сохранение и упрочение мира во всем мире наши две страны имеют много общего и что развитием того, что нас сближает, мы легче всего преодолеем разногласия, существующие между нами, и тем будем способствовать интересам мира и социализма в мире» (можно предположить, что Тито по своему обыкновению сам падиктовал по-русски текст телеграммы, со всеми неизбежными стилистическими погрешностями).

²⁶ Правда. 1958. 3 VI. Подробнее см.: Вресек С. «Троянский копь» в социалистическом «лагере». С. 135.

Памятный конверт с гашеной маркой, выпущенной Почтой Югославии
в честь VII съезда СКЮ, апрель 1958 г.

в «Правде» появилась перепечатка из журнала «Хунци» статьи Ван Цзясяна²⁷ «Осуждение реакционной теории современных ревизионистов о государстве». В июньском номере журнала «Коммунист» также была опубликована статья одного из главных консультантов Мао Цзэдуна — профессора Чэнь Бода «Югославский ревизионизм — продукт политики империализма»²⁸. Затем появилась критическая статья в северовьетнамском партийном журнале²⁹. На этом

²⁷ «Хунци» — главный теоретический журнал КПК. Ван Цзясян — секретарь ЦК КПК.

²⁸ Можно предположить, что в данном случае не обошлось без консультаций посла СССР в КНР известного официозного советского философа академика П. Ф. Юдина, в свое время редактировавшего сочинения Мао Цзэдуна (по личной просьбе главы КПК). Юдин являлся шеф-редактором располагавшегося одно время в Белграде (1947–1948 гг.) главного печатного органа Коминформа — газеты «За прочный мир, за народную демократию!» — и сыграл немалую роль в дискредитации в глазах Сталина Тито и его ближайшего окружения. В своих воспоминаниях Н. С. Хрущёв особо отмечал: «Могу с большим основанием говорить, что там, где появится Юдин, у нас с любой страной возникнет конфликт» (Хрущёв Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 329).

²⁹ Во время официального визита президента ДРВ Хо Ши Миня в ФНРЮ в начале августа 1957 г. Тито и Кардель попытались его настроить против КПСС, но тот не поддался на уговоры и позднее сообщил о произошедшем советскому послу

активный этап критики «югославского ревизионизма» в партийной печати стран социализма завершился.

В настоящей статье мы ограничим анализ содержанием основных критических замечаний в статьях из центральных партийных печатных изданий европейских стран социализма. Обозначим круг этих стран. Без учета СССР в этот список мы включили Народную Республику Албания (НРА), Народную Республику Болгария (НРБ), Румынскую Народную Республику (РНР), Венгерскую Народную Республику (ВНР), Чехословацкую Республику (ЧСР), Польскую Народную Республику (ПНР). Каждое из этих государств входило в сферу советского геополитического влияния, и все они без исключения поддержали мнение руководства КПСС по «югославскому вопросу».

Если в период нахождения у власти И. В. Сталина об этих странах говорили как о государствах «народной демократии», то с середины 1950-х гг. все более устоявшимся стало понятие «лагерь социализма», куда, помимо перечисленных выше государств, включали Китайскую Народную Республику (КНР), Монгольскую Народную Республику (МНР,) Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР) и Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ). Они также в период советско-югославского разрыва 1948 г. полностью (некоторые после колебаний) приняли сторону СССР и выступали с обвинениями против Югославии. В 1958 г. все перечисленные азиатские страны также осудили югославских лидеров за «ревизионизм» и полностью поддержали линию КПСС в этом вопросе.

По нашим наблюдениям, это был последний случай, когда столь единодушно и солидарно против одного государства выступили все без исключения участники мировой социалистической системы.

Главными претензиями албанских коммунистических пропагандистов к руководству СКЮ стали: стремление подорвать «стальное единство» «социалистического лагеря» и международного коммунистического движения, доказать, что современный капитализм уже не тот, что был ранее; желание «либерализовать» диктатуру пролетариата; обвинение СССР в эксплуатации других народов, в гегемонии

в Ханое. — Бухаркин И.В. Кремль и Хо Ши Мин. 1945–1969 // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 135.

над ними; попытки возродить идеи «национального коммунизма», поставить на одну доску политику СССР и США и пр.³⁰

Восточногерманский партийный печатный орган словами члена своей редакции Г. Ганзена обвинил руководство СКЮ в том, что оно дало НАТО оружие для психологической войны, ведь их новая партийная программа служит делу борьбы против политики КПСС и других марксистско-ленинских партий. Руководители СКЮ, говорилось далее, видят причину международной напряженности в наличии двух блоков, заявляют, что постепенно происходит врастание капитализма в социализм, оспаривают руководящую роль марксистско-ленинских партий в борьбе за построение социалистического общества, рассчитывают на помощь со стороны США и т. д.³¹

В главном партийном печатном органе компартии Чехословакии 19 мая была перепечатана статья из журнала «Коммунист» советских обществоведов П. Н. Федосеева, И. П. Помелова и В. А. Чепракова с критикой «ревизионизма» в Югославии³² и было выражено «полное согласие» с ее содержанием. Было также заявлено, что в сталинский период не было «ничего плохого» во внешней политике СССР, а съезд СКЮ, оказывается, «не с классовых позиций» рассмотрел американский внешнеполитический курс, дав положительную оценку «плану Маршалла», он также выразил симпатии к «контрреволюции в Венгрии» и т. д.³³

Анонимный автор польской «Трибуна люду» все же оговорился, что ограничит свои претензии к руководству СКЮ исключительно внешнеполитическими вопросами, поскольку в оценках внутренних проблем «наиболее компетентны» сами югославские коммунисты³⁴. Чувствовалось, что пришедший осенью 1956 г. к власти на волне массового общественного движения В. Гомулка, обвиненный в свое время в «соглашательстве» с Тито и проведший несколько

³⁰ Правда. 1958. 11 V.

³¹ Там же. 1958. 14 V.

³² Вскоре издательство «Правда» опубликовало эту статью и передовую «Правды» от 9 мая 1958 г. отдельной брошюрой. См.: Федосеев П. Н., Помелов И. П., Чепраков В. А. О проекте программы Союза коммунистов Югославии: [Статья из журнала «Коммунист». № 6. 1958 г.]. В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий — залог дальнейших побед мировой социалистической системы: [Ред. статья газеты «Правда», 9 мая 1958 г.] М., 1958.

³³ Правда. 1958. 19 V.

³⁴ Там же. 1958. 21 V.

лет в заключении по ложным обвинениям, хотел таким образом пестраховаться на случай непредвиденного развития событий по линии Москва–Белград.

Болгарский партийный печатный орган главное внимание заострил на том обстоятельстве, что «капиталистическая реакция» в своей борьбе против мирового коммунистического движения и социалистических стран постоянно старалась использовать и до сих пор применяет ревизионизм в качестве «самого верного оружия», решения же VII съезда СКЮ — «своего рода кодекс современного ревизионизма», а программа югославских коммунистов «находится в полном противоречии с принципами марксизма-ленинизма». Кроме того, в статье были высказаны критические замечания по поводу югославской внешней политики, основанной на теории о противостоянии в мире двух блоков, ставящей на одну доску СССР и США. Во время венгерских событий 1956 г. лидеры СКЮ, как отмечалось далее, выступали на стороне «предателя Надя», дискредитировали Советский Союз и, вообще, сами хотели играть роль центра международного коммунистического движения. Общий вывод был весьма красноречив и не мог не насторожить югославов: **критика со стороны Информбюро 1948 г. «сохраняет свою силу и ныне»³⁵** (Выделено нами. — И. С.).

Главный орган Румынской рабочей партии в своей статье особое внимание уделил изначальной порочности как внешне-, так и внутриполитических постулатов, на которых базировалась югославская модель социализма. Причем, по утверждению авторов, истоки югославского ревизионизма восходили к 1943 г., ко временам Тегеранской конференции трех держав. Ведь, касаясь создания Ялтинско-Потсдамской системы, Тито заявлял, что в ее основе лежала «сила великих держав», а не принцип права всех народов самим определять свою судьбу. Далее констатировался ревизионизм положений партийной программы, который якобы был дополнительно усилен выступлениями на съезде, в результате чего «они приобрели еще более острый и резкий характер». Кроме того, югославскими лидерами были «огульно отвергнуты» критические замечания «братских партий» и в их отношении, особенно А. Ранковичем, были допущены «резкие и несправедливые нападки». Программа СКЮ, по мнению авторов, выступает против единства социалистических стран,

³⁵ Там же. 1958. 22 V.

игнорируется раскол мира на две противоборствующие системы. С идеологической точки зрения, как утверждалось в статье, программа СКЮ является ревизионистской платформой, которая отрицает огромный опыт мирового коммунистического движения, противоречит и противопоставляет себя идеологии и позициям коммунистических и рабочих партий³⁶.

Подбор критических замечаний не выглядел случайным хотя бы потому, что коммунистический лидер этой страны Г. Георгиу-Деж осенью 1949 г. в ходе третьего совещания Коминформа удостоился сомнительной чести выступить практически с главным докладом с говорящим само за себя названием — «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», по итогам обсуждения которого и была принята известная одноименная резолюция.

Анонимные венгерские пропагандисты «нового призыва» на страницах своего главного печатного органа обвинили югославское руководство в «самоизоляции» от других «братьских» партий, в нежелании обсуждать спорные проблемы, что проявилось, в частности, в их позиции в ходе Московского совещания 1957 г. По мнению «Непсабадшаг», правильная оценка югославской позиции была дана в статьях в «Правде» и журнале «Коммунист». Особо было отмечено то обстоятельство, что югославские руководители вначале получили от СССР экономическую помощь, а потом начали высказывать в его отношении свои «обиды»³⁷.

Побудительный мотив такой критики был очевиден: весьма двусмысленная позиция руководства Югославии в период венгерских событий лета–осени 1956 г., по мнению венгерских пропагандистов, логично вытекала из «ревизионистской» сущности лидеров СКЮ. На следующий день после публикации последней части этой статьи все в той же «Правде» было опубликовано сообщение Министерства юстиции ВНР о суде над И. Надем и его «сообщниками», и это обстоятельство не представляется случайным совпадением в силу того контекста, в который критики современного ревизионизма включали югославских лидеров, представляя их чуть ли не пособниками вскоре казненного венгерского реформатора.

³⁶ Правда. 1958. 12 VI.

³⁷ Там же. 1958. 15 VI. В реальности, с началом новой кампании критики югославского руководства советская сторона приостановила выполнение ряда заключенных экономических соглашений.

* * *

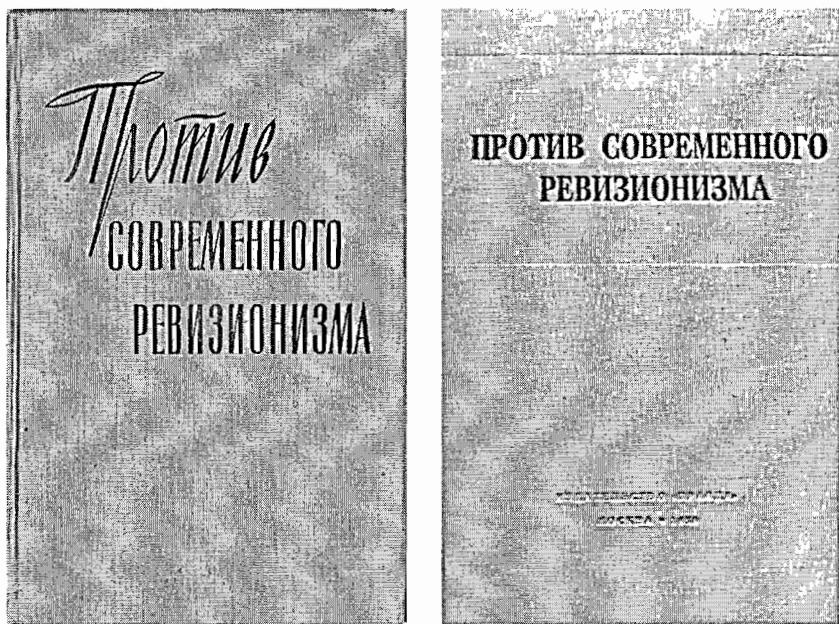
Несмотря на всю противоречивость и бесперспективность югославской модели социалистического строительства и неоднозначность восприятия Й. Броз Тито как его олицетворения³⁸, на наш взгляд, после XX съезда КПСС руководство КПСС и других правящих партий стран социализма не имели морального права в столь резкой форме огульно критиковать СКЮ и его лидеров, применяя в их отношении термин «ревизионисты». Ведь не меньшими «ревизионистами», строившими бесперспективные модели «реального социализма», были и они сами.

Такая кампания критики советским руководством линии СКЮ была организована на Старой площади не из-за желания сблюсти некую «чистоту» марксизма-ленинизма, а была призвана в очередной раз продемонстрировать «единство» стран социализма во главе с СССР. Так уже было в 1948–1953 гг., но теперь все происходило в гораздо менее резкой и оскорбительной форме и без открытого призыва к свержению югославской правящей верхушки (как, например, формулировалось осенью 1949 г. в резолюции Коминформа).

Подобные обвинения и угрозы в отношении лидеров суверенного государства выглядели достаточно нелепо и нелогично, особенно, как мы отмечали выше, после принятия в октябре 1956 г. Декларации правительства СССР о возможности различных путей строительства социализма и фактическом отказе от сталинской модели как единственно правильной и эталонной.

Как нам представляется, судя по характеру обвинений в отношении Югославии, публикация серии критических статей в партийной печати стран социализма была скординирована, направляясь из единого центра и вполне могла быть осуществлена по заданию Международного отдела ЦК КПСС. Например, это могла быть «проба пера» созданной в том же 1958 г. редакции журнала «Проблемы мира и социализма» или продукт какой-либо иной идеологической структуры. Более точный ответ можно будет получить только после

³⁸ См., например: Аникеев А. С. Й. Броз-Тито — национальный герой? Аберрация идеологизированного сознания // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина. М., 2002.

В 1958 г. Издательство иностранной литературы выпустило сборник, состоявший из переводных работ о ревизионизме.

В том же 1958 г. издательство «Правда» опубликовало все рассмотренные в нашей работе статьи отдельной книгой под тем же названием.

открытия для исследователей соответствующих фондов бывшего архива ЦК КПСС³⁹.

Наверняка подобная резкая и «коллективная» критика со стороны «социалистического лагеря» подвигла Тито к тому, чтобы продолжить лично убеждать лидеров стран — потенциальных участников Движения неприсоединения — в необходимости организации некоторого подобия «третьей силы» в мировой политике, что он и начал делать в декабре 1958 г. во время поездки по странам африканского региона.

Следствием полемики весны–лета 1958 г. стала приостановка контактов на высшем уровне между советскими и югославскими

³⁹ Например, до сих пор лишь частично рассекречен фонд журнала «Проблемы мира и социализма» в РГАНИ.

лидерами⁴⁰, на XXI (1959 г.) и XXII (1961 г.) съездах КПСС вновь критиковался югославский курс на социалистическое строительство, а в текст новой Программы КПСС попало совершенно неуместное в документах такого рода упоминание о «югославском ревизионизме»⁴¹.

Лишь после визита Тито в СССР в декабре 1962 г. критика начинает постепенно сходить на нет и избегать прямых обвинений в ревизионизме, а после ответного визита Хрущёва в Югославию летом 1963 г. открытые нападки и вовсе прекратились⁴². После прихода к власти Л. И. Брежнева отношения между двумя странами и правящими партиями окончательно нормализовались, и идеологические кампании, подобные описанной нами в настоящей статье, безвозвратно остались в прошлом. Правда, к вступлению Югославии в «социалистическое содружество» (олицетворением которого являлись Совет экономической взаимопомощи и ОВД), это не привело.

Программа СКЮ в формате брошюры была опубликована в 1959 г. в Белграде на русском языке.

* * *

Ниже приведены характерные выдержки из названных выше статей, опубликованных или перепечатанных в «Правде», а затем и в сборнике «Против современного ревизионизма».

⁴⁰ Первая после августа 1957 г. встреча между Н. С. Хрущёвым и Й. Броз Тито состоялась лишь осенью 1960 г. «на полях» Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, куда оба лидера прибыли во главе делегаций СССР и ФНРЮ. Назвать эту встречу полноценной, несмотря на внешние проявления ими дружественных чувств, все же нельзя.

⁴¹ Оно сохранялось в Программе вплоть до прекращения существования КПСС.

⁴² Например, в Албании этот шаг советского лидера позднее был охарактеризован в красноречивом названии выпущенной на русском языке брошюры «Хрущёв на коленях перед Тито». В дальнейшем работы советских обществоведов, в которых содержались критические упоминания о югославской модели социализма, печатались ограниченным тиражом с грифом «для служебного пользования», и специалистам с ними можно было познакомиться после получения специального допуска в спецхраны крупнейших библиотек или тех учреждений, где они были подготовлены. Делалось это, прежде всего, для того чтобы не раздражать югославскую сторону, болезненно относившуюся к любой критике в свой адрес. Есть еще одна версия, которую озвучил Л. И. Брежnev в беседе с послом СФРЮ в СССР В. Мичуновичем. Он утверждал, что именно благодаря его усилиям, в частности в ходе поездки в Югославию в 1962 г. в качестве председателя Президиума Верховного Совета СССР, двусторонние отношения якобы вошли в нормальное русло. В этом вопросе Брежнев явно хотел перехватить пальму первенства у Н. С. Хрущёва и А. И. Микояна. Подробнее см.: Селиванов И.Н., Животич А., Гинзбург Ю.В. Международные отношения на Балканах. С. 123.

Приложение⁴³

1. Из редакционной статьи газеты «Правда» от 9 мая 1958 г. «В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий — залог дальнейших побед мировой социалистической системы»

Основным вопросом, который пронизывал доклады и выступления на [VII] съезде, был вопрос об утверждении программы СКЮ. Что же в действительности представляет собой эта программа? В ней яснее ясного, хотя и в форме, прикрытой теоретической оболочкой, выражены все прежние оппортунистические и ревизионистские взгляды, высказанные югославскими руководителями. В программе СКЮ выражается решимость идти по этой линии, не отступать от нее, не признавать ни единой ошибки и продолжать и в будущем тот же путь. <...>

Программа СКЮ и работа съезда пронизаны стремлением признать, так сказать, право гражданства в теории марксизма-ленинизма и в практике строительства социализма за антимарксистскими и ревизионистскими теориями. Дело изображается таким образом, будто бы программа СКЮ восполняет существующий «пробел» в марксизме-ленинизме, «творчески обогащает» и «развивает» его. В сущности же программа СКЮ душит революционный дух рабочего класса в его борьбе против капитала, за строительство социализма. Это ясно видно из многих частей программы и особенно из ниже следующих положений. <...>

В программе СКЮ утверждается, что капиталистическая общественная система в ее классической форме принадлежит прошлому, а современный капитализм представляется как строй почти некапиталистический. <...>

Государственный сектор экономики капиталистических стран выдается в программе СКЮ как такой сектор, который не является «обычным капитализмом», а как сектор, представляющий собой «шаг вперед к социализму»; а буржуазное государство будто бы стоит над классами, над капиталом и контролирует, регулирует, ограничивает, планирует его и т. д., будто бы в современном буржуазном государстве капиталистические монополии теряют свою прежнюю

⁴³ Все приведенные ниже выдержки взяты из публикаций в газете «Правда».

независимость. И отсюда делается вывод, что современный капитализм стихийно и быстро перерастает в социализм». <...>

На съезде СКЮ докладчики и некоторые ораторы с благодарностью и признательностью говорили о помощи Югославии со стороны Соединенных Штатов Америки. Вместе с тем об экономическом сотрудничестве с социалистическими странами говорилось крайне сдержанно, помочь социалистических стран преуменьшалась и даже игнорировалась. В выступлениях на съезде СКЮ особенно подчеркивалась «благодетельная роль» США в развитии экономики Югославии.

**2. Из редакционной статьи газеты «Зери и популлит»
от 4 мая 1958 г. «В противоречии с теорией и практикой
марксизма-ленинизма»**

Основным вопросом, который пронизывал доклады и выступления на съезде, был вопрос об утверждении программы СКЮ. Что же в действительности представляет собой эта программа? В ней яснее ясного, хотя и в форме, прикрытой теоретической оболочкой, выражены все прежние оппортунистические и ревизионистские взгляды, высказанные югославскими руководителями. В программе СКЮ выражается решимость идти по этой линии, не отступать от нее, не признавать ни единой ошибки и продолжать и в будущем тот же путь. <...>

Программа СКЮ и работа съезда пронизаны стремлением признать, так сказать, право гражданства в теории марксизма-ленинизма и в практике строительства социализма за антимарксистскими и ревизионистскими теориями. Дело изображается таким образом, будто бы программа СКЮ восполняет существующий «пробел» в марксизме-ленинизме, «творчески обогащает» и «развивает» его. В сущности же программа СКЮ душит революционный дух рабочего класса в его борьбе против капитала, за строительство социализма. Это ясно видно из многих частей программы и особенно из нижеследующих положений.

В программе СКЮ утверждается, что капиталистическая общественная система в ее классической форме принадлежит прошлому, а современный капитализм представляется как строй почти некапиталистический. Это происходит, как утверждает программа, в силу развития государственного капитализма и повышения роли

буржуазного государства в экономической жизни капиталистических стран. Государственный сектор экономики капиталистических стран выдается в программе СКЮ как такой сектор, который не является «обычным капитализмом», а как сектор, представляющий собой «шаг вперед к социализму»; а буржуазное государство будто бы стоит над классами, над капиталом и контролирует, регулирует, ограничивает, планирует его и т. д., будто бы в современном буржуазном государстве капиталистические монополии теряют свою независимость <...>

Подобно этим вопросам, и многие другие вопросы в программе трактуются не по-марксистски. Из них нам хотелось бы затронуть то, как в программе рассматривается вопрос об отношениях, существующих между социалистическими странами и коммунистическими и рабочими партиями. В программе СКЮ делается попытка «теоретически обосновать» возможность эксплуатации одних социалистических стран другими социалистическими странами. Советскому Союзу, который понес неисчислимые жертвы во имя освобождения от фашистского ига наших народов, в том числе и югославского народа; Советскому Союзу, который всегда защищал и защищает их от попыток империалистов реставрировать капитализм; Советскому Союзу, который оказывал и оказывает им щедрую интернационалистскую помощь в хозяйственном и культурном развитии, в строительстве новой жизни — социализма, югославские «марксисты» цинично приписывают, будто он преследует цель эксплуатации других народов, обеспечить «гегемонию» над ними, иметь «свою сферу влияния» и т. д.

3. Из статьи в газете «Нойес Дойчланд» от 10 мая 1958 г. «Несовместимо с марксизмом-ленинизмом»

Для трудящихся ГДР не было бы ничего приятнее, как учиться у югославских коммунистов, если бы только это могло помочь еще более ускорить социалистическое строительство в Германской Демократической Республике. К сожалению, об этом не может быть и речи.

Югославия — это не образец для социалистических государств. Это можно было бы ясно доказать, например, сравнением жизненного уровня югославских трудящихся с значительно более высоким жизненным уровнем трудящихся Германской Демократической Республики. Конечно, экономические исходные позиции были

различны.<...> Во всяком случае, вполне обосновано критическое заявление о том, что руководство Союза коммунистов Югославии не отнеслось к решению насущных экономических проблем страны с той серьезностью и той энергией, которых рабочий класс во всех странах должен ожидать от каждой партии, считающей себя вправе говорить от его имени. Поэтому руководство Союза коммунистов Югославии пытается уменьшить трудности, стоящие перед ним, при помощи кредитов США. С другой стороны, помочь, оказанная в виде кредита капиталистическим государствам, не могла не оказать политического влияния в Белграде. <...>

На рассмотрение съезда в Любляне был представлен проект программы Союза коммунистов Югославии.

Прежде всего каждый должен поставить перед собой следующий вопрос: что заставило руководство Союза коммунистов Югославии выступить с такой программой, которая служит делу борьбы против марксистско-ленинской политики КПСС и других коммунистических и рабочих партий? Что побудило их на нынешнем этапе международного развития, когда необходимо направить все силы против общего врага, против атомных политиков НАТО, содействовать им? Руководство Союза коммунистов Югославии совершенно очевидно идет в неправильном направлении.

В проекте программы главной причиной господствующего в мире напряжения считается наличие двух военных блоков — Североатлантического пакта и Варшавского оборонительного договора, но не указывается на диаметрально противоположные причины их возникновения и их цели. <...>

Анализ нынешнего положения, борьбы двух мировых систем — социализма и капитализма — подменяется нейтраллистскими рассуждениями о блоках, обходя при этом и самые элементарные интересы Югославии. <...>

Но и новый, обоснованный Карделем в его докладе на съезде вариант, в котором Варшавский договор характеризуется как естественная оборонительная реакция на Атлантический договор и в особенностях на перевооружение Западной Германии, отнюдь не соответствует фактам. В этом варианте не учитывается, что социалистические государства в принципе никогда не могут преследовать агрессивные цели в отношении других народов. В нем не учитывается, что Варшавский договор является орудием защиты мира, которое служит интересам

всех народов и не в последнюю очередь народа Югославии. Наконец, в нем не принимаются во внимание неоднократные заявления стран — участниц Варшавского договора о том, что они будут считать его задачи выполненными, как только будет создана система европейской безопасности и распущена служащая агрессивным целям организация Североатлантического союза.

**4. Из статьи в газете «Руде право» от 18 мая 1958 г.
«По поводу итогов съезда Союза коммунистов Югославии»**

Центральный Комитет нашей партии разъяснил в письме югославским товарищам, почему он не посыпает на их съезд делегацию. Ввиду глубокого несогласия с многими тезисами, содержащимися в проекте программы СКЮ, нельзя было бы избежать того, чтобы наша делегация не выступила и не изложила съезду свою отрицательную точку зрения. Разумеется, нельзя сомневаться в том, что съезд какой-либо партии не является подходящей ареной для принципиальной идеологической дискуссии о спорных вопросах между коммунистами разных стран. Поэтому решение нашей партии, а также решения других братских партий не посыпать на съезд СКЮ свои делегации было выражением искреннего и принципиального товарищеского отношения к югославским коммунистам.

Работа съезда подтвердила, что это решение в общем было правильным. На съезде был сделан ряд резких выпадов против Советского Союза, стран социалистического лагеря и коммунистических партий. <...>

После ознакомления со всеми материалами съезда нельзя избавиться от убеждения, что съезд весьма снисходительно и совершенно не с классовой и не с коммунистической позиции рассматривал реакционную, контрреволюционную роль империалистов США в современном мире. Здесь нигде не встречается прямого осуждения агрессивных намерений правящих кругов США, направленных прежде всего против всех антиимпериалистических сил в мире.

**5. Из статьи в газете «Трибуна люду» от 20 мая 1958 г.
«К вопросу о VII съезде Союза коммунистов Югославии»**

В связи с критикой проекта программы и в связи с отсутствием делегаций коммунистических партий в выступлениях на съезде проявились одновременно оттенки горячности, полные эмоций, и вопрос

рассматривался скорее со стороны престижа, чем со стороны аргументации по существу. Все это свидетельствует о том, что югославские товарищи не могут до сих пор позабыть обиды и отрешиться от воспоминаний минувшего периода. <...>

6. Из редакционной статьи газеты «Работническо дело» под названием «Генеральное отступление от марксизма-ленинизма»

Программа представляет в искаженном виде развитие международных отношений. Глубокое противоречие между социализмом и капитализмом в национальном и мировом масштабе сознательно заменено «теорией» противоречий между двумя военно-политическими блоками. Нетрудно понять, кому служит эта «теория». Она служит империализму, ибо прикрывает классовый характер противоречий в современном обществе, ибо замазывает противоречие между капиталистической и социалистической системами, ибо ставит между ними знак равенства. В программе преднамеренно умалчивается об агрессивном характере империализма, и в первую очередь американского империализма. В докладе генерального секретаря Центрального комитета Союза коммунистов Югославии Тито — странно, но факт! — была взята под защиту империалистическая политика Соединенных Штатов Америки.

7. Из статьи в газете «Скынтейя» от 18 и 20 мая 1958 г. «О проекте программы Союза коммунистов Югославии»

Конечно, было бы ошибкой ожидать, чтобы коренные разногласия и расхождения во взглядах между коммунистическими и рабочими партиями и СКЮ сразу исчезли. Однако факты говорят о том, что, вопреки заявлениям о развитии дружбы и сотрудничества на основе марксизма-ленинизма, руководители СКЮ подготовили платформу, которая, находясь на позиции ревизии основных принципов марксизма-ленинизма, может только создать вредную для дела социализма и мира путаницу.

Вопреки объективной действительности, авторы программы СКЮ упорно игнорируют последствия, вытекающие, в силу законов развития общества, из раскола мира на две системы: коренные противоречия между социалистической системой и капиталистической системой и необходимость солидарности между социалистическими странами. В существующих двух социально-политических лагерях,

в корне отличающихся друг от друга, — лагеря социализма и лагеря империализма — они не хотят видеть ничего другого, кроме простого разделения мира на два антагонистических военно-политических блока.

При помощи этого софизма («лагерь — «блок») существование двух лагерей изображено как результат политики «с позиции силы», которая — как это ни казалось невероятным и невозможным любому сколь-нибудь объективному человеку — приписывается не только империалистическому, но и социалистическому лагерю. Такая точка зрения явно опрокидывает факты головой вниз, делает из причины следствие, из белого — черное.

Напрашивается вопрос: почему в программе пытаются обойти молчанием роль агрессивных империалистических кругов США как инициаторов холодной войны, как центра международной империалистической реакции и военных происков? Почему пытаются снять ответственность за международную напряженность с главных держав НАТО и извращается последовательная мирная политика Советского Союза и других стран социалистического лагеря? Мы не можем не сказать, что такая постановка вопроса вызвала чувство глубокого неодобрения среди трудающихся нашей страны.

8. Из статьи в газете «Непсабадшаг» «VII съезд Союза коммунистов Югославии и международное коммунистическое движение»

VII съезд СКЮ не только не воспользовался принципиальной критикой братских партий, напротив, он утвердил программу, отягощенную опасными ошибками. Доклады, сделанные на съезде, дух, содержание, тон прений и принятие программы вызвали дальнейшую острую критику со стороны братских коммунистических партий.
<...>

B.B. Никитин

Две модели реализации «социалистической» интеграции: ЧССР–СССР–СЭВ и ЧССР–СФРЮ

После Второй мировой войны и восстановления Чехословацкой Республики (ЧСР) началась новая эпоха в международных отношениях, как и во внешней политике Чехословакии. Советский Союз, как одна из победивших держав, благодаря Ялтинской конференции, приобрел такой геополитический статус, который имела только Российской империя в XIX в. Данный огромный вес СССР в мировой политике, с одной стороны, использовали в своих интересах как Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), так и Коммунистическая партия Словакии (КСС), с другой стороны, не могли его не принимать во внимание демократические прозападные чехословацкие политические партии¹. В словацкой историографии считается, что чехословацкое правительство в изгнании в Лондоне еще до восстановления Чехословакии решило заменить прежний прозападный курс советской ориентацией². Однако демократические партии в ЧСР придерживались идеи, в соответствии с которой Чехословакия должна играть роль моста между СССР и западным миром.

Эту модификацию международных отношений ощущали не только чехословацкие политики, но и дипломаты. На Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1946 г.) чехословацкие делегаты аплодировали заместителю народного комиссара по иностранным делам СССР А. Я. Вышинскому, который в своем выступлении

¹ Barnovský M. Na ceste k monopolu moci. Mocenskopolitické zápasy na Slovensku v rokoch 1945–1948. Bratislava, 1993. S. 147–148.

² Petruš P. Vývoj zahraničnopolitickeho postavenia ľudovodemokratického Československa v rokoch 1945–1948 // Február 1948 a Slovensko. Bratislava, 2008. S. 11.

разоблачал попытки США в финансовом плане поработить Европу, что, естественно, не ускользнуло от внимания американских дипломатов³. Правда, как отмечается словацкими историками, в то время Министерство иностранных дел ЧСР уже контролировали коммунисты⁴. Однако трудно объяснить такой подход чехословацких представителей исключительно партийным фактором. Следует особенно отметить, что политики и дипломаты ЧСР рассчитывали на безоговорочную поддержку Советским Союзом их позиций в отношении Венгрии на мирной конференции, на которой последняя также стремилась привлечь советских представителей на свою сторону⁵.

Существовали случаи, когда антикоммунистические чехословацкие деятели под влиянием победы СССР над нацистской Германией вынуждены были изменить свои взгляды на Советский Союз. Одним из них был министр иностранных дел ЧСР Ян Масарик. 25 марта 1945 г. посол СССР в Лондоне И. М. Майский направил в Москву следующую характеристику на чехословацкого дипломата: «Масарика я знаю давно и хорошо. Видел его в разных обстоятельствах и положениях. При оценке политического лица Масарика необходимо учитывать, что молодость Масарика прошла в США и что большую часть своего зрелого возраста он провел в Англии. Его общая ориентация до войны была “западническая”, т. е. в сторону Англии, США и Франции. Однако он и тогда ясно понимал, что маленькая Чехословакия является разменной монетой в политической игре названных великих держав. В разговорах со мной он не раз горько жаловался на это... Чем больше обнаруживалось банкротство Запада в борьбе с гитлеровской агрессией, тем больше возрастало сочувствие Масарика к СССР. <...> Я хотел бы сказать, что Масарик представляет собой тип европейско-американского радикала (не социалиста), который, имея он свободу выбора, предпочел бы ориентацию на “демократию” англо-американского типа, однако в нынешней обстановке логикой вещей он толкается в сторону СССР и, как умный человек, понимает, что другого выхода у его страны нет, и что из данного положения

³ Londák M. Ekonomické reformy v Československu v 50. a 60. rokoch 20. storočia a slovenská ekonomika. Bratislava, 2010. S. 14.

⁴ Michálek S. Československá delegácia na Parížskej mierovej konferencii roku 1946 (so zameraním na podiel Juraja Slávika) // Kapitolami najnovších slovenských dejín. Bratislava, 2006. S. 59.

⁵ Kaplan K. Československo v poválečné Evropě. Praha, 2004. S. 120–140.

нужно делать надлежащие выводы. <...> По существу же Масарик является человеком, настроенным дружественно в отношении СССР, хотя, пожалуй, в этой дружественности у него больше расчета, чем искренней симпатии⁶.

Это указывает на тот факт, что модификацию международных отношений не могли не принимать во внимание даже демократические, прозападные политики, которые обращались к Советскому Союзу за поддержкой их позиций в разных сферах, как внутренней, так и внешней. Исключением не был даже президент ЧСР Э. Бенеш, который в июне 1946 г. поддержал ликвидацию греко-католической церкви в Украине на встрече с председателем Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карповым, высказав «намерение осуществить мероприятия по переводу униатов Словакии в православие»⁷. «Я думаю, что это очень скоро будет у нас, что первыми присоединятся к православной церкви униаты, — говорил советскому представителю Бенеш. — Там есть хорошие люди, хотя католики в Словакии очень злые (активные). Начинать надо бы в вашей Закарпатской Украине, затем — в Румынии, а потом уже у нас. Вы очень хорошо сделали, что во Львове униатов перевели в православие»⁸.

В первые послевоенные годы, учитывая новую роль СССР не только в мире, но особенно в Центральной и Восточной Европе, чехосlovakские политики начали ориентироваться на экономические отношения с Советским Союзом. Сначала президент Бенеш в 1943 г. в разговоре с И. В. Сталиным выразил заинтересованность в широком послевоенном экономическом сотрудничестве с СССР, затем премьер-министр З. Фирлингер рекомендовал подсоединить

⁶ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Документы: в 2-х т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 174.

⁷ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2-х т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 2009. С. 318–319.

⁸ Там же. С. 291. Подробнее о церковной политике см.: Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 440–469; Мурашко Г. П. Судьбы греко-католической церкви в странах Восточной Европы после Второй мировой войны (из истории национально-конфессиональных конфликтов) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М., 2011. С. 364–376; она же. Греко-католическая церковь в Словакии после Второй мировой войны // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. СПб., 2009. С. 393–408.

чехословацкую экономику к советскому пятилетнему плану, к тому же сразу после окончания Второй мировой войны чехословацкие коммунисты предусматривали экономическую ориентацию исключительно на Восточную Европу, особенно на СССР. Несмотря на то, что чехословацкая промышленность не смогла переориентироваться с точки зрения экспорта на восточное направление, в апреле 1946 г. министр внешней торговли Х. Рипка попросил советских чиновников не забывать о ней при составлении советских пятилеток⁹.

В то время Чехословакия постепенно подходила к февральской революции, создавшей ранее неизвестный государственный, экономический и социальный строй¹⁰. «Экономические изменения, которые произошли на рубеже 1940-х и 1950-х гг., затронули в целом всю систему управления. Постепенно возникла система т. н. социалистической экономики, основанная почти исключительно на государственных средствах производства и управляемая на основе планов, подготовленных специализированными учреждениями — органами по планированию»¹¹. Определенную роль в этом сыграли и советские советники, которые действовали как на различных уровнях экономического управления в чехословацкой экономике¹², так и в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), где при делегации каждого государства-члена имелся советский советник¹³.

После февральского переворота в 1948 г. начинают очерчиваться первые контуры будущей «социалистической интеграции». В конце 1940-х гг. были сформированы межправительственные комиссии (чехословацко-советская, чехословацко-польская, чехословацко-венгерская), приблизилось создание СЭВ. Как точно заметил российский историк Л. Я. Гибианский, «данный процесс в середине — второй половине 1940-х годов сопровождался в международно-правовом

⁹ Kaplan K. Československo v poválečné Evropě. S. 356.

¹⁰ Barnovský M. Na ceste k monopolu moci. S. 161–247; Vojáček L. Únorová krize a její ústavněprávní aspekty // Február 1948 a Slovensko. Bratislava, 2008. S. 202–239; Syrný M. Jesenná politická kríza na Slovensku v roku 1947 // Ibid. S. 127–177; Pešek J. Priebeh februárových udalostí na Slovensku // Ibid. S. 178–201.

¹¹ Londák M. Február 1948, zmena ekonomickejho systému a Slovensko // Február 1948 a Slovensko. Bratislava, 2008. S. 485.

¹² Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. М., 2008. С. 596–659.

¹³ Kaplan K. Sovětíci poradci v Československu 1949–1956. Praha, 1993. S. 42–49.

плане тем, что все страны, оказывавшиеся в составе “лагеря”, постепенно заключали между собой двусторонние союзнические договоры. Взаимно переплетаясь, эти договоры, в своей основе однотипные, фактически соединялись в общую договорную сеть, охватывавшую СССР и государства народной демократии. Но формально блок как бы не существовал. И советское руководство было настроено на то, чтобы, насколько возможно, не предпринимались публичные шаги, которые бы слишком явно свидетельствовали об образовании блока или о стремлении к этому. Подобная тактика была призвана, по кремлевскому замыслу, выставить поборником создания блоков лишь Запад»¹⁴.

Позже, в конце 1940-х гг., возник Совет экономической взаимопомощи¹⁵, благодаря чему социалистический экономический инструментарий постепенно расширяется и проникает в более широкие сферы экономического сектора. Если в начале речь шла о решении проблем, главным образом, в трех секторах экономики (нехватка сырья и энергии, дублирование производства, особенно в тяжелой промышленности, низкий уровень сельского хозяйства)¹⁶, то в конце «социалистической эпохи» сотрудничество охватывало все сферы экономики, а также неэкономические области (культура, образование, наука, здравоохранение и т. д.). Благодаря кооперации в области ядерной энергетики в Чехословакии были не только построены атомные электростанции (Ясловские Богуница, Дукованы, позже Моховце и Темелин), но чехословацкие компании даже разработали и изготовили ядерные реакторы типа ВВЭР (советский легководный тип) для других социалистических стран. Сотрудничество в области машиностроения, осуществляемое Комитетом СЭВ по сотрудничеству в области машиностроения, было в основном направлено на обеспечение секторов национальной экономики государств – членов СЭВ

¹⁴ Гибианский Л. Я. К истории возникновения коллективных структур советского блока: образование Совета экономической взаимопомощи // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. Сборник статей / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 325–326.

¹⁵ Подробнее о СЭВ см.: Гибианский Л. Я. К истории возникновения коллективных структур. С. 325–348; Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х годов. М., 2011; он же. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016.

¹⁶ Kaplan K. Rada vzájemné hospodářské pomoci a Československo. Praha, 2002. S. 7.

высококачественными машинами, оборудованием и технологиями мирового уровня¹⁷. Взаимодействие в химии и нефтехимии достигалось благодаря двусторонним и многосторонним соглашениям о специализации и сотрудничестве в данных сферах. С точки зрения товарной структуры эти соглашения для ЧССР были признаны выгодными, потому что за конечные химические продукты, которые было бы сложнее разместить на мировых рынках, страна получала сырье, которое в противном случае пришлось бы покупать за свободно конвертируемую валюту¹⁸. То же относилось и к науке и технике, автомобилестроению, металлургии, сельскому хозяйству, военно-промышленному комплексу и т.д.¹⁹ Специализированные группы, такие как «Интерспутник», «Интерробот», «Интерокеанметалл», «Интерметалл» и «Интеркосмос», были созданы в рамках СЭВ для большей концентрации усилий и оперативного решения экономических и научно-технических задач, поставленных перед странами социалистического содружества²⁰.

Все это тесное и разнообразное сотрудничество развивалось по двум направлениям: многостороннему (СЭВ, Организация Варшавского Договора) и двустороннему (Межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между ЧССР и СССР). Поддерживались эти отношения на политическом уровне в ходе переговоров, в которых участвовали члены Политбюро КПЧ и КПСС, депутаты Федерального собрания ЧССР и Верховного Совета СССР и представители правительства ЧССР и Совета министров СССР. Обсужденные сторонами договоренности затем на заседаниях чехословацкого правительства

¹⁷ SNA. Fond Úrad vlády Slovenskej socialistickej republiky/Slovenskej republiky 1981–1992 (F. ÚV SSR/SR). Zasadnutia vlády Československej socialistickej republiky/Českej a Slovenskej federatívnej republiky (ZV ČSSR/ČSFR). Šk. 450. Č.j. 10187/85-11. Výsledky druhého zasedání výboru RVHP pro spolupráci v oblasti strojírenství.

¹⁸ SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV ČSSR/ČSFR. Šk. 448. Č. j. 8078/85-25. Sjednání protokolů o prodloužení platnosti dohod se SSSR na období 1986 až 1990 o specializaci a kooperaci při výrobě chemických výrobků a při výrobě v oblasti průmyslu zpracování ropy a petrochemie, Predkladacia správa. S. 5.

¹⁹ Štajgl J., „Špeciálna výroba“ na Slovensku a problematika konverzie // 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava, 2013. S. 213–235.

²⁰ Jakubecová M. Náčrt štruktúry a rozvoja projektu Interkozmos // Rusko (Sovietsky zväz) a Slovensko v priebežníkoch dejín. Banská Bystrica, 2016. S. 205–214.

распределялись по разным министерствам, которым следовало их реализовать. Причем обращает на себя внимание тот факт, что переговоры правительственные и партийных политиков стали взаимодополняющими.

Такую динамику демонстрировали отношения двух стран во второй половине 1980-х гг. 15–16 ноября 1987 г. прибыла в Москву с визитом чехословацкая правительственная делегация, возглавляемая премьер-министром Л. Штроугалом по приглашению ЦК КПСС и Совета министров СССР. На встрече делегаций обсуждались 6 вопросов: разработка концепции двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества и координации государственных планов на 1991–1995 гг., развитие торговых и экономических отношений, сотрудничество в области машиностроения, осуществление комплексной программы развития научно-технического прогресса, обсуждение новых форм сотрудничества и обмен мнениями о процессе перестройки экономического механизма в двух странах. Достигнутые договоренности были утверждены постановлением правительства ЧССР № 1 от 5 января 1988 г.²¹

В связи с этими переговорами в том же январе была организована встреча генеральных секретарей КПЧ и КПСС М. Якеша и М. С. Горбачёва в Москве и встреча председателей чехословацкой и советской частей Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК) 2 февраля 1988 г. В ходе данных переговоров были поддержаны и расширены советско-чехословацкие проекты, обсужденные премьер-министрами. Чехословацкое правительство одобрило итоги и этих встреч постановлением № 71 от 10 марта 1988 г.²²

Все эти согласованные на высшем уровне задачи необходимо было утвердить на очередном — 28-м — заседании МПК. Последняя играла роль связующего звена между политическими договоренностями и их реализацией на предприятиях двух стран. Чехословацкое правительство приняло директиву по этому вопросу 9 июня

²¹ SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV ČSSR/ČSFR. Šk. 503. Č.j. 975/87-taj. Výsledky pracovní návštěvy předsedy vlády ČSSR v SSSR. Usnesení č. 1 z 5. ledna 1988. S. 1–7.

²² Ibid. Šk. 506. Č.j. 0165/88-taj. Zajištění úkolů, vyplývajících z rozhovorů M. Jakeše a M. S. Gorbačova a z pracovního setkání předsedů obou částí Mezivládní československo-sovětské komise pro hospodářskou a vědeckotechnickou spolupráci. Usnesení č. 71 z 10. března 1988. S. 1–2.

1988 г.²³ После этого 13–15 июня 1988 г. МПК приняла ряд конкретных мер для реализации договоренностей, достигнутых премьер-министрами и генеральными секретарями компартий двух стран²⁴.

Эти меры месяц спустя были обсуждены и поддержаны премьер-министрами Н. И. Рыжковым и Л. Шtroугалом в ходе визита первого в Чехословакию²⁵.

В итоге 26 января 1989 г. постановлением правительства ЧССР №35 были распределены между разными министерствами для последующей реализации 34 проекта, возникшие на основе переговоров и договоренностей Шtroугала, Рыжкова, Якеша и Горбачёва. Эти проекты делятся в постановлении на две группы. Первая («задачи концептуального характера») насчитывала два основных направления: макроэкономические и структурные вопросы сотрудничества (разработка концепции экономического и научно-технического сотрудничества, обсуждение координации государственных планов на 1991–1995 гг., решение вопросов экономических и торговых отношений и др.; в целом 13 пунктов) и механизм сотрудничества (два проекта). Во вторую группу («конкретные задачи экономического и научно-технического сотрудничества») входило 12 направлений: научно-техническое развитие, внешняя торговля, топливно-энергетический комплекс, машиностроение, электротехническая и электронная промышленность, химическая промышленность, легкая промышленность, сельскохозяйственно-продовольственный комплекс, транспорт, здравоохранение, внутренняя торговля, туризм. В их реализации участвовало более двадцати федеральных и национальных органов государственного управления (министерства, Чехословацкий государственный банк, Академия наук, Чехословацкая торгово-промышленная палата, Чехословацко-советская торговая палата и др.)²⁶.

²³ Ibid. Šk. 511. Č.j. 10894/88-11. Zásady pro postup československé delegace na XXVIII. zasedání Mezivládní československo-sovětské komise pro hospodářskou a vědeckotechnickou spolupráci. S. 1–3.

²⁴ Ibid. Šk. 515. Č.j. 12492/88-16. Zpráva o výsledcích XXVIII. zasedání Mezivládní československo-sovětské komise pro hospodářskou a vědeckotechnickou spolupráci.

²⁵ Ibid. Č.j. 0622/88-taj. Výsledky oficiální přátelské návštěvy předsedy rady ministrů SSSR N.I. Ryžkova. S. 1–7.

²⁶ Ibid. Šk. 524. Č.j. 04/89-taj. Přehled námětů, které vyplynuly z rozhovorů generálních tajemníků ÚV KSC a ÚV KSSS a předsedů vlád ČSSR a SSSR v letech 1987 a 1988, jejichž projednávání nadále pokračuje. S. 1–5.

Эта система двусторонних отношений, таким образом, охватывала десятки министерств, правительство, ЦК и Политбюро ЦК КПЧ и КПСС. Все они выступали покровителями чехословацко-советских экономических отношений. Без разработанных ими конкретных механизмов невозможно было осуществление сотрудничества между двумя странами.

Однако не менее важным был и многосторонний механизм экономической сплоченности «социалистического лагеря» — Совет экономической взаимопомощи, называвшийся в чехословацких правительственные документах «социалистической интеграцией». В ее рамках обсуждалась и принималась экспортно-импортная часть пятилетних государственных планов стран-членов СЭВ. Так, например, протоколы об их координации в годы последней пятилетки (1986–1990 гг.) чехословацкое правительство подписало в конце ноября 1985 г. с европейскими странами, а в январе 1986 г. — с азиатскими государствами, входившими в СЭВ²⁷. Ежегодно обсуждались и подписывались протоколы о товарообмене и финансировании торговли на многосторонней базе²⁸.

Механизм принятия документов в рамках СЭВ был следующим. Они готовились отделами Совета, в состав которых входили представители всех стран-членов. Далее документы направлялись в правительства, которые их утверждали своим постановлением. Затем они принимались на заседаниях Исполнительного комитета СЭВ²⁹ и утверждались на ежегодных пленарных заседаниях СЭВ, проходивших с участием правительственных делегаций стран-членов. Дополнительные, еще не утвержденные исполнкомом СЭВ документы к ним также принимались постановлениями правительства еще до пленарных заседаний³⁰. После их одобрения на пленарных заседаниях, постановлением правительства ЧССР распределялись между министерствами задачи, которые необходимо было провести

²⁷ Ibid. Šk. 469. Č.j. 0147/86-taj. Stanovisko k výsledkom koordinácie národných hospodárských plánov s členskými štátmi RVHP na obdobie 1986–1990. S. 1.

²⁸ Ibid. Šk. 447. Č.j. 0255/85-taj. Výsledky obchodně politických jednání o protokolech o výměně zboží a platech se socialistickými státy na rok 1985.

²⁹ Ibid. Šk. 443. Č.j. 0184/85-taj. Příprava 113. zasedání výkonného výboru RVHP; Ibid. Šk. 449. Č.j. 0380/85-taj. Příprava 114. zasedání výkonného výboru RVHP и др.

³⁰ Ibid. Šk. 450. Č.j. 0518/85-taj. Příprava 40. zasedání RVHP a 115. zasedání výkonného výboru RVHP.

в жизнь в соответствии с решениями, принятыми на пленарном совещании СЭВ³¹. Затем, в первой половине каждого года Федеральное статистическое ведомство ЧССР представляло чехословацкому правительству «Отчет о включении чехословацкой экономики в социалистическую экономическую интеграцию и международное распределение труда» за определенный год³². Эти отчеты резюмировали итог деятельности правительства Чехословакии в области экономики по документам, принятым на заседаниях СЭВ и его исполнкома.

Особенно необходимо отметить, что все эти механизмы учитывали государственные интересы и экономические особенности любой из стран-участниц СЭВ. К решениям они готовились заблаговременно и тщательно. Это иногда приводило к существенным задержкам принятия решений по определенным вопросам. Так, например, Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный радиационной аварией при международной перевозке отработанного атомного топлива атомных электростанций стран-членов СЭВ подготавливалась с 1978 г. Окончательный вариант ее был подписан в Москве 15 сентября 1987 г. Когда в середине 1980-х гг. позиции сторон были максимально приближены и казалось, что вскоре ее текст будет одобрен, Румыния вышла со своими претензиями к документу и в итоге отказалась в нем участвовать. Ее вынуждена была поддержать Болгария, которая транзитом через Румынию импортировала атомное топливо для своей АЭС. Таким образом, отсутствие Румынии в качестве подписантa данной конвенции лишило Болгарию мотивации участвовать в ней, о чем были проинформированы другие страны-члены СЭВ, согласившиеся с болгарской позицией. На все это насыпалась позиция Польши по отношению к XIV статье документа, которая настаивала на «обязательной межгосударственной арбитражной процедуре применительно к спорам о нереализованном страной возмещении ущерба в установленный конвенцией срок»³³. Этому противились

³¹ Ibid. Šk. 452. Č.j. 0603/85-taj. Výsledky 40. zasedání RVHP a 115. zasedání výkonného výboru.

³² Ibid. Šk. 474. Č.j. 0479/86-taj. Zpráva o zapojení čs. ekonomiky do socialistické ekonomické integrace a mezinárodní dělby práce za rok 1985; Ibid. Šk. 496. Č.j. 0515/87-taj. Zpráva o výsledcích zapojení čs. ekonomiky do socialistické integrace a mezinárodní socialistické dělby práce za rok 1986 и др.

³³ Ibid. Šk. 443. Č.j. 0184/85-taj. Příprava 113. zasedání výkonného výboru RVHP. S. 13–14.

другие страны–участницы СЭВ, аргументируя тем, что конвенция будет зарегистрирована в соответствии со статьей 102 Устава ООН. Таким образом, западные государства могли бы использовать статью XIV конвенции против стран социалистического сообщества, которое отрицательно относилось к «обязательному судебному или арбитражному разбирательству по основополагающим политическим вопросам»³⁴. Скорее всего, имелись в виду права человека или национальных меньшинств, в нарушении которых обвинялись Западом страны социалистического блока.

Советский Союз, играющий в СЭВ роль дирижера оркестра, тогда, начиная с января 1985 г., вынужден был взять в свои руки инициативу по заключению данной конвенции. Для сближения позиции Польской Народной Республики и остальных стран-участниц СЭВ (за исключением Румынии и присоединившейся к ней Болгарии)³⁵ представители СССР предложили убрать упоминание об обязательном межгосударственном арбитраже в самой конвенции, прописав это требование ПНР в секретном протоколе, который был дополнением к данному документу³⁶. Таким образом, СССР сумел объединить позиции разных стран, что позволило заключить данную конвенцию в 1987 г.

Это один из множества примеров. Документы правительства ЧССР за 1985–1989 гг. изобилуют богатой доказательной базой. Эти источники показывают, как выглядела подготовка исполнительной власти к ежеквартальным заседаниям исполкома СЭВ и ежегодным пленарным заседаниям этой организации. Пять раз в год постоянный представитель ЧССР в СЭВ и вице-премьер чехословацкого правительства Рудольф Рогличек предлагал документы для подготовки заседаний как исполкома, так и пленарной сессии СЭВ, которые соответствовали предстоящей повестке дня. Делятся они на три части. В первом разделе («краткое содержание») описываются причины,

³⁴ Ibid. Šk. 487. Č.j. 205/87-taj. Sjednání Protokolu k Úmluvě o odpovědnosti za škodu způsobenou radiační havárií při mezinárodní přepravě vyhořelého jaderného paliva z jaderních elektráren členských států RVHP. S. 2.

³⁵ Последние два государства, как и неевропейские страны–члены СЭВ были выведены из рамок данной конвенции.

³⁶ SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania vlády ČSSR. Šk. 487. Č.j. 4750/87-11. Návrh na sjednání Úmluvy o odpovědnosti za škodu způsobenou radiační havárií při mezinárodní přepravě vyhořelého jaderného paliva z jaderných elektráren členských států RVHP. S. 1–9.

по которым вносится данный вопрос на рассмотрение. В нем также перечислены позиции разных стран-участниц СЭВ. Отношение к нему приведено во второй части под названием «обоснование чехословацкой позиции». В заключении к каждому вопросу приводится предложение постоянного представителя ЧССР в СЭВ по голосованию чехословацкой стороны на предстоящем заседании. Документы за последнюю пятилетку позволяют сделать вывод о том, что по крайне незначительному количеству предложений и проектов изначально существовало полное взаимопонимание представителей всех стран. Таким образом, возникали разные точки зрения, которые не всегда удавалось согласовать для быстрого принятия решения. Изнурительные, сложные, затяжные переговоры шли практически по всем пунктам повестки дня, как на заседаниях исполкома, так и на пленарных сессиях СЭВ.

Тем не менее, страны социалистического лагеря выработали механизм, позволивший объединять разные позиции сторон. Во-первых, как уже упоминалось, можно было особую позицию какого-либо государства вынести в отдельный протокол, причем секретный.

Во-вторых, существовали примеры, когда многосторонние отношения переводились в двустороннюю плоскость. Так, например, в июле 1987 г. Чехословакия предложила странам СЭВ провести контроль эксплуатации оборудования первичного контура на атомных электростанциях, использовавших атомный реактор типа ВВЭР 440. Венгрия с Польшей заявили о «потенциальной заинтересованности», ГДР уже проводила консультации с представителями ЧССР. В чехословацком правительственном документе говорилось следующее: «Поскольку в настоящее время не существует единого подхода стран к чехословацкому предложению, было рекомендовано осуществлять сотрудничество в этой области посредством двусторонних отношений». Этот подход в итоге был утвержден в протоколе³⁷.

В-третьих, в других случаях государство, оказавшееся в одиночестве, могло потребовать занести его позицию в протокол, благодаря чему определенный вопрос не распространялся на эту страну. Это произошло и с некоторыми нормативно-правовыми актами. Так,

³⁷ Ibid. Šk. 453. Č.j. 12771/85-20. Výsledky 12. zasedání Mezivládní komise pro provádění celkové koordinace spolupráce zainteresovaných členských států RVHP a SFRJ při realizaci Dohody o mnohostranné mezinárodní specializaci a kooperaci výroby a vzájemných dodávkách zařízení pro jaderné elektrárny. S. 11.

например, Румыния не согласилась подписать Конвенцию о сотрудничестве при защите водотоков от загрязнения, проект которой стал предметом обсуждения на 118-м заседании исполкома СЭВ в начале 1986 г. Это был аргумент для чехословацкой стороны о возможности ее подписания без участия ПНР, выступившей с такими предложениями, с которыми ЧССР категорически не могла согласиться³⁸. Однако Польшу нельзя было исключить из данной конвенции в связи с важностью для региона ее водных источников. Поэтому на данном заседании было принято решение о прекращении дальнейшего рассмотрения этого вопроса. Он был отложен до того времени, пока «заинтересованные страны – члены СЭВ не решат, что уже созданы необходимые предпосылки для ее заключения»³⁹.

Такой механизм защиты национальных, экономических интересов любой страны в СЭВ приводил к задержке принятия решений, против чего выступали представители некоторых стран. Во многих документах чехословацкого правительства отмечается факт стагнации отношений, а следовательно экономического и технологического развития Чехословакии, в связи с затяжкой переговоров по конкретным проектам. Критиковалась также непоследовательная, неполная реализация уже утвержденных в протоколах решений исполкома СЭВ⁴⁰.

Похожие механизмы и инструментарий характеризовали и чехословацко-югославское сотрудничество. Межгосударственные связи между этими странами изначально оказались в тени советско-югославских отношений и конфликтных ситуаций. Их развитие больше зависело от советского фактора, чем от желания чехословацких коммунистов развивать двусторонние связи. Основу чехословацко-югославского сотрудничества составляла экономика, отношения в которой развивались динамично на протяжении нескольких десятилетий, в особенности с конца 1960-х гг. К середине 1980-х гг. складывалась следующая картина: СФРЮ находилась на пятом месте во внешнеторговом обороте Чехословакии. Уже в сентябре 1985 г. запланированные на 1981–1985 гг. объемы чехословацко-югославской торговли были не только достигнуты, но и превышены. Общий объем торговли

³⁸ Ibid. Šk. 465. Č.j. 024/86-taj. Příprava 118. zasedání výkonného výboru RVHP.

³⁹ Ibid. Šk. 467. Č.j. 0146/86-taj. Výsledky 118. zasedání výkonného výboru RVHP.

⁴⁰ Ibid. Šk. 443. Č.j. 0184/85-taj. Příprava 113. zasedání výkonného výboru RVHP; Ibid. Šk. 449. Č.j. 0380/85-taj. Příprava 114. zasedání výkonného výboru RVHP и др.

с Югославией достигал 7,1 млрд долларов США. Вице-премьер Чехословакии М. Лучан в Загребе в середине 1980-х гг. подчеркивал насущную необходимость ликвидировать препятствия для дальнейшего развития двусторонних экономических связей, в особенности, в области снижения отрицательного чехословацкого сальдо, которое возникло, прежде всего, в связи с большим потоком чехословацких туристов на Адриатическое море⁴¹.

Ввиду важности югославского фактора для экономического развития Чехословакии постепенно сформировалось институциональное обеспечение чехословацко-югославских отношений, которое по своей форме и динамике соответствовало сотрудничеству ЧССР со странами «социалистического лагеря». Его основой стала деятельность межправительственной комиссии, итоги которой подтверждались на встречах высших лиц двух государств, как правило премьер-министров ЧССР и СФРЮ. На их переговорах к тому же ставились вопросы, которые впоследствии стали предметом обсуждения и рассмотрения на заседаниях двухсторонней комиссии.

Роль основного инструмента чехословацко-югославского сотрудничества играла Межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (сокращенно межправкомиссия). Она была создана в конце 1960-х гг. и ежегодно проводила свои заседания. На них, во-первых, решались основные проблемы в чехословацко-югославских экономических отношениях и, во-вторых, были парафированы основные межправительственные договоры и соглашения, по которым в дальнейшем и осуществлялась торговля между двумя странами. Так, например, в начале февраля 1986 г. на XIX заседании комиссии решалась проблема отрицательного сальдо в двухстороннем сотрудничестве. Долгосрочное торговое соглашение между ЧССР и СФРЮ на 1981–1985 гг. предполагало достижение общего обмена товарами и услугами в размере 7,1 млрд долларов США. Торговля в первые три года (1981–1983) соответствовала показателям данного документа, но с 1983 г. произошел ее спад, даже в абсолютном выражении. У ЧССР возникла краткосрочная задолженность перед СФРЮ, которая к середине 1980-х гг. составляла

⁴¹ SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania predsedníctva vlády ČSSR/ČSFR. Šk. 308. Č.j. 23551/85-22. Informace o průběhu a výsledcích návštěvy místopředsedy vlády ČSSR M. Lúčana na veletrhu v Záhřebu. S. 2.

около 1 млрд крон, с относительно большим объемом имевшейся у СФРЮ задолженности перед ЧССР.

Существовали многосторонние причины такого развития. Югославия из-за высокой задолженности перед западными банками и в связи с деятельностью Международного валютного фонда существенно сократила инвестиции внутри страны и снизила уровень жизни населения. Эти меры очень сильно повлияли на чехословацкий экспорт в СФРЮ, основную часть которого составляли поставки машин и оборудования. Это относилось в основном к чехословацкому экспорту средств производства, где объем заказов по сравнению с началом предыдущей пятилетки возрос более чем на три четверти.

Ситуацию и особенно ее возможное решение осложняли особенности чехословацко-югославских отношений, в которых имелась высокая доля услуг⁴² со стороны СФРЮ относительно чехословацкого экспорта товаров в Югославию. Возмещение этих услуг становилось все более сложной проблемой. Отдельные республики СФРЮ преследовали цель обеспечить сбалансированность своего собственного платежного баланса, и поэтому «практически невозможно перевести средства одной союзной республики в другую, — говорится в чехословацком правительственном документе. — Растет тенденция к осуществлению компенсационной торговли⁴³ с отдельными фирмами. Все это затрудняет создание средств за счет экспорта готовой продукции, особенно машин и оборудования, для оплаты покупаемых Чехословакией услуг в СФРЮ».

В результате переговоров была согласована ориентировочная основа для макроэкономической структуры экономического сотрудничества между ЧССР и СФРЮ на период 1986—1990 гг. по отдельным блокам — сырье, машины и оборудование, товары народного потребления, продукты питания и услуги. В данном документе также содержатся принципы оплаты сальдо услуг на 1986—1990 гг. «В случае их взаимного применения по отношению к экономической сфере⁴⁴ это может означать стабилизацию чехословацко-югославских

⁴² Туристические и транспортные услуги, строительные работы, как и выделение финансовых средств Чехословакией на так называемые петрогенные оклады.

⁴³ Компенсационная торговля — это система торговли, при которой экспортер даёт свое согласие получить в счет платежа товары из страны-импортера.

⁴⁴ Значительная часть югославских услуг оплачивалась поставками Чехословакией продукции машиностроения.

отношений, особенно прочную основу для планирования чехословацкого туризма в СФРЮ. Кроме того, возникнет дополнительное пространство в развитии экономических отношений, в частности производственной кооперации»⁴⁵.

Выводы и рекомендации межправкомиссии рассматривались на переговорах высших лиц государств, чаще всего премьер-министров. Так, например, в конце мая 1987 г. на встрече Бранко Микулича с Любомиром Штроугалом в Праге обсуждался весь комплекс вопросов: сотрудничество в научно-техническом развитии и совместных исследованиях и разработках, в особенности в машиностроении, микроэлектронике, сельском хозяйстве и агропромышленном секторе, в химии и фармацевтике, а также предложения сторон по поставкам средств производства, в том числе и в форме капиталовложений. Важно отметить и тот немаловажный факт, что переговоры на высшем уровне затрагивали не только экономическое сотрудничество, но и возможности развития отношений в области культуры, образования, науки и здравоохранения⁴⁶.

Год спустя в беседе премьер-министров Штроугала и Раифа Дицдаревича предметом обсуждения стали международные аспекты сотрудничества. В чехословацком источнике отмечалось: «Р. Дицдаревич отметил необходимость повышения эффективности процесса СБСЕ, особенно в области экономического и научного сотрудничества. В этом контексте он поддержал чехословацкое предложение по созыву экономического форума в ЧССР. Он также сообщил о возросшей активности СФРЮ на Балканах, которая привела к встрече в этом году министров иностранных дел балканских стран, а также об югославских усилиях, направленных на укрепление безопасности и сотрудничества в Средиземноморье. Л. Штроугал придал большое значение существенному прогрессу, достигнутому на венской встрече СБСЕ в середине мая [1988 г.] благодаря проекту заключительного документа, представленного нейтральными и неучаствующими странами. В этом контексте он подчеркнул вклад СФРЮ в его разработку, а также тот факт, что это компромиссное предложение

⁴⁵ SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV ČSSR/ČSFR. Šk. 469. Č.j. 3368/86-11. Výsledky XIX. zasedání Československo-jugoslávského výboru pro hospodářskou a vědeckotechnickou spolupráci. S. 1-4.

⁴⁶ Ibid. Šk. 492. Č.j. 0467/87-taj. Výsledky oficiální přátelské návštěvy předsedy svazové výkonné rady SFRJ v ČSSR, s. 1-7.

обеспечивает хорошую основу для принятия всеобъемлющего и сбалансированного документа»⁴⁷.

В то же самое время к трем направлениям в чехословацко-югославском сотрудничестве присоединяется и четвертое, не менее важное, — региональное сотрудничество. Пример тому — визит во второй половине сентября 1985 г. в Хорватию и Словению словацкого политика и вице-премьера правительства Чехословакии Матея Лучана. На встрече с премьер-министром Социалистической Республики Хорватии Анте Марковичем была подчеркнута важность взаимных экономических связей и обозначены перспективы дальнейшего углубления и расширения сотрудничества в области кооперации и специализации производства. Представители двух стран особенно позитивно оценили долгосрочное сотрудничество чехословацких предприятий «Стройсмалт» и «Омниа» с югославским заводом «Раде Кончар». Лучан сосредоточился на информации о подготовке XVII съезда КПЧ, а также подчеркнул большое значение культурного сотрудничества между ЧССР и СФРЮ. Переговоры свидетельствовали о заинтересованности словацкого политика и всего чехословацкого правительства, во-первых, в развитии взаимовыгодных экономических отношений и, во-вторых, в перспективах их дальнейшего углубления⁴⁸.

Во время пребывания Лучана в Социалистической Республике Словения (СРС), ее премьер-министр Душан Шинигой отметил важность чехословацко-словенских отношений. «Много словенцев получили образование в Чехословакии, успешно развивается, главным образом, экономическое сотрудничество», — напомнил он. Словенский политик особенно подчеркнул, что сотрудничество с Чехословакией «необходимо в дальнейшем углублять в интересах экономик обеих стран. Правительство СРС заинтересовано, прежде всего, в микроэлектронике, большое внимание здесь уделяют автоматизации и модернизации железных дорог». Вице-премьер Чехословакии был проинформирован и о том, что Словения обеспечивает 25% югославского экспорта и 15% национального дохода.

⁴⁷ Ibid. Šk. 515. Č.j. 0574/88-taj. Informace o průběhu a výsledcích oficiální přátelské návštěvy předsedy vlády ČSSR L. Štrougalu v SFRJ. S. 2.

⁴⁸ SNA. F. UV SSR/SR. Zasadania predsedníctva vlády ČSSR/ČSFR. Šk. 308. Č.m. 23551/85-22. Informace o průběhu a výsledcích návštěvy místopředsedy vlády ČSSR M. Lúčana na veletrhu v Záhřebu. S. 1.

В Словении Лучан посетил заводы и предприятия «Юготекстиль», «Интерэропа» и «Лука Копер». Сотрудники «Юготекстиля» отмечали влияние качества чехословацких тканей на высокий уровень выпускаемых югославских изделий, высоко оценив тридцатилетнее торговое сотрудничество с Чехословакией. В главном словенском порту Копер и на предприятиях «Изола» и «Дрога» просили Лучана рассмотреть перспективу поставок чехословацкой машиностроительной продукции.

В ходе визита Лучана в Хорватию и Словению обсуждались и неэкономические темы сотрудничества. Так, например, министр образования, культуры и спорта Хорватии Б. Гагро поднял вопрос о возможности увеличения количества чехословацких студентов в хорватских вузах. Представители Словении (председатель Комитета по образованию, спорту и здравоохранению и заместитель министра культуры) обратили внимание на возможности углубления культурного сотрудничества. В Словении чехословацкая делегация посетила современные культурные учреждения в Любляне, являвшиеся «достойной репрезентацией словенской архитектуры и культуры»⁴⁹.

По итогам данного визита были сформулированы конкретные задачи по расширению чехословацко-словенско-хорватского сотрудничества (разработка Чехословакией направлений политической и социально-экономической пропаганды, обсуждение вопросов кооперации и специализации производства и расширение двустороннего торгового обмена, обсуждение условий по кооперации производства малых тракторов и оборудования для них между «Агрозетом Простейов» и «Беллпана Биеловар», приглашение посетить Чехословакию для министров образования Словении и Хорватии, учет предложений отдельных союзных республик СФРЮ при подготовке рабочего плана по выполнению культурного соглашения между двумя странами и рассмотрение возможности отправки большего количества студентов в СФРЮ, в особенности по специальности «архитектура»).

В дальнейшем эти контакты расширялись, и региональное изменение в чехословацко-югославских отношениях все более углублялось, хотя и не использовались сторонами все возможности, которые открывала перед ними подписанный 22 сентября 1987 г. Долгосрочная

⁴⁹ Ibid. S. 2–3.

программа экономического и научно-технического сотрудничества между ЧССР и СФРЮ на период 1988–2000 гг.

На переговорах в Чехословакии председателя Исполнительного совета Скупщины Словении Душана Шинигоя в первой половине апреля 1988 г. представители обеих сторон пришли к общему заключению о важности чехословацко-югославского регионального сотрудничества. Перспективы дальнейшего углубления отношений они связывали с разнообразными сферами человеческой деятельности, в особенности с развитием производственной кооперации и специализации в областях, представляющих взаимный интерес, таких как электротехника, электроника, черная и цветная металлургия, производство бытовой техники, текстиль, кожа, галантерея, грузовые и специальные транспортные средства, строительная техника, производство горного оборудования, деревообрабатывающая и бумажная промышленность, станки, производство кухонного оборудования, инструментов, мебели, продуктов питания, медикаментов и химических товаров. Стороны также подтвердили свою заинтересованность в дальнейшем расширении товарообмена, туристических, транспортных и других услуг, подчеркнув при этом, что реализуемая перестройка экономического механизма в ЧССР и экономическая реформа в СФРЮ позволяют создавать совместные предприятия, устанавливать дальнейшие прямые отношения и действовать совместно на чехословацком и югославском рынках, а также в третьих странах. Помимо экономики на данной встрече обсуждались и перспективы развития других областей общественной деятельности, таких как культура, образование и здравоохранение⁵⁰.

Более подробно представители двух стран обсуждали некоторые конкретные направления в двустороннем сотрудничестве. Чехословацкая делегация подчеркнула заинтересованность в участии в инвестиционном строительстве в Словении и в СФРЮ с помощью словенских организаций для того, чтобы увеличить поставки чехословацких станков, грузовиков и энергетического оборудования на территорию всей Югославии и наладить экспорт чехословацких локомотивов и трамваев в Словению.

⁵⁰ SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania vlády ČSSR/ČSFR. Šk. 513. Č.j. 11483/88-11. Informace o průběhu a výsledcích oficiální přátelské návštěvy předsedy Výkonné rady Skupštiny Socialistické republiky Slovenska, Dušana Šinigoje v ČSSR. S. 2–3.

Словенская делегация выдвинула на первый план важность сотрудничества в сфере экономических услуг и выразила заинтересованность в дальнейшем развитии отношений в области туризма, транспорта и строительства. В этом контексте она предложила расширить использование словенского порта Копер, участие чехословацких организаций в строительстве железнодорожной линии в северо-восточной Словении, что позволило бы увеличить чехословацкий транзит через территорию Словении, а также в восстановлении отеля «Palace» в г. Портороже⁵¹.

В то же самое время расширялись и словацко-хорватские отношения. В конце рассматриваемого периода состоялись две встречи — приезд в Словакию председателя Исполнительного совета Сабора Социалистической Республики Хорватия А. Миловича 29 октября 1988 г.⁵² и ответный визит в Загреб председателя правительства ССР И. Кнотека 21–23 мая 1989 г.⁵³

Таким образом, рассмотренный формат отношений позволял, во-первых, реализовать задачи социалистической интеграции в экономической сфере и, во-вторых, защищать национальные интересы каждой из стран «социалистического лагеря». Были запущены в действие механизмы независимых государств, ясно осознавших, на какие именно отрасли экономики необходимо ориентироваться, чтобы развивать свои страны. Однако, чем больше они стремились реформировать свою экономику, тем больше они отставали от западных, промышленно развитых государств. Это приводило в движение оппозицию — диссидентов, что вылилось в противостоянии населения и власти в 1989 г. Начиналась новая эпоха — переходной экономики, а затем и рыночной системы.

Чехословакия вышла из «социалистического лагеря», не имея никакой задолженности перед странами, входившими в СЭВ, в отличие от СССР, затем Российской Федерации, у которой насчитывался

⁵¹ Ibid. S. 3; Příloha č. II. Návrhy na rozšírení spolupráce přednesené oběma delegacemi v průběhu jednání. S. 1–2.

⁵² Ibid. Zasadania vlády SSR/SR. Šk. 780. Č.j. 142/89. Správa o priebehu a výsledkoch pracovnej návštevy predsedu Výkonnej rady Saboru Socialistickej republiky Chorvátska Antuna Miloviča v dňoch 13. až 15. novembra 1988.

⁵³ Ibid. Šk. 791. Č.j. 1710/1989. Správa o priebehu a výsledkoch pracovnej návštevy predsedu vlády SSR Ivana Knotka v Socialistickej republike Chorvátska v dňoch 21. – 23. mája 1989.

весьма существенный долг перед Чехословакией или Венгрией. Эта проблема уже изучалась российскими историками, которые считают, что проблема урегулирования задолженности обусловила снижение интереса России «к развитию торговых отношений со странами, отказавшимися идти на списание и иные уступки в этом процессе»⁵⁴. Однако чехословацкие и словацкие архивные документы рисуют совершенно другую картину.

Задолженность СССР образовалась в связи с повышением мировых цен на нефть, что привело к возникновению отрицательного сальдо торгового баланса для СССР в торговле с Чехословакией. Этую проблему можно было решить тремя способами.

Во-первых, СССР мог отказаться от части чехословацких товаров. Безусловно, это вызвало бы серьезные экономические проблемы в самой Чехословакии, поскольку в этом случае произошло бы нежелательное и существенное сокращение советской стороной чехословацкого экспорта машиностроения и оборудования. Чехословацкий экспорт был «территориально заменяем» только в минимальной степени, так как эти товары были неконкурентоспособны на европейском рынке⁵⁵. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что советский рынок нуждался в этих товарах, и, таким образом, СССР должен был их закупить у какой-нибудь другой страны.

Во-вторых, существовала возможность увеличения экспорта СССР в Чехословакию. Однако в связи с состоянием экспортных фондов в советской экономике рост физических объемов советских поставок в ЧССР стало невозможным даже в области обрабатывающей промышленности⁵⁶.

Оба эти варианта не устраивали ни одну из сторон. Решение проблемы виделось в выделении кредита правительством ЧССР для погашения отрицательного сальдо торгового баланса Советского Союза, т. е. на закупку чехословацких товаров, поставляемых СССР. По сути дела, Чехословакия, таким образом, поддержала свое производство, свой экспорт в СССР. Такую же поддержку оказали, к примеру, и США в 1993 г. своему сельскому хозяйству. Тогда была

⁵⁴ Вышеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной. М., 2010. С. 252–253, 261.

⁵⁵ SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania vlády ČSSR/ČSFR. Šk. 537. Č.j. 0670/89-taj. Příloha I. Sjednání dohody s vládou SSSR o poskytnutí úvěru vládě SSSR.

⁵⁶ Ibid.

выделена помощь для РФ в размере 1,6 млрд долларов США, из которой 700 млн долларов ушло на закупку Россией американского зерна⁵⁷. Следовательно, такая политика чехословацкого правительства была не единичным случаем в мировой практике.

Что касается погашения задолженности СССР и РФ перед Словакией в 1990-х гг., то архивные документы позволяют сделать заключение о развитии экономических отношений между двумя странами, а не об их торможении. Словакия благодаря российским долговым обязательствам получила как современную авиатехнику (МиГ-29, в частности), модернизируя тем самым свои вооруженные силы, так и атомное топливо, что ей в определенной степени помогло достроить атомную электростанцию Моховце. Особую роль в погашении советской и российской задолженности сыграли российские технологии. Словацкие ученые из Института стандартизации, метрологии и испытаний Словацкой академии наук в 1996 г. заинтересовались российским изохронным циклотроном и технологиями Объединенного института ядерных исследований в Дубне. С целью их получения они обратились к словацкому правительству с просьбой дать им возможность использовать часть долговых обязательств СССР и РФ перед Словакией.

Вторым технологическим проектом 1996 г. стал Международный лазерный центр в Братиславе (МЛЦБ), в создании которого использовались разработки сотрудников Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МЛЦ МГУ). Авторы проекта рассчитывали не только на развитие в Словакии данных технологий, но, в особенности, на получение доступа к всемирному рынку научкоемкой продукции. В Научном отчете МЛЦ МГУ за 1999 г. МЛЦБ охарактеризован как «уникальный даже в масштабах Европы современный исследовательский центр <...> способный решать самые сложные задачи лазерной физики, химии, биологии, медицины и технологий». А в одном из трудов российских физиков МЛЦБ перечислен в списке «крупнейших зарубежных центров» наряду с лазерными НИИ США, Германии, Франции, Италии, Великобритании, Канады, Японии, Голландии и Финляндии⁵⁸.

⁵⁷ Diplomatický archív Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky. F. ZÚ Washington. Kr. 24. Fasc. 253-100. Č.m. 1579/93. S. 2.

⁵⁸ Подробнее см.: Никитин В. В. Словацко-российские отношения в научной области (1993–2002 гг.) // Запад–Восток. 2018. № 11. С. 131–139.

В целом, можно сделать заключение, что несмотря на некоторые трудности, Словакия в вопросе о задолженности российской стороны, несомненно, добилась заметного успеха. Если в конце апреля 1994 г. погашение задолженности РФ перед Словацкой Республикой находилось приблизительно на уровне урегулирования данного вопроса по отношению к Венгрии и Чешской Республике, то в 1995 г. ситуация была иной. Можно согласиться с министром финансов РФ В.Г. Панковым, констатировавшим, что «Словакия — одна из немногих стран, которой Россия начала в сравнительно больших объемах выплачивать долги»⁵⁹.

Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что словацко-российские отношения в 1990-х гг. основывались на чехословацко-советских экономических связях и демонстрировали положительную динамику в тех направлениях, в которых сотрудничество стало выгодным для обеих стран. Такая тенденция сохраняется и до сегодняшнего дня, ведь как словацко-российская межправительственная комиссия, так и финансовый инструментарий СЭВ (Международный инвестиционный банк, переведенный из Москвы в Будапешт) существуют и работают до настоящего момента. Вряд ли что-либо изменится и в ближайшем будущем, так как эти организации сыграли важную роль не только в коммунистическом прошлом, но и осуществляют серьезные функции в демократическом настоящем.

⁵⁹ Подробнее см.: Никитин В.В. Возникновение советской задолженности и пути ее урегулирования в словацко-российских отношениях в 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 20–28.

Б. С. Новосельцев

Внешнеполитический аспект югославской и румынской моделей социализма в конце 1967 — первой половине 1968 гг.

Говоря о месте Югославии в мире времен «холодной войны», необходимо иметь в виду ее особое положение социалистической страны, не входящей в советский лагерь и явившей пример того, как в условиях bipolarного противостояния малое государство способно не просто сохранить свой суверенитет и проводить независимый политический курс, но при этом играть заметную роль в мире и повысить уровень благосостояния своих граждан. Это особое положение Югославии, часто именуемое «югославской моделью» социалистического строительства, предполагало рабочее самоуправление и проведение политики неприсоединения к военно-политическим блокам. Последовательное выдвижение на передний план национально-государственных интересов вызывало большой интерес всех реформаторов социализма, в том числе деятелей венгерской революции 1956 г. и участников Пражской весны 1968 г. Внешнеполитическая составляющая югославской модели привлекала внимание и соседней Румынии.

Целью ее политического руководства были защита национального суверенитета страны, обеспечение невмешательства во внутренние дела и равноправного сотрудничества с другими социалистическими странами, включая и СССР. В этой связи ее руководство решительно выступало против развития интеграции в рамках Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и расширения функций их надгосударственных органов. В подобных действиях румынская сторона видела инструмент Москвы для навязывания своей воли.

Задействуя некоторые элементы югославской внешней политики, Николае Чаушеску предпринял попытку закрепить за Румынией репутацию страны, поддерживающей хорошие отношения со всеми государствами, вне зависимости от их политической ориентации и принадлежности к блокам. Тем самым он хотел добиться большей независимости, увеличить значимость своих внешнеполитических акций и более эффективно использовать выгоды международного политического и экономического сотрудничества. Подобную позицию Румынии, остававшейся при этом, в отличие от Югославии, страной «социалистического лагеря», историки, как правило, обозначают термином «особый курс»¹.

Таким образом, совпадение внешнеполитических задач и понимание приоритета национально-государственного развития над абстрактными идеалами социалистического интернационализма обусловили выступление двух стран со схожих позиций, особенно в отношениях с СССР, ставившим во главу угла укрепление единства социалистического блока, при сохранении своего влияния в международном рабочем движении. Например, в 1965–1967 гг. по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе Югославия и Румыния продвигали идею развития взаимодействия малых и средних государств с разным общественно-политическим устройством, что позволило бы им совместно влиять на принятие важнейших решений относительно судеб Европы, а возможно, и всего мира².

Рассматриваемый период интересен возникновением вызовов, ставивших под сомнение возможность дальнейшего существования югославской и румынской моделей социализма в неизменном виде. Причины этого видятся не только в опасениях военной интервенции в Югославию и Румынию в 1968 г. (на основании доступных источников, трудно судить, существовали ли подобные планы у советского

¹ В российской историографии см., например: Васильев А. В. «Особый курс» Н. Чаушеску—внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. Научный журнал, 2001. № 4. С. 72–97; Гладышева А. С. Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 50-х – начало 60-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. № 2. Ставрополь, 2014.

² Новосельцев Б. С. Позиция Югославии и Румынии по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе (в 1966 – начале 1967 гг.) // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / Отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб, 2017. С. 347–363.

руководства и насколько это вообще было возможно), но и в ситуации, сложившейся после Шестидневной войны на Ближнем Востоке (5–10 июня 1967 г.).

13 июня 1967 г. Югославия разорвала дипломатические отношения с Израилем, так же, как и другие социалистические страны во главе с СССР, все, кроме Румынии. В Бухаресте подчеркнуто демонстрировали свое нежелание быть втянутыми в акции «социалистического лагеря»³. По оценкам югославских аналитиков, в стремлении укрепить свои независимость и суверенитет румыны доходили до догматизации этих принципов и видели главную задачу, в первую очередь, в том, чтобы защититься от советского гегемонизма⁴. В странах «третьего мира» нежелание румын поддержать арабские государства и решительно осудить агрессию Израиля также было воспринято с разочарованием. С другой стороны, стремясь в середине 1960-х гг. позиционировать свою страну как независимый фактор в международных отношениях, румынское руководство пыталось использовать обвинения и споры со странами «социалистического лагеря» для того, чтобы добиться активизации диалога с Западом. В 1967 г. премьер-министр Румынии Йон Маурер посетил США и Францию. Побывал он и в Китае, стремление к развитию отношений с которым всегда встречало негативную реакцию Москвы.

Возникли спорные вопросы и в отношениях с Югославией, на которую Румыния опиралась в своей борьбе за достижение большей независимости от СССР. События на Ближнем Востоке стали катализатором резкого разворота во внешней политике югославского руководства. До конца 1967 г. СФРЮ⁵ приняла участие в пяти конференциях европейских коммунистических партий, чего югославы решительно избегали прежде, несмотря на уговоры и давление со стороны советских руководителей⁶. Подобные изменения политического

³ Подробнее см. Новосельцев Б. С. Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г. // Славянин и Россия: проблемы войны и мира на Балканах XVIII–XIX вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева / Отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017; Životić A. Jugoslavija i Bliski Istok u Hladnom ratu (1945–1970) // Jugoslavija u Hladnom ratu. Zbornik radova. Beograd, 2010.

⁴ AJ. KPR. I-3-a/97-18. Poseta partijsko-vladine delegacije SR Rumunije na čelu sa Nikolare Čaušeskuom. 14-19.06.1967. Odložena // Rumunija i dogadjaji na Bliskom Istoku.

⁵ Социалистическая федративная республика Югославия.

⁶ Подробнее см.: Bogetić D. Približavanje Jugoslavije socijalističkom lageru tokom arapsko-izraelskog rata 1967. godine // Tokovi istorije. 2008. № 3–4.

курса были связаны с необходимостью организации срочной и масштабной помощи арабским странам: на конференциях югославы проявляли активность именно по этому вопросу, стремясь не допустить еще одного военного поражения или отказа этих государств от политики неприсоединения. В случае Египта, однако, так и случилось: приоритетом курса президента Объединенной арабской республики Гамала Абдель Насера с этого момента становилось развитие всестороннего сотрудничества с СССР при все большем скепсисе в отношении внеблокового движения. На переговорах в Каире с прибывшим в египетскую столицу с дипломатической миссией членом Политбюро ЦК КПСС Н. В. Подгорным Насер заявил: «Политики неприсоединения нет»⁷. Таким образом, в условиях кризиса внеблокового движения⁸ и ухудшения отношений с западными странами возможности для внешнеполитического лавирования Югославии были ограничены. Наметилась тенденция к отказу Белграда от равноудаленной от сверхдержав позиции и постепенному сближению с СССР.

16 июня в городке Добановцы под Белградом состоялись переговоры между Й. Броз Тито и румынским министром иностранных дел К. Мэнеску, посвященные ситуации на Ближнем Востоке. Стороны не смогли прийти к общему мнению по этому вопросу. Казалось, что Тито и Мэнеску говорят каждый о своем, не особенно прислушиваясь к словам собеседника. Югославский президент подчеркивал, что «агрессора следует называть агрессором», нельзя одинаково относиться к обеим сторонам конфликта и необходимо помочь арабским государствам. Румынский министр повторял, что позиция СРР⁹ не слишком отличается от югославской. Вместе с тем он выразил мнение, что арабские государства также отчасти несут ответственность за начало конфликта, и назвал признание ими права на существование Израиля одним из важных условий начала мирных переговоров. Тито в ответ выразил сожаление, что стороны имеют столь разные взгляды по этому вопросу¹⁰. В итоге югославы притормозили развитие политического

⁷ Ibid. S. 114. S. 98–115.

⁸ См. Новосельцев Б. С. Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов // Славяноведение. 2013. № 4. С. 40–48.

⁹ Социалистическая республика Румыния.

¹⁰ Ibid. I-3-a/97-17. Rumunija. Prijem ministra inostranih poslova Kornelija Manesku-a // Zabeleška o razgovoru Predsednika Republike Josipa Broza Tita s ministrom inostranih poslova SR Rumunije Korneliju-em Manesku-om. 16.06.1967.

сотрудничества с Румынией. Визит в СФРЮ Н. Чаушеску, планировавшийся на 14–19 июля, был отложен. Если в 1966 г. лидеры двух стран обменялись визитами, а в 1968 г. состоялись три таких встречи, то в 1967 г. переговоров на высшем уровне не было. Сдерживался по инициативе югославской стороны и обмен другими делегациями¹¹.

Однако румыны в отношениях с Югославией (равно как и с Китаем, или СССР) исходили из принципа, согласно которому отдельные разногласия не должны препятствовать развитию сотрудничества, основанного на общих долгосрочных интересах двух стран¹². Общие или близкие позиции по вопросам европейских безопасности и сотрудничества, равноправия и суверенитета отдельных государств в рамках международного рабочего движения, роли малых и средних стран в Европе способствовали развитию диалога между Белградом и Бухарестом. Кроме того, общим было желание превратить югославско-румынские отношения в некий образец, пример равноправного сотрудничества двух суверенных социалистических государств. Поэтому диалог происходил на более низком уровне очень недолго, уже в начале 1968 г. удалось провести и переговоры в верхах.

3–4 января Тито и Чаушеску провели неофициальную встречу в хорватском местечке Белье, где, кроме переговоров, руководители двух стран также нашли время для охоты.

Начало беседы было посвящено внешнеполитической проблематике. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 по ситуации на Ближнем Востоке¹³, судя по всему, способствовала некоторому примирению позиций румын с другими социалистическими странами. В Бухаресте были согласны с необходимостью придерживаться ее статей. Кроме того, Чаушеску поддержал оценку Тито, что американским империалистам выгодна ситуация, при которой в регионе на долгий период сохраняется напряженность и нестабильность¹⁴.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 387–388. Запись беседы с советником посольства СФРЮ в Бухаресте тов. М. Коматина. 09.09.1967.

¹² AJ. KPR. I-3-a. 97-20. Poseta generalnog sekretara CK KP Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03-04.01.1968 // Podsetnik za razgovore sa Čaušeskuom i njegovim saradnicima (Belje, 3–4 januar. 1968).

¹³ Резолюция Совета Безопасности ООН № 242. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1967/res242.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).

¹⁴ AJ. KPR. I-3-a/97-20. Poseta generalnog sekretara CK KP Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03-04.01.1968 // Stenografske beleške sa razgovora vodjenih na Belju izmedju

Поскольку Румыния была единственной из социалистических стран, сохранившей дипломатические отношения с Израилем, Чаушеску на встрече выступил в роли посредника, «из первых уст» изложив югославам позицию Израиля и готовность его руководства «заплатить за мир», пойдя на серьезные уступки. Впрочем, он уклонился от ответа на вопрос, в чем будет конкретно выражаться эта «плата», отметив только, что израильянне стремятся к переговорам. Также он намекнул, что Израиль не будет предъявлять территориальных претензий, по крайней мере, значительных. При этом указал, что в отношении Сектора Газа Израиль имеет некоторое право предъявить свои территориальные претензии¹⁵.

На встрече проявилась обеспокоенность руководителей двух стран изменениями во внешнеполитической конъюнктуре. Чаушеску назвал одной из важнейших проблем международной жизни тенденцию к тому, что все ключевые вопросы решаются путем прямых переговоров между СССР и США. Он заметил, что все это напоминает ситуацию 1939 г., когда советские товарищи совершили ошибку, заключив договор с Гитлером, который привел не к миру, а к войне. Тито не согласился с подобным сравнением, подчеркнув, что все западные империалистические страны подталкивали Гитлера к войне с СССР. И едва ли тогда можно было бы ее избежать, отказавшись от подписания договора. Но, в свою очередь, привел другой пример, из истории: в 1944 г. «мы воевали, а Сталин с другими решал нашу судьбу»¹⁶.

Оба лидера ощущали себя на переднем краю борьбы малых и средних европейских государств за самостоятельность и невмешательство сверхдержав в их внутренние дела. Одной из важных задач советского руководства во второй половине 1960-х гг. было укрепление единства социалистических стран, восстановление прежнего статуса СССР как единственного мирового коммунистического центра. Для этого нужно было добиться координированного принятия

Predsednika SFRJ i Predsednika SKJ Josipa Broza Tita i generalnog sekretara Rumunske KP i predsednika Državnog saveta Socijalističke Republike Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03.01.1968.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. Судя по всему, Тито напомнил об известном «процентном соглашении» — договоренности между У. Черчиллем и И. В. Сталиным о сферах влияния в Юго-Восточной Европе (9 октября 1944 г.).

решений. Инструментом достижения этой цели, по задумке советских руководителей, должны были стать международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий, наподобие тех, что состоялись в 1957 и 1960 гг. в Москве. Одновременно были предприняты попытки придать супернациональный характер органам сотрудничества социалистических стран. Предполагалось создать объединенный штаб ОВД, решения которого были бы обязательны для всех участников, и общие плановые органы СЭВ, призванные осуществлять разделение и специализацию труда по экономическим регионам, что, по мнению румын, игнорировало государственные границы и ущемляло суверенитет социалистических стран.

В конце февраля 1968 г. в Будапеште состоялась консультативная встреча, посвященная подготовке международного совещания коммунистических партий (предполагавшего всемирный охват участников)¹⁷. Югославская делегация не была приглашена. Румынская делегация присутствовала на встрече, но покинула ее из-за поведения ряда делегатов из арабских стран, подвергнувших румын обструкции в связи с их позицией по ближневосточному конфликту.

На переговорах в Белье лидеры двух стран несколько раз возвращались к этой теме. Оба согласились, что на подобном совещании не может обсуждаться политика какой-то конкретной партии или страны. Очевидно, оба лидера опасались, что, помимо критики «левакской» политической линии китайского руководства, осуждению могут подвергнуться и югославский (а также румынский) «уклон вправо». Участник переговоров Э. Кардель¹⁸ отметил симптоматичность того, что югославская делегация не была приглашена на совещание. Он указал на желание советских руководителей выделить некую «правильную» линию, отделив ее от «неправильных» левой и правой¹⁹.

¹⁷ 24–28 апреля 1968 г. в Будапеште собралась комиссия по подготовке международного совещания коммунистических партий, без участия представителей СФРЮ и СРР (Правда. 1968. 30 IV).

¹⁸ Эдвард Кардель (1910–1979) — югославский общественно-политический деятель словенского происхождения; министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953 гг.); заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963 гг.); председатель Союзной Скупщины Югославии (1963–1967 гг.); член Президиума Югославии (1974–1979 гг.).

¹⁹ AJ. KPR. I-3-a/97-20. Poseta generalnog sekretara CK KP Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03–04.01.1968 // Nastavak razgovora 04.01.1968.

А М. Тодорович²⁰ подчеркнул, что в мире существует большое количество партий и прогрессивных движений, борющихся против империализма. И навязывать им какую-то одну генеральную линию было бы вредно для дела социализма²¹. Тито высказал мнение о необходимости приглашения на совещание представителей прогрессивных антиимпериалистических движений Азии и Африки²². Предложения о расширении числа участников того или иного форума за счет приглашения на него прогрессивных движений и правительственные делегации стран «третьего мира» можно было часто услышать от югославского руководителя в 1960-е гг. Уместно предположить, что размывая таким образом состав участников форума, Тито надеялся добиться демократизации его позиций и невозможности навязывания точки зрения большинства несогласному меньшинству.

Чаушеску довольно долго рассуждал о целесообразности участия Румынии в консультативной встрече. В итоге пришел к выводу, что следует ехать и добиваться того, чтобы большое международное совещание компартий было отложено, а дата его проведения осталась открытой²³. Также он намекнул, что будет высказано требование пригласить на конференцию югославскую делегацию. Тито усомнился, стоит ли это делать румынам, не будет ли это неправильно понято. Чаушеску заверил, что с требованием выступят другие, например итальянцы. На это представители югославской делегации дружно выразили сомнение в целесообразности своего участия. «Мы не можем согласиться с процедурой подготовки совещания, не можем согласиться с тем, что наперед говорится о создании некоторого международного органа сотрудничества, не можем согласиться

²⁰ Тодорович Мијалко (1913–1999) – югославский общественно-политический деятель. Министр сельского хозяйства ФНРЮ (1948–1953 гг.); заместитель председателя Комитета по экономической координации в правительстве СФРЮ (СИВ) (1958–1963 гг.); заместитель председателя Союзной Скупщины и председатель СИВ (1963–1967 гг.); председатель Союзной Скупщины (1971–1974 гг.).

²¹ AJ. KPR. I-3-a/97-20. Poseta generalnog sekretara CK KP Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03–04.01.1968 // Nastavak razgovora 04.01.1968.

²² Ibid. Stenografske beleške sa razgovora vodjenih na Belju izmedju Predsednika SFRJ i Predsednika SKJ Josipa Broza Tita i generalnog sekretara Rumunske KP i predsednika Državnog saveta Socijalističke Republike Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03.01.1968.

²³ Ibid. Nastavak razgovora u vreme ručka.

с тем, что “Правда” упоминает о решениях 1957 и 1960 гг.²⁴, — заявил Тито²⁵.

В качестве альтернативы предстоящему совещанию представители Югославии и Румынии выступили с инициативой проведения Европейской межпарламентской конференции, в которой приняли бы участие представители законодательных органов как социалистических, так и капиталистических стран. По словам Карделя, инициатива встретила сопротивление со стороны США, тотчас же поднявших вопрос об участии делегации парламента ФРГ, а с другой стороны, — ее проведению препятствовало «наше собственное сектантство, сектантство коммунистических партий и социалистических стран». О сектантстве коммунистических партий Тито вспомнил и позднее, когда говорил об их убежденности в обладании монополией на модель лучшего общественного устройства, отказывая в праве на существование социалистическим элементам в некоторых африканских прогрессивных движениях и партиях или западноевропейским социал-демократам²⁶.

По окончании встречи, находясь в автомобиле на пути к железнодорожной станции в Осиеке, лидеры обменялись характерными репликами:

«Чаушеску: Судя по всему, этот год будет полон разнообразными событиями в международных отношениях.

Тито: Судя по всему, будет много проблем <...>²⁷.

С 27 мая по 1 июня Чаушеску снова находился в Югославии, на сей раз с официальным визитом во главе партийно-государственной делегации. Первые два дня румынские гости провели в Белграде, а потом отправились на Бриони, где переговоры продолжились на вилле Тито.

²⁴ На московских совещаниях 1957 и 1960 гг. СКЮ был подвергнут критике и обвинен в ревизионизме. См. подробнее: Стыкалин А. С. «Наша критика не должна выливаться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х годов // Мир истории. Электронный журнал. 2015. № 1. Электронный ресурс. URL: http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_ednref4 (дата обращения: 30.08.2019).

²⁵ AJ. KPR. I-3-a/97-20. Poseta generalnog sekretara CK KP Rumunije Nikolae Čaušeskua. 03–04.01.1968 //Nastavakrazgovora 04.01.1968.

²⁶ Ibid. Nastavakrazgovora 04.01.1968.

²⁷ Ibid. Zabeleške iz razgovora vodjenog izmedju druga Josipa Broza Tita i druga Čaušeskua za vreme vožnje automobilom do železničke stanice u Osijeku 04.01.1968.

Югославский лидер довольно подробно рассказал о своих впечатлениях из поездки в Афганистан, Пакистан, Восточный Пакистан (Бангладеш), Камбоджу, Индию, Эфиопию и ОАР, а потом о своем другом турне в Японию, Монголию и Иран. В основном он делился общей информацией об этих странах, их экономическом развитии, внешнеполитическом курсе и проблемах.

Гораздо больше его собеседников, очевидно, интересовала встреча Тито с советскими руководителями в Москве (28–30 апреля 1968 г.). О ней югославский руководитель рассказал коротко, но довольно откровенно. В частности, было отмечено, что Л. И. Брежнев настаивал на участии Югославии в международном совещании компартий. Тито пообещал, но, указал, что на встрече в Будапеште подчеркивалось следование принципам деклараций совещаний 1958 и 1960 гг., что для Югославии было неприемлемо. Довольно точно Тито передал и содержание разговоров вокруг Чехословакии. Судя по всему, изначально эта тема не рассматривалась в качестве ключевой на встрече, однако положение изменилось после того, как 30 апреля была принята Программа действий Коммунистической партии Чехословакии. Как известно, этот документ предусматривал построение «новой модели социалистической демократии», основыивающейся на специфическом чешском опыте, и предполагала либерализацию, демократизацию, свободу слова, сокращение вмешательства партии в общественные процессы, федерализацию, а в международных отношениях — сотрудничество со всеми странами в интересах мира²⁸. Советские руководители довольно жестко выразили свои опасения, что ситуация выйдет из-под контроля КПЧ, и попытались оказать нажим на Тито, добиваясь его согласия с подобной оценкой. Однако Тито утверждал, что необходимо поддержать чехословацких руководителей, что «они хотят остаться на позициях социализма», и выразил уверенность в том, что КПЧ в состоянии самостоятельно справиться с ревизионистами. Кроме того, югославский президент особо указал на неприемлемость и катастрофические последствия военной интервенции²⁹.

²⁸ Bogetić D. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u svetu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968. godine // 1968 – četrdeset godina posle. Beograd, 2008. S. 133.

²⁹ AJ. KPR. I-2/38-4. Put J. B. Tita u SSSR. 28–30.4.1968 // Zabeleška o razgovoru u Centralnom Komitetu KPSS između Predsednika SFRJ, predsednika SKJ Josipa Broza Tita i generalnog sekretara CK KPSS L. I. Brežnjeva. 29.04.1968.

И Тито, и Чаушеску расценили события Пражской весны как попытку прогрессивных сил найти новые пути строительства социализма и способствовать укреплению социалистической демократии³⁰. Они горячо поддерживали возможность большей самостоятельности Чехословакии в рамках советского лагеря. Во-первых, полагая, что это будет способствовать укреплению их собственной позиции как независимых социалистических государств, а во-вторых, рассчитывая усилить свое идеологическое влияние в коммунистическом движении, поскольку были убеждены, что чешские реформаторы ориентируются именно на их пример и их модель социалистического развития. В этой связи показательно выступление 29 марта 1968 г. на пленуме ЦК БКП³¹ Тодора Живкова³². Болгарский руководитель назвал происходящие в Чехословакии события «делом югославского руководства, которое пытается через Румынию, Польшу и Чехословакию создать в нашей семье свое объединение <...>. Мы должны действовать таким образом, чтобы навести порядок и в Чехословакии, и в Румынии, а затем и в Югославии»³³. Отметим также, что американские аналитики в конце апреля 1968 г. обсуждали советское военное вмешательство в Чехословакии или даже Румынии как вполне вероятный сценарий развития событий³⁴.

Поэтому неудивительно, что уже весной 1968 г. румынские и югославские руководители, испытывая беспокойство в свете меняющихся тенденций в политике СССР и стран советского лагеря, заявляли о своей поддержке руководства Чехословакии и стремились более плотно сотрудничать в этом вопросе между собой.

Так, 31 мая во время переговоров на Бриони Чашеску подчеркнул: «В основе тех вопросов, которые сейчас ставятся не только

³⁰ Ibid. I-3-a/97-21. Poseta partijsko-državne delegacije SR Rumunije na čelu sa Nikolaem Čaušeskuom. 27.05–01.06.1968 // Informativni materijal.

³¹ Центральный комитет Болгарской коммунистической партии.

³² Живков Тодор (1911–1998). Болгарский партийно-политический деятель. Генеральный секретарь ЦК БКП (1954–1989 гг.). Председатель Совета министров Болгарии (1962–1971 гг.). Председатель Государственного совета Болгарии (1971–1989 гг.).

³³ Улунян Ар.А. 1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей. М., 2013. С. 356.

³⁴ Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Document 21. Memorandum from the Deputy Under Secretary of State for Political Affairs (Bolhen) to the Under Secretary of State (Katzenbach). April, 28. 1968.

в Чехословакии, но и в Китае, и в других странах, лежат вопросы нахождения путей дальнейшего и более эффективного развития». Он указал, что Чехословакия в межвоенный период была развитой страной, которая за последние 20 лет (т.е. за время развития в рамках плановой экономики) достигла, по сути, слабых экономических результатов. Сравнил ее с Румынией, которая в каком-то смысле оказалась даже в более выигрышной ситуации — до войны страна заметно отставала в своем развитии, поэтому результаты последних десятилетий очевидны по всем направлениям³⁵. Стороны согласились, что перемены в Чехословакии — исключительно внутреннее дело ее народов, а Чаушеску даже пошел дальше, заметив, что положительно оценивает происходящее там³⁶.

Еще одной ключевой темой переговоров стала политика Москвы, направленная на укрепление единства социалистических стран, приобретающая по мере развития ситуации в Чехословакии все большую актуальность и критическую значимость для будущего развития Центральной и Юго-Восточной Европы, а также мировой социалистической системы.

Чаушеску информировал югославскую сторону о некоторых деталях заседания Политического консультативного комитета ОВД в Софии (6–7 марта 1968 г.). На повестке дня стояло два основных вопроса: обсуждались проект Договора о нераспространении ядерного оружия от 18 января 1968 г. и функции военного командования в рамках Штаба Варшавского пакта. В обоих случаях ярко проявилась «особая позиция» Румынии.

По первому вопросу Бухарест с начала 1960–х гг. выступал за создание на Балканах безъядерной зоны, видя в этом возможность усиления своего влияния в регионе. Когда же началось обсуждение Договора о нераспространении ядерного оружия, румыны выдвинули следующие требования: предоставление гарантий безопасности неядерным странам; принятие ядерными государствами обязательств предпринять шаги в направлении разоружения; установление международного контроля за выполнением принятых обязательств и их периодическая ревизия. Проект договора, обсуждавшийся в Софии,

³⁵ AJ. KPR. I-3-a/97-21. Poseta partijsko-državne delegacije SR Rumunije na čelu sa Nikolae Čaušeskuom. 27.05–01.06.1968 // Razgovori su nastavljeni na Brionima u vili Brionka. 31.05.1968.

³⁶ Ibid.

по мнению румынских представителей, этим требованиям не соответствовал. Румыния, в отличие от всех остальных стран, настаивала на внесении дополнений в проект. По словам польского лидера Владислава Гомулки, «позиция румын означала раскол». В итоге было опубликовано заявление об одобрении проекта от имени 6 социалистических стран, в котором не упоминались Румыния, а также ПКК ОВД³⁷.

По вопросу создания единого командования вооруженными силами ОВД в рамках объединенного Штаба румынские руководители тоже решительно выступали против. По их мнению, предложенный проект, в конечном счете, означал ликвидацию национальных армий и передачу их в подчинение Штабу, как некой надгосударственной организации, находящейся «вне» или «над» всеми странами. Указывая в качестве аргумента на то, что империалистические страны начали вмешиваться во внутренние дела социалистических государств (например, ситуация в Чехословакии), некоторые страны ОВД, по словам Чаушеску, «призывают к созданию такой команды, которая могла бы вмешиваться <...> во внутренние дела других стран»³⁸.

Тито со своей стороны решительно осудил подобную практику, назвав это «движением назад», «ошибочной политикой» и нанесением ущерба «всему, что есть прогрессивного в мире». Следующие его слова можно назвать главным югославским принципом в международных отношениях (в том числе в политике неприсоединения) и основным (по его мнению) принципом развития социализма в Европе и в мире: «Каждая страна должна развиваться самостоятельно, без вмешательства извне в ее внутренние дела». В ответ Чаушеску сделал вывод о том, что ряд руководителей «не понимают происходящих изменений и необходимости самостоятельного социалистического развития <...>. Вместо того, чтобы поддерживать все новое и прогрессивное <...>, они используют старые средства, которые служили им в прошлом»³⁹.

³⁷ Подробнее см.: Гладышева А. С. Позиция Румынии по вопросу нераспространения ядерного оружия // Славяноведение. 2018. № 5. С. 60–73.

³⁸ AJ. KPR. I-3-a/97-21. Poseta partijsko-državne delegacije SR Rumunije na čelu sa Nikolae Čaušeskuom. 27.05–01.06.1968 // Zabeleška o jugoslovensko-rumunskim zvaničnim razgovorima 28.05.1968.

³⁹ Ibid.

Что касается возможности угрозы извне, агрессии со стороны империалистов, Тито подчеркнул, что в этом случае и Югославия, хотя она и не член Варшавского договора, выступила бы вместе с другими социалистическими странами: «Наши собственные интересы требуют, чтобы мы боролись за сохранение социалистической системы»⁴⁰. Подобное развитие событий было в некотором смысле крайней точкой, линией горизонта, где национальные интересы Югославии и Румынии смыкались, совпадали с международными интересами международного социалистического движения. Кажется, что Тито и Чаушеску в тот момент в это действительно верили.

Через две недели после совещания в Софии представители шести стран Варшавского договора встретились в Дрездене, где обсуждалась ситуация в Чехословакии. Румынская делегация на нее приглашена не была. Официального объяснения этому не последовало, неофициально было указано, что позиция Бухареста и так ясна и что участие румын могло бы осложнить работу по повестке дня встречи. В то же время в коммюнике по ее итогам отмечалось, что в Дрездене обсуждались создание общих органов в рамках СЭВ, а также военное командование ОВД. По вопросу развития взаимодействия в рамках СЭВ Чаушеску прокомментировал позицию Румынии следующим образом: «Необходимо как можно более широкое сотрудничество в производстве и экономике в целом, однако это должно быть результатом непосредственных прямых переговоров двух или нескольких стран <...>. Мы не видим смысла в существовании некоего надгосударственного органа, который действовал бы помимо или во имя правительства стран-участниц СЭВ»⁴¹.

Подводя итог краткому рассмотрению внешнеполитического аспекта развития югославской и румынской моделей социализма в первой половине 1968 г., можно сделать вывод, что лидеры этих стран не просто стремились к защите своего суверенитета, невмешательству во внутренние дела и равноправному сотрудничеству, используя причудливо складывавшуюся международную конъюнктуру конца 1960-х гг. сугубо в национальных интересах собственных государств. Они также были отчасти подвержены иллюзии относительно своей возможности оказать заметное влияние на международные

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

отношения, оседлав волну демократизации, происходившей в мире в этот период.

В ходе переговоров на Бриони Тито указал, что эти изменения имеют далеко идущие последствия. Причем они происходят как в капиталистических, так и в социалистических странах. И там, и тут речь идет об изменении способов принятия решений, ставится вопрос об участии общественных масс в их обсуждении⁴². В качестве примера стороны привели события, происходившие во Франции⁴³, и ситуацию в Чехословакии. Тито также отметил происходящие в мире процессы глобализации: мир «все больше становится единым целым: в экономическом, а также и в политическом смысле». Как следствие, он выразил мнение, что «нынешняя система международных отношений, в которой преобладает политика силы, должна быть ликвидирована». В качестве альтернативы он назвал новую систему, основанную на равноправии, независимости и помощи развивающимся странам⁴⁴.

При этом сотрудничество Югославии и Румынии, по большей части политическое и ярко проявлявшееся в виде регулярных встреч лидеров двух стран, высоко оценивалось ими как важный вклад в укрепление принципов независимости, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и т. д. Тито во время окончания брионского раунда переговоров назвал его примером не только для социалистических стран, но и для всего мирового сообщества⁴⁵.

⁴² Ibid. Razgovori su nastavljeni na Brionima u vili Brionka. 31.05.1968.

⁴³ Кризис, начавшийся со студенческих выступлений, позже вылился в массовые демонстрации, забастовки и беспорядки. В результате произошла смена правительства, а президент Франции Шарль де Голль вынужден был, в конце концов, подать в отставку со своего поста.

⁴⁴ AJ. KPR. I-3-a/97-21. Poseta partijsko-državne delegacije SR Rumunije na čelu sa Nikolae Caušeskuom. 27.5.–1.6.1968 // Razgovori su nastavljeni na Brionima u vili Brionka. 31.05.1968.

⁴⁵ Ibid.

B.B. Волобуев

Римско-католическая церковь в ПНР (1944–1989 гг.): оппозиция или часть системы?

Вследствие военных действий, изменения границ, массового истребления нацистами евреев, а также выселения немцев и украинцев Польша превратилась фактически в мононациональное государство, в котором господствовавшей конфессией исторически являлся католицизм. Если в 1938 г. католики составляли 65 % населения страны, то в 1945 г. – 97,7 %.

Утвердившие свою власть марксисты из Польской рабочей партии (с 1948 г. – Польской объединенной рабочей партии (ПОРП)) рассматривали костел как идеологического противника. Политика властей после 1944 г. была направлена на размежевание римско-католической церкви в Польше с Ватиканом и построение национального костела. С этой целью режим поддерживал раскольнические церковные организации и постепенно отстранял духовенство от просветительской, образовательной и благотворительной деятельности¹.

В 1945 г. Временное правительство разорвало конкордат с Апостольской стolicей под предлогом того, что после нападения Германии на Польшу страну самовольно покинул нунций Филиппо Кортези, а Святой Престол в одностороннем порядке изменил границы диоцезов и назначил немецкого гражданина, епископа Карла Сплетта, администратором Хелминской епархии². Епископат отреагировал

¹ Markiewicz S. Państwo i Kościół w Polsce. Warszawa, 1984. S. 33.

² Żurek J. Ruch księży patriotów w województwie Katowickim 1949–1956. Warszawa-Katowice 2009. S. 42, 43.

на разрыв конкордата негативно, но без бурных протестов. Куда больше его задело введение светского брака³.

В первые два послевоенных года власти не атаковали костел, занятые больше подавлением всех антикоммунистических сил⁴. Коммунисты вернули клиру отобранное немцами имущество, освободили церковные земли от аграрной реформы, возродили Люблинский католический университет и вернули в школы уроки Закона Божьего в качестве факультатива. Не были отменены и такие праздники, как Рождество и Пасха, остававшиеся нерабочими днями весь период существования «Народной Польши» (1944–1989 гг.). Камнем преткновения, однако, оставался вопрос западных территорий, перешедших после войны к Польше. Ватикан отказывался устанавливать там постоянную церковную администрацию, пока ФРГ не признает новые границы. Коммунистическая пропаганда использовала это в своих целях, чтобы обвинить Святой Престол в антипольской политике и тем самым отвадить верующих от римско-католической церкви.

Таким образом, кроме трех митрополий (Варшавской, Краковской и Гнезненской), под управлением польского епископата после войны оказались пять временных апостольских администраций на присоединенных землях (Вроцлавская, Опольская, Гданьская, Ольштынская и Гожовская), а также три — на востоке страны (Любачовская, Белостокская и Дрогичинская). Эти последние замещали католические митрополии в Вильнюсе и Львове, запрещенные советскими властями. Столь неопределенное положение, чреватое к тому же конфликтом с СССР, создавало огромные сложности деятельности римско-католической церкви в Польше.

В 1945–1947 гг. государственные органы зарегистрировали еще несколько деноминаций: методистов, адвентистов седьмого дня, баптистов, Польскую национально-католическую церковь, Польскую старокатолическую церковь и Старокатолическую церковь мариавитов. Все они, а также Польская православная, Евангелическо-аugsбургская и Евангелическо-реформатская церкви в Польше, вошли в состав Польского экуменического совета, восстановленного в октябре 1945 г.

³ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2006. S. 16–17.

⁴ Żaryn J. Dzieje Kościoła Katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa, 2003. S. 64.

Однако под немедленный запрет попали Свидетели Иеговы, в которых видели агентуру ЦРУ⁵. Суровым преследованиям подверглись также греко-католики. В новых границах Польши их оказалось примерно 250 тыс., сосредоточенных почти исключительно на юго-востоке. После акции «Висла» в 1947 г.⁶ украинцев расселили на западных и северных землях. Польский епископат взял униатов под свое покровительство (в частности, позволил униатам проводить службы в католических храмах, выступал с протестами против арестов униатского духовенства органами НКВД), а Святой Престол наделил польских примасов полномочиями делегатов по вопросам католиков византийского обряда⁷. Однако между католическим и униатским духовенством в Польше и за границей шел вялотекущий конфликт: греко-католиков возмущали захваты пустующих униатских храмов католическими священниками (например, пшемыслским епископом И. Токарчуком), а польские прелаты сопротивлялись попыткам униатов добиться для себя от Ватикана статуса отдельной церкви.

С утверждением однопартийной диктатуры в 1948 г. перед правящим режимом встал вопрос подчинения государству последнего мощного оппонента — Римско-католической церкви. Епископат никогда не выражал своих политических пристрастий и не выступал против новой власти. Однако чрезвычайно враждебную позицию по отношению к коммунизму занимал римский папа Пий XII. В июле 1949 г. понтифик издал декрет, в котором под угрозой отлучения запретил католикам входить в состав компартий и даже сотрудничать с коммунистами. Не являлась также секретом враждебность, которую испытывало немало священников по отношению к «рабоче-крестьянской власти». Часть польского духовенства сотрудничала с вооруженным подпольем, а примас Хлёнд получал ежемесячные информационные записки от конспиративной организации «Свобода и независимость», пришедшей на смену Армии Крайовой⁸.

⁵ Ibid. S. 59.

⁶ Акция «Висла» (польск. Akcja «Wisła») — военно-административная операция по выселению непольского населения (украинцев, лемков) из юго-восточных районов Польши на северные и западные территории, ранее германские. Осуществлялась с конца апреля по октябрь 1947 г. (прим. редколлегии).

⁷ Żaryn J. Dzieje Kościoła Katolickiego. S. 71–72.

⁸ Dudek A., Grzyb R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 11–12.

Взаимная неприязнь между партией и клиром усугублялась большим процентом еврейских функционеров в руководящих органах ПОРП и особенно госбезопасности. Например, келецкий епископ Ч. Качмарек без обиняков сообщал в 1946 г. американскому послу: «Госбезопасность — это организация, сравнимая с гестапо и руководимая евреями»⁹. Римско-католическое духовенство, особенно на восточных землях, уже в довоенные времена отличалось сильным антисемитизмом. Для новых властей участие клира в притеснении евреев стало аргументом в идеологической борьбе с костелом. Пресса, например, активно раскручивала зловещий образ священника-юдофоба после келецкого погрома 1946 года¹⁰.

В октябре 1947 г. на общепольском совещании сотрудников Министерства общественной безопасности был поставлен вопрос об ограничении влияния церкви. Директор V департамента МОБ Юлия Брыстигер представила план развертывания агентурной сети, ответственной за разработку духовенства¹¹.

В июле 1949 г. на волне сталинизации и поиска врагов, как внутри партии, так и вовне, член Политбюро ЦК ПОРП Гиляры Минц предложил начать генеральное наступление на костел. В том же месяце всех священников записали в налоговые реестры с обязательством декларировать доходы с пожертвований, церковных служб и похорон. В августе вышло распоряжение всем общественным организациям зарегистрироваться в государственных органах или самораспуститься. Это вынудило епископат упразднить все религиозные сообщества¹². В марте 1950 г. власти национализировали церковные земли, а спустя два года под контроль государства перешло крупнейшее благотворительное общество костела «Каритас». Полным ходом шло закрытие монастырей и удаление из школьных программ уроков

⁹ Chodakiewicz M.J. Żydzi i Polacy. 1918–1955. Współistnienie – zagłada – komunizm. Warszawa, 2000. S. 409.

¹⁰ Самый крупный еврейский погром в послевоенной Польше 4 июля 1946 г., результат которого по разным данным от 40 до 47 евреев, включая детей и беременных женщин, были убиты, а более 50 чел. ранены. До войны в городе Кельце (Центральная Польша, в 170 км южнее Варшавы) проживали 20 тыс. евреев, после Холокоста осталось около 200 чел. Они и стали объектом жестокой расправы антисемитов (прим. редколлегии).

¹¹ Noszczak B. Polityka państwa wobec Kościoła rzymskokatolickiego w Polsce w okresie internowania prymasa Stefana Wyszyńskiego. Warszawa, 2008. S. 45.

¹² Ibid. S. 49–50.

Закона Божьего. В классах больше не висели распятия. Было закрыто до 60 низших семинарий.

Параллельно уничтожались все организации светских католиков, допускавшие выпады против властей либо проводившие открытую оппозиционную деятельность. В 1946 г. эмигрировал глава христианско-демократической Партии труда К. Попель, а сама партия спустя четыре года была упразднена. В 1948 г. был закрыт католический еженедельник «Тыгодник варшавский», а его редакция оказалась в тюрьме.

Дольше других продержалось опекаемое краковской курией общество светских католиков, издававшее газету «Тыгодник повсехны» (главный редактор — Е. Турович) и журнал «Знак» (главный редактор — С. Стомма). Эта группа, получившая название «движение Знак», заявила о безусловной поддержке нового строя, но не по идеологическим основаниям, а по geopolитическим: «знаковцы» полагали, что никто, кроме коммунистов и стоящей за ними Москвы, не мог обеспечить Польше неприкосновенность западных границ¹³. Невзирая на давление цензуры сообщество сумело выстоять в трудные сталинские годы, но в марте 1953 г. по причине отказа опубликовать некролог Сталину «Тыгодник повсехны» был передан лояльной властям организации Объединение ПАКС, а журнал «Знак» закрыт.

Объединение ПАКС было создано с подачи правящего режима в 1947 г. амбициозным политиком Б. Пясецким, который попытался соединить постулаты марксизма и христианства в единую идеологию. Ловко играя лозунгами патриотизма и реформирования костела, Пясецкий сумел привлечь в организацию немало известных деятелей. ПАКС основал собственное издательство и публиковал книги, не вписывавшиеся в рамки государственной пропаганды. Объединение также издавало ряд газет и журналов, самыми популярными из которых были ежедневный орган «Слово повсехне» и еженедельник «Дзись и ютро». В ноябре 1950 г. по инициативе Пясецкого возникла также Комиссия интеллигенции и католических деятелей, действовавшая под эгидой Польского комитета защиты мира. Комиссия претендовала на то, чтобы стать координирующим органом всего светского католицизма в стране. Церковные власти отнеслись

¹³ Lętowski M. Ruch i koło poselskie ZNAK. 1957–1976. Katowice, 1998. S. 64.

к деятельности Пясецкого негативно. Епископат отказался сотрудничать с созданными им структурами, а Святой Престол запретил вे- рующим знакомиться с прессой ПАКСа.

ПАКС служил властям орудием раскола духовенства и верующих. Другим таким орудием стало движение «священников-патриотов», оформленное в 1950 г. в качестве составной части общепольской организации ветеранов Союза борцов за свободу и демократию. В отличие от «нелояльного» клира священников-патриотов обходила стороной жесткая налоговая политика; кроме того, власти продвигали их на места ординариев, особенно на западных землях¹⁴. Примас вынужден был смотреть на это сквозь пальцы, чтобы не вносить раскол в ряды духовенства.

Однако число членов лояльной власти организации ксендзов так и не превысило 10% от общего количества клира. Поэтому убрать всех враждебно настроенных священников власти не могли — их просто некем было заменить. Альтернатива была одна — физически уничтожать духовенство. Но к этому режим перейти не успел: началась «оттепель». И уже в ноябре 1953 г. заместитель председателя Комитета общественной безопасности Антоний Альстер отмечал, что «борьба с враждебной деятельностью клира превышает возможности VI департамента... а сотрудники работают без веры в успех».¹⁵

В первые послевоенные годы епископат возглавлял кардинал Август Хлёнд. После его кончины в 1948 г. примасом стал люблинский епископ Стефан Вышиньский. Он добился заключения 14 апреля 1950 г. соглашения с правительством, регулирующего отношения костела и власти. По условиям соглашения епископат обязывался уважать существующий строй и общественно-политическую систему, не выступать против коллективизации и осудить боевое подполье, а в обмен получил гарантии сохранения католической прессы, религиозных учебных заведений, уроков Закона Божьего в школах, а также свободу отправления культа.

Немалая часть епископов и Апостольская столица отнеслись к соглашению холодно¹⁶. Власти тоже не рассматривали его как окончательное. Уже через несколько дней после заключения договора

¹⁴ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 70–71.

¹⁵ Ibid. S. 98.

¹⁶ Noszczak B. Polityka państwa wobec Kościoła rzymskokatolickiego w Polsce. S. 51.

правительство создало Управление по делам вероисповеданий, которое стало главным орудием партии в давлении на клир.

Пытаясь наладить отношения с государством, епископат издал 9 июня 1950 г. декларацию, в которой поддержал Стокгольмское воззвание к миру во всем мире. Однако часть священников отказалась его подписать, вследствие чего до 500 ксендзов лишились права преподавать Закон Божий. Начались аресты священников по обвинению в организации складов оружия в монастырях и приходах¹⁷. В январе 1951 г. прошел первый показательный процесс над ксендзами, обвиненными в сотрудничестве с подпольем. В 1952–1953 гг. прошло еще несколько процессов. Самыми громкими явились суды над келецким епископом Чеславом Качмареком и над сотрудниками краковской курии. Приговоры были суровы: смертная казнь или многолетнее заключение. Всего в 1945–1953 гг. вследствие репрессий погибли 37 епархиальных священников, в ссылке оказались 350 ксендзов, попали в тюрьму 700, и еще 900 были изгнаны из своих приходов. Также погибли 54 монаха и монахини, 200 оказались в ссылке, а 300 изгнаны из обителей¹⁸.

9 февраля 1953 г. вышел декрет, согласно которому власти наделяли себя правом выдавать санкцию на занятие духовных должностей. В ответ на это 8 мая того же года, в день святого Станислава Щепановского, павшего жертвой государственного насилия в XI веке, епископат направил властям письмо с категоричным заявлением «*Non possumus*» («Не можем!») и огласил содержание своего письма перед верующими. Как следствие, 25 сентября 1953 г. кардинал Вышиньский попал под арест.

28 сентября 1953 г. епископат, пойдя навстречу желаниям властей, выбрал своим новым председателем лодзинского епископа Михала Клепача и опубликовал воззвание к пастве, подчинившись всем решениям правительства. В. Зинк, единственный епископ, отказавшийся поставить свою подпись под воззванием, 2 октября также был арестован. 17 декабря 1953 г. епископы принесли в Бельведере присягу на верность ПНР. Вскоре обязанность присягать была распространена и на остальной клир.

На волне «оттепели» в 1956 г., когда к руководству партией вернулся отстраненный восемью годами раньше В. Гомулка, возродились

¹⁷ Ibid. S. 53.

¹⁸ Ibid. S. 57.

в старом составе еженедельник «Тыгодник повсехны» и ежемесячник «Знак», в 1959 г. появился Общественный издательский институт «Знак». Возникло пять клубов католической интелигенции, которые участвовали в парламентских выборах 1957 г. и сформировали там фракцию «Знак» во главе со С. Стоммой. В движение влилась часть бывших членов руководства ПАКС во главе с Т. Мазовецким. Эти деятели, покинув в 1955 г. организацию Пясецкого, спустя три года создали в Варшаве ежемесячник «Вензь», теоретической базой которого стали концепции идеолога левого персонализма во французском католичестве Э. Мунье. Лидер движения «Знак» варшавский писатель Е. Завейский вошел в состав Государственного совета (коллективного органа, созданного взамен поста президента).

Сближение властей со светскими католиками несоциалистической ориентации имело свои границы. Правящий режим не позволил восстановить христианско-демократическую партию и распустил те католические клубы, в которых собирались сторонники политизации движения. ПАКС, который в 1955–1956 гг. пережил два раскола и находился на грани краха, был сохранен и участвовал в парламентских выборах в составе предвыборного блока во главе с правящей партией.

В конце октября 1956 г., через несколько дней после возвращения В. Гомулки на пост лидера партии, был освобожден примас С. Вышиньский. 8 декабря того же года представители епископата и правительства подписали новое соглашение, по которому уроки Закона Божьего возвращались в школы, но в качестве необязательного предмета. Ксендзы снова получили доступ в тюрьмы и больницы (но не в армию).

В дополнение к этому правительство смягчило процедуру назначения на духовные должности. Отныне официальные органы получили право выбирать из трех претендентов, которых представит руководство клира, либо отводить все кандидатуры, но не позже определенного срока. Если сроки не выдерживались, ординарии епархий могли действовать по своему усмотрению. Кроме того, государство более не контролировало снятие с духовной должности¹⁹.

По просьбе правящей верхушки руководство костела призвало граждан идти на парламентские выборы, запланированные на январь 1957 г. Потепление, однако, было недолгим. Уже в начале 1958 г.

¹⁹ Dudek A., Grys R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 110–113.

власти вновь начали закручивать гайки: из школ опять убирались уроки Закона Божьего (окончательно удалены в 1961 г.), уменьшалось число разрешений на строительство костелов и часовен.

Пиком противостояния стал конфликт вокруг празднования тысячелетия крещения Польши. Годовщине предшествовала разработанная С. Вышиньским десятилетняя программа подготовительных мероприятий под названием Великая Новенна. Власти чинили всяческие препятствия церковным праздникам, а в 1966 г. развернули масштабное празднование тысячелетия Польского государства, которое должно было затмить религиозный юбилей. Ради того чтобы народ не ходил на мессы и церковные торжества, было увеличено время вещания телевидения, сетку программ заполнили развлекательные передачи и популярные фильмы. Список с образа Ченстоховской Богоматери, который по поручению кардинала Вышинского монахи в 1966 г. пытались возить по Польше, был перехвачен и отправлен в Ясногурский монастырь, тут же окруженный милиционерами. В ряде мест (Варшава, Гданьск) в дни пребывания примаса вспыхивали потасовки между верующими и партийными активистами²⁰.

Масла в огонь подлило приглашение поучаствовать в торжествах, которое польский епископат отправил немецкому в конце 1965 г. Это приглашение явилось следствием участия польских иерархов во Втором ватиканском соборе, исполненном духа примирения и прощения старых обид. По указанию кардинала Вышинского архиепископ вроцлавский Б. Коминек составил обращение к немецким «братьям во Христе», в котором отдал дань культурным достижениям Германии и заявил, что польские епископы прощают немцев за все былое и сами просят прощения. Эти слова, брошенные спустя всего лишь двадцать лет после окончания Второй мировой войны, возмутили партийную верхушку и немалую часть народа. С подачи идеологических органов в стране развернулась кампания осуждения епископата, который обвиняли в том, что он взялся говорить от имени всего народа, а также в том, что вмешался не в свое дело, так как межгосударственные отношения — прерогатива соответствующих ведомств²¹.

События 1965–1966 гг. были последним столь сильным столкновением государства и римско-католической церкви в ПНР. С этих

²⁰ Ibid. S. 234–243; *Szczypka J.* Jan Paweł II. Rodowód. Warszawa, 1991. S. 245–247.

²¹ *Zaryn J.* Dzieje Kościoła Katolickiego w Polsce. S. 234–241.

пор установилось относительно затишье: государство вытеснило костел из тех областей, которые считало своей сферой влияния (армия, просвещение, СМИ, политика), ограничив его деятельность сугубо церковными делами, костел же удовлетворился тем, что отстоял автономию и сохранил относительную свободу рук в кадровой политике.

Однако верующим по-прежнему мешали свободно участвовать в службах (например, искусственно урезались масштабы крестных ходов; против паломников устраивались провокации и т. д.), практически сошло на нет церковное строительство. Из-за этого вспыхивали спорадические столкновения верующих и милиции. Наиболее ожесточенный конфликт разгорелся в образцовом социалистическом районе Кракова Нова Хута, где на рубеже 1950–1960-х гг. дошло до массовых выступлений.

Римско-католическая церковь в Польше находилась под постоянным наблюдением спецслужб. В составе Службы безопасности действовал IV департамент, который занимался борьбой с влиянием костела и других религиозных организаций. На каждого учащегося семинарии заводилось дело; часть клириков вынуждена была прерывать обучение для службы в армии, где подвергалась идеологической обработке с марксистско-ленинских позиций. С помощью шантажа и подкупа происходила вербовка клира. В 1976 г. тайными сотрудниками Службы безопасности числилось 2309 священников, что составляло 9,17% католического духовенства. Пресса подлежала жесткой цензуре²².

Однако церковная иерархия так и не вошла в партийно-государственную номенклатуру, а приходские священники и ординарии епархий не обязаны были составлять регулярные отчеты о своей деятельности для местных отделений Управления по делам вероисповеданий. Мало того, на заседаниях епископата правящий режим нередко квалифицировался как «противник», а в проповедях прелатов часто звучали критические выпады по адресу властей. В этом заключалось принципиальное отличие положения костела от положения православной церкви в СССР.

²² Ibid. S. 201–206, 335–339, 345; *Ruzikowski T.* Tajni współpracownicy pionów operacyjnych aparatu bezpieczeństwa 1950–1984 // Pamięć i Sprawiedliwość. 2003. №3. S. 109–131.

Главной задачей правящего режима оставалось отстранение кардинала Вышиньского. Именно такое требование выдвигалось представителям Апостольской столицы А. Казароли и Л. Поджи, приезжавшим в страну для переговоров об установлении дипломатических отношений. Вторым главным требованием оставалось признание Святым Престолом западных границ Польши. Поскольку Ватикан не шел навстречу пожеланиям партии, это сделало невозможным заключение нового конкордата. «Восточная политика» Иоанна XXIII и Павла VI на польском направлении потерпела неудачу²³.

Духовенство в целом осталось в стороне от событий общественно-политического кризиса 1968 г., когда на улицы вышла молодежь, протестуя против коснущегося режима. Правда, епископат в марте 1968 г. направил протест властям по поводу жестоких действий милиции, но при этом иерархи отнюдь не высказывались в пользу лозунгов участников выступлений, а некоторые из них (например, краковский архиепископ К. Войтыла) призывали молодежь сохранять спокойствие, тем самым содействуя политике властей²⁴.

Столь же осторожную позицию заняли прелаты и в момент введения войск ОВД в Чехословакию для подавления Пражской весны в августе 1968 г. Этот шаг польской верхушки, совпавший с 50-й годовщиной восстановления независимости страны, встретил громкое осуждение лишь со стороны архиепископа Б. Коминека; остальные епископы ограничились подписями под обращением к пастве в честь юбилея возрождения государства, в котором указали, что «всякое нарушение суверенитета больно ранит польскую душу»²⁵.

Столь умеренные шаги контрастировали с активными действиями фракции «Знак». Католические депутаты уже в 1967 г. проявили свою оппозиционность, когда выступили с протестом против «антисионистской кампании», развернутой польскими властями в связи с итогами арабо-израильской войны. Еще более резко они высказались в марте 1968 г., подняв голос в защиту бунтующей молодежи.

²³ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 246–250, 252–255; Friszke A. Koło posłów "Znak" w Sejmie PRL. 1957–1976. Warszawa, 2002. S. 78; Żaryn J. Dzieje Kościoła Katolickiego w Polsce. S. 310, 322–323.

²⁴ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 266.

²⁵ Vevoda R. Kościół katolicki w Polsce wobec praskiej wiosny oraz interwencji wojskowej w Czechosłowacji // Wokół Praskiej Wiosny. Polska i Czechosłowacja w 1968 roku. /Pod red. L. Kamińskiego. Warszawa, 2004. S. 89–90.

Кроме того, популярный автор «Тыгодника повседневного» С. Киселевский ярко проявил себя на чрезвычайном заседании варшавского отделения Союза писателей 29 февраля 1968 г., где заклеймил правящий режим как «диктатуру темноты»²⁶. В итоге Киселевскому было запрещено печататься, а лидер движения «Знак» Е. Завейский потерял место в Госсовете. В 1969 г. он погиб при загадочных обстоятельствах.

Новый конфликт церкви и государства едва не разгорелся во второй половине 1970 г. В августе епископат принял решение почтить память солдат и офицеров, разбивших большевиков под Варшавой пятьдесятю годами ранее. Это намерение вызвало чрезвычайно нервную реакцию руководства партии, которое напрямую и через Ватикан заставило иерархов отказаться от такого шага, чтобы не портить отношения с Москвой. А на 27 декабря верхушка костела запланировала оглашение с амвонов заявления к властям с требованием запретить аборты, в котором обвиняла правящий режим едва ли не в целенаправленном разрушении семьи. Ответственные органы государства пытались воздействовать на епископат, дабы он не зачитывал это обращение, но безуспешно²⁷.

Однако уже в середине декабря 1970 г. ситуация резко изменилась. На Побережье вспыхнуло восстание рабочих против массового поднятия цен. В накаленной обстановке гражданского конфликта епископат перенес зачитывание обращения на март. Более того, иерархи предписали священникам не распальять страсти и убеждать паству прекратить забастовки и манифестации. Такое решение было вызвано опасением интервенции стран Варшавского договора²⁸.

В результате массовых волнений декабря 1970 – января 1971 г. произошла смена партийного руководства: вместо В. Гомулки ПОРП возглавил Э. Герек, а премьер-министром вместо Ю. Циранкевича стал П. Ярошевич. Новая верхушка продемонстрировала готовность наладить отношения с костелом, однако переговоры, которые велись на протяжении года, ни к чему не привели. Ответственный за взаимоотношения с епископатом член Политбюро С. Каня заявил в октябре 1971 г.: «Платить ту цену, что заплатили в 1956 году (т. е. разрешить

²⁶ Eisler J. Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 201–202.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 55. П. 415. Д. 130. Л. 45; Оп. 66. П. 421. Д. 130. Л. 1.

²⁸ Eisler J. „Polskie miesiące” czyli kryzys(y) w PRL. Warszawa, 2008. S. 155–156.

уроки Закона Божьего в школах. — В. В.) мы не будем»²⁹. В 1973 г. в МВД даже был образован особый департамент, занимавшийся «дезинтеграцией клира».

Единственным достижением костела при новом руководстве страны явилось установление постоянной церковной администрации на западных землях, осуществленное в 1972 г. Но и этот шаг Ватикана стал следствием политики предыдущей верхушки, успевшей в начале декабря 1970 г. подписать договор с канцлером ФРГ В. Брандтом, согласно которому западногерманское правительство признало новые польские границы.

Следующий острый конфликт между костелом и государством вспыхнул в связи с поправками к Конституции. В 1975 г. премьер-министр Польши Петр Ярошевич вместе с лидерами других европейских государств поставил свою подпись под Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки), в котором гарантировались нерушимость послевоенных границ и соблюдение участниками прав человека. Дабы лишить диссидентов возможности использовать этот факт в своих интересах, польские власти тут же предложили внести в конституцию ряд поправок, в частности, увязать права человека с выполняемыми им обязанностями. Кроме того, на законодательном уровне предлагалось закрепить ведущую роль ПОРП и союз с СССР. Это вызвало большое возмущение в обществе и спровоцировало подписную кампанию протеста. Епископат принял участие в этой кампании, упирая на недопустимость какого-либо ограничения прав человека. Правящий режим, вопреки ожиданиям, пошел навстречу желанию иерархов и смягчил формулировку. Однако две другие поправки Сейм в феврале 1976 г. утвердил без всяких изменений. Единственным воздержавшимся депутатом оказался лидер фракции «Знак» С. Стомма.

Его фракция и движение в целом тоже участвовали в подписной кампании, но в отличие от епископата делали упор на пункте о ведущей роли ПОРП: для верующих, указывали «знаковцы», недопустимо признавать ведущую роль атеистической организации³⁰. Активность «Знака» и особенно позиция Стоммы при голосовании

²⁹ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 285.

³⁰ Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991. S. 495–496.

заставила власти отвести весь список кандидатов движения в новый состав Сейма. После этого в «Знаке» произошел раскол: клуб католической интеллигенции в Познани и редакция одного из журналов высказались за принятие требований государства, большая же часть «знаковцев» выступила против. Те из представителей движения, которые сформировали в 1976 г. новую фракцию «Знак», разорвали отношения со своими непокорными товарищами и более не признавались кардиналом Вышиньским за партнеров.

Отношение властей к самому примасу к середине 1970-х радикально изменилось. Если раньше правящая элита стремилась отстранить его от должности, то теперь настаивала на том, чтобы он остался на посту, невзирая на достижение им предельного возраста — 75 лет. Партийно-государственная верхушка страшилась того, что место престарелого Вышиньского займет энергичный митрополит Войтыла, имевший репутацию твердого антикоммуниста³¹. Тем болезненнее для правящего режима было избрание Войтылы папой римским под именем Иоанна Павла II (16 октября 1978 г.).

Уже на следующий год pontifik совершил пастырскую поездку на родину, бурно приветствуемый соотечественниками. Хотя он избегал политических акцентов в своих речах, сам факт того, что религиозный деятель мог проповедовать перед многотысячными толпами в центре крупнейших городов, подрывал крепость режима. Не имея возможности критиковать коммунистический режим напрямую, Иоанн Павел II критиковал марксизм как идеологию, несовместимую с христианством.

Как следствие, очередные протесты, вспыхнувшие в июле 1980 г. в связи с отпуском цен на мясо и мясные продукты, приобрели религиозную окраску: ворота гданьской верфи им. Ленина (колыбели независимого профсоюза «Солидарность») украсились иконами и портретами Иоанна Павла II. Один из виднейших «знаковцев», Т. Мазовецкий, возглавил группу советников при лидере «Солидарности» Л. Валенсе. Вскоре он занял также пост главного редактора «Тыgodnika Solidarność» — официального органа независимого профсоюза.

Костел пытался играть роль посредника в отношениях между властью и протестующими. К этому его склоняла и правящая

³¹ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 325.

верхушка, в частности С. Каня, который в начале сентября 1980 г. сменил Герека во главе партии. Как и в декабре 1970 г., епископат призывал к умеренности в требованиях, страшась советской интервенции³². Начались встречи «большой тройки»: С. Вышиньского, С. Кани и Л. Валенсы. Переговоры не привели к успеху: партия не хотела допускать свободные выборы даже на местном уровне, профсоюз не хотел играть роль «младшего партнера» коммунистов³³. В мае 1981 г. скончавшегося Вышиньского на посту примаса сменил его личный секретарь Ю. Глемп, а в октябре того же года кресло главы ПОРП занял министр обороны В. Ярузельский. Однако и в обновленном составе «большая тройка» не достигла согласия.

Огромный резонанс в Польше и по всему миру вызвало покушение на Иоанна Павла II, совершенное турецким террористом М. Агдкой 13 мая 1981 г. Это событие, совпавшее по времени с острым политическим кризисом на родине понтифика и с тяжелой болезнью примаса Вышиньского, породило теории о причастности к покушению КГБ СССР — якобы советские спецслужбы руками турецкого экстремиста хотели устранить одного из наиболее ярких противников социалистического строя. Однако максимум, чего достигли итальянские следователи при выяснении обстоятельств случившегося, — установили наличие неких связей между Агдкой и болгарской разведкой. Впрочем, суд над единственным болгарским гражданином, сотрудником кампании «Балканэйро» Сергеем Антоновым, обвиненным в причастности к организации покушения, закончился оправдательным приговором.

13 декабря 1981 г. В. Ярузельский ввел на территории Польши военное положение. Это означало распуск всех общественных организаций (прежде всего — «Солидарности»), интернирование тысяч оппозиционеров и комендантский час. Примас Ю. Глемп был уведомлен об этом за полчаса до выступления первого секретаря по телевидению. Епископат, как уже не раз до того, призвал сохранять спокойствие и не сопротивляться государственному насилию. При этом архиепископ Глемп создал Общественный совет при примасе, который занялся помощью преследуемым³⁴.

³² Ibid. S. 352–353.

³³ Ibid. S. 356–361.

³⁴ Ibid. S. 374–376.

Стремясь упрочить свой режим, Ярузельский отменил запреты на церковное строительство, позволил ксендзам служить мессы в лагерях для интернированных, перестал ограничивать тиражи католической прессы³⁵. Однако главный вопрос — об урегулировании юридического статуса римско-католической церкви, чего епископат добивался с самого основания ПНР — так и не был решен.

Широкую известность в этот период получило имя ксендза Е. Попелушко, капеллана варшавской «Солидарности». Его проповеди, в которых он неустанно напоминал о запрещенном профсоюзе и призывал не терять надежду, приобрели такую популярность, что передавались по радио «Свобода». 19 октября 1984 г. он был убит сотрудниками польских спецслужб. Ярузельский отмежевался от этой акции. Уже в октябре того же года виновники были установлены и арестованы.

Большую роль в расшатывании режима сыграли новые паломничества папы римского на родину — в 1983 и 1987 гг. Правящая верхушка хотела воспользоваться визитами Иоанна Павла II для снятия режима санкций и выхода из изоляции со стороны стран Запада, в которой оказалась Польша после введения военного положения. Однако на деле получилось иначе: понтифик своими речами, в которых открыто выражал симпатии «Солидарности» и допускал завуалированные выпады против СССР, поддержал решимость миллионов сторонников профсоюза продолжать борьбу.

Огромное значение для костела имела начавшаяся в Советском Союзе Перестройка и решение М. С. Горбачёва отметить в 1988 г. на государственном уровне тысячелетие крещения Руси. В июне 1988 г. примас Ю. Глемп прибыл в Москву в составе делегации Святого Престола и провел встречу с руководством Совета по делам религий при Совете министров СССР. В беседе примас поднял вопросы возрождения католической иерархии на территории Советского Союза, признания самостоятельности греко-католического духовенства и всестороннего изучения архивных документов, относящихся к катынскому преступлению³⁶.

Иоанн Павел II также надеялся прибыть в СССР на праздничные мероприятия. Понтификставил перед собой две задачи: развитие

³⁵ Moskwa J. Droga Karola Wojtyły. T. II. Zwiastun wyzwolenia. Warszawa, 2014. S. 246.

³⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3805. Л. 90–91.

экуменического движения и восстановление связей Ватикана с украинскими и белорусскими униатами. Однако патриарх РПЦ Пимен высказался против присутствия папы римского на торжествах, и глава Апостольской столицы ограничился участием в двух униатских литургиях в Риме, а также приветственными посланиями, которые он отправил Святейшему синоду РПЦ, М. С. Горбачёву и главе греко-католиков архиепископу Львовскому (в изгнании) Мирославу Любачивскому³⁷.

Весной 1988 г. во всей Польше вновь прокатились стачки, вызванные повышением цен. Одним из главных требований протестующих была легализация «Солидарности». По просьбе властей епископат опять выступил посредником в диалоге с забастовщиками³⁸.

26 августа того же года епископат призвал партию и оппозицию сесть за стол переговоров. Правящий режим прислушался к голосу клира и в феврале 1989 г. организовал круглый стол с представителями диссидентских кругов, за которым была принята программа демократических реформ. В мае 1989 г. правительство нового премьер-министра М. Раковского подписало с епископатом соглашение, по условиям которого костел вновь обрел юридическое лицо, а духовенство получило доступ к общегосударственным СМИ, в тюрьмы, больницы, воинские части и школы. В учебные программы со следующего года возвращались факультативные уроки Закона Божьего. Тогда же Варшава установила дипломатические отношения с Апостольской столицей³⁹. Однако конкордат был заключен лишь в 1993 г., а ратифицирован и того позже — в 1998 г.

Майское соглашение 1989 г. имело своей целью превратить костел из противника ПОРП в союзника. Однако выборы 4 июня того же года принесли оглушительную победу оппозиции: она получила все места в Сейме и возрожденном Сенате, на которые могла рассчитывать согласно договоренностям круглого стола. Новое правительство возглавил Т. Мазовецкий — первый некоммунистический премьер с 1944 г. При нем Польша совершила переход от социалистической

³⁷ Weigel G. Świadek nadziei. Biografia papieża Jana Pawła II. Kraków, 2000. S. 718–722, 725.

³⁸ Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski. Warszawa, 2005. S. 383.

³⁹ Ibid. S. 384; Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce. S. 437; Волобуев В. В. Круглый стол 1989 года: ожидания и действительность // Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия. М., 2016. С. 109.

экономики к капиталистической, от диктатуры одной партии к демократии. Однако уже в июне 1990 г. Мазовецкий решительно разошелся с Валенсой в вопросе о темпах реформ: лидер «Солидарности» и его главный советник Я. Качиньский требовали решительного перелома и разрыва с прошлым, в то время как премьер и его единомышленники из движения «Знак» (Е. Турович, А. Велёвейский) выступали за постепенные преобразования. В итоге на первых всеобщих президентских выборах, состоявшихся в декабре 1990 г., Валенса и Мазовецкий шли как соперничающие кандидаты. Победу одержал Л. Валенса, который уже 4 января 1991 г. отправил правительство Мазовецкого в отставку.

Общественно-политические трансформации 1989–1991 гг. изменили облик светского католицизма. Теперь верующим позволено было создавать свои партии и общественные организации, в силу чего потеряло смысл участие движения «Знак» в политике. Т. Мазовецкий и значительная часть его соратников по движению вошла в состав разнообразных партий либеральной ориентации. Возродилась и христианско-демократическая партия, принявшая старое название Партии труда. Ее создал в феврале 1989 г. адвокат В. Сила-Новицкий — бывший «знаковец» и член Консультативного совета при председателе Государственного совета В. Ярузельском. Однако Партия труда, как и все прочие структуры, пытавшиеся наследовать традиционным политическим силам довоенной Польши (социалисты, национал-демократы, пилсудчики), не приобрела ощутимого веса и осталась маргинальной организацией.

История римско-католической церкви в ПНР демонстрирует уникальный опыт религиозной организации, сумевшей отстоять свою независимость при тоталитарном атеистическом режиме. Ярким проявлением этой независимости было то, что надзор за костелом в Польше осуществляло МВД, а не идеологическое ведомство, как во всех прочих странах советского блока. Это говорило о том, что власти рассматривали церковь как непокоренного противника, с которым необходимо вести постоянную борьбу. При этом сам епископат отнюдь не рвался выводить людей на баррикады и неизменно сохранял осторожность в словах и действиях, держа в уме опасность советской интервенции. Не церковь в конечном итоге свергла однопартийный режим, но она способствовала тому, что официальная пропаганда так и не сумела вполне овладеть умами и душами поляков.

Г.Н. Энгельгардт

«Детитоизация» в Югославии. Донесения советского посольства в Белграде о кампании критики деятельности и наследия Й. Броз Тито в 1990 г.¹

В 1990 г. дипломаты советского посольства в Белграде активно освещали кризисные и трансформационные процессы в Югославии (надо сказать, что их весьма трудно дифференцировать, зачастую речь идет об одном и том же). Доступные на настоящий момент в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) материалы референтуры МИД СССР по Югославии (фонд 144) показывают, что в том числе их внимание привлекали развернувшийся в стране процесс критики и разоблачения господствовавшей идеологии титоизма. Можно предположить, что важным стимулом здесь было разительное сходство этих явлений с аналогичными процессами в СССР, запущенными в рамках политики «гласности».

Также, возможно, в последний раз их внимание (и внимание Москвы) привлекли споры вокруг идейно-политического наследия Й. Броз Тито и проблем советско-югославского разрыва 1948 г.

В этой связи рассмотрим записку первого секретаря посольства СССР в СФРЮ В. В. Бондарева о реакции в Югославии на встречу историков двух стран в январе 1990 г. и начавшейся полемике о репрессиях титовского режима против слушников в собственных рядах², записи третьего секретаря Е. Егорова «О сербской оппозиции и активизации ее деятельности в связи с подготовкой

¹ Статья подготовлена при поддержке РFFI, проект № 19-09-00163 «Историческая политика в странах бывшей Югославии».

² АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. П. 121. Д. 4. Л. 176–182. О новых подходах в СФРЮ к советско-югославскому конфликту 1948 г. и его последствиям (Справка). 11 июля 1990 г.

многопартийных выборов в Сербии»³, третьего секретаря посольства Ю. Павловского «О процессах детитоизации в Югославии»⁴ и стажера посольства, слушателя Дипломатической академии МИД СССР А. Ботяновского, «Югославская печать о роли Тито и титоизма в истории страны»⁵.

Наиболее развернутый анализ проблемы был дан в записке В. В. Бондарева, отмечавшего как оживление интереса в Югославии к теме советско-югославского конфликта 1948–1955 гг. и его последствий для дальнейшего развития страны, так и его отличие от прежних лет. Автор отмечает, что если ранее указанные события однозначно освещались как «героическая страница» истории Югославии, заявившей о противостоянии сталинизму, то ныне главным образом идет речь о репрессиях, обрушившихся на югославских «коминформбюровцев». Во многих десятках появившихся в «последние полгода материалах, содержащих воспоминания и размышления на эту тему, опыт тех лет во многом переосмысливается»⁶.

Он ставил дискуссии в Югославии в контекст запущенной в СССР с середины 1980-х гг. второй (и главной) волны разоблачения и критики преступлений сталинского режима: «большое влияние на изменение подходов югославской общественности к событиям 1948–1956 гг. оказали процессы гласности в нашей стране, честное признание допущенных нарушений и ошибок, в том числе и в отношениях с Югославией».

В частности, нынешняя волна публикаций на данную тему поднялась сразу после проведения в Москве в январе с. г. под эгидой “Литературной газеты” “круглого стола” по проблемам 1948 г. С югославской стороны в нем приняли участие такие видные общественные деятели и ученые, как М. Джилас, Д. Чосич, С. Стоянович, А. Крешич и др., с советской — историки В. К. Волков, Л. Я. Гибианский и др.⁷

³ Там же. П. 122. Д. 6. Л. 230–236. О сербской оппозиции и активизации ее деятельности в связи с подготовкой многопартийных выборов в Сербии (Информация). 11 октября 1990 г.

⁴ Там же. Л. 112–114. О процессах детитоизации в Югославии (Информация). 14 ноября 1990 г.

⁵ Там же. Л. 115–119. Югославская печать о роли Тито и титоизма в истории страны (Информация). 14 ноября 1990 г.

⁶ Там же. П. 121. Д. 4. Л. 176.

⁷ Подробнее см.: СССР — Югославия. 1948 год в современном прочтении // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 3–18.

Материалы “круглого стола” широко освещались в “Нине” и других изданиях⁸.

Отметим, что сама по себе дискуссия в редакции «Литературной газеты» заметно отличалась от последовавшей волны полемики в Югославии прежде всего тем, что все ее участники, как из Москвы, так и из Белграда говорили только о «югославах» и «югославской» стороне, ни разу не выделяя в ее составе отдельные этнические группы, хотя белградская часть была представлена все-таки сербами, включая такого идеолога сербского «салонного национализма», как Добрица Чосич.

Как известно, изо всех участников дискуссии именно В. К. Волков⁹ и Л. Я. Гибианский¹⁰ сосредоточились собственно на анализе советско-югославского конфликта 1948 г., причем на основе анализа источников, тогда как другие говорили более о марксизме как таковом, путях возможной эволюции марксистко-ленинской идеологии в конце XX в. или о вариантах трансформации Восточной Европы в ходе проходившего тогда краха социализма в регионе. Точка зрения В. К. Волкова и Л. Я. Гибианского о советско-югославском разрыве 1948 г. как конфликте двух сталинизмов, конфликте прежде всего межгосударственном, при преобладающей доле ответственности за него советской стороны действительно «закрывала» политизированную полемику вокруг вопроса, окончательно переводя его из предмета политической дискуссии в разряд строго исторических, т. е. в объект научного изучения профессионалами-историками.

По мнению Бондарева, решающим образом на югославскую сторону повлияла «самокритичность советских участников в отношении давления тогдашнего руководства СССР на Югославию, по существу, сделала излишним для югославов доказывать свою правоту в происшедшем конфликте и способствовала ответной самокритичности». Исключением, подтверждающим правило, оказался «лишь находившийся в центре тех событий М. Джилас», который «продолжал настаивать на наличии <...> глубоких предварительных причин, обусловленных возникшими противоречиями в вопросе о путях построения нового общества и на том, что главная вина за него падала

⁸ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. П. 121. Д. 4. Л. 176–177.

⁹ СССР – Югославия. 1948 год в современном прочтении. С. 5–7.

¹⁰ Там же. С. 8, 10–12, 15–16.

на Советский Союз. Остальные югославские участники исходили в основном из тезиса о столкновении “двух культов личности”¹¹. Бондарев отмечает публикацию участника московской дискуссии А. Крешича «под характерным заголовком «Сталинизм против сталинизма» («Ю-Новости», 20.2–20.3.90 г.)» и далее прямо указывает, что «на тоне нынешней «коминформовской информационной кампании» в Югославии отразились такие события, как признание Советским Союзом своей ответственности за уничтожение польских военнопленных в Катыни, встреченное как новое доказательство искренности намерений покончить с «наследием сталинизма», и особенно публикация в «Вестнике Министерства иностранных дел СССР» (№ 6 (64), 31.03.90 г.) статьи и подборки документов по советско-югославскому конфликту», «которую подробно освещал в серии очерков <...> зав. бюро ТАНЮГ в Москве М. Шаранович»¹².

Именно с этой дискуссией он связывает начало широкой публикации материалов о «Голом отоке», выделяя «наибольшую активность» «Борбы», которая «стала печатать отрывки из книги С. Чурувки¹³ о жизненном пути виднейшего из ныне живущих “коминформбюровцев” В. Дапчевича¹⁴», а затем «ввела постоянную рубрику, в которой помещены уже десятки воспоминаний и оценок тех событий». Над всем доминирует образ самого известного лагеря для сторонников резолюции — «Голого острова». Дипломат подчеркивает, что «откровением для многих явилась демонстрация подлинных масштабов системы преследования, обрушившейся на “коминформбюровцев”»¹⁵ (лагеря и тюрьмы на о. Свети Гргур, в Угљане, Билече, Старе Градишке, Губереваце, Забеле, Банице, женские лагеря в Рамски Рите и Стоце). Явным аналогом реакции советского общества на разоблачения преступлений сталинского периода звучат слова о неполноте данных

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Так в тексте. Правильно: Славко Чурувия (1949–1999) — видный белградский журналист и издатель. В 1986–1994 гг. сотрудник газеты «Борба», затем основатель газет «Недельни телеграф» и «Дневни телеграф», журнала «Европљанин», выступавших с критикой режима С. Милошевича. 11 апреля 1999 г. убит в Белграде. В 2019 г. виновными в организации убийства были признаны тогдашний глава Службы государственной безопасности МВД Сербии Р. Маркович, начальник управления СГБ по Белграду М. Радонич и оперативные сотрудники Р. Ромич и М. Курак.

¹⁴ Ђурувија С. Ибеовац: ја, Владо Дапчевић, „Филип Вишњић“. Београд, 1990.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. П. 121. Д. 4. Л. 178.

о числе репрессированных: «Официальные данные, в соответствие с которыми через следствие по этим делам прошло около 55 тыс. человек, а в лагерях находилось свыше 16 тыс. человек, подвергаются сомнению как недостаточные. Более точному подсчету поддаются наиболее известные заключенные. Так, сообщается, что среди них было 12 участников Октябрьской революции, 36 борцов интербригад в Испании, 268 членов партии с довоенным стажем, 1673 участника народно-освободительной войны с 1941 г., 1618 сотрудников органов внутренних дел, 2300 офицеров и генералов, 23 союзных и республиканских министра, 99 зам. министров, 36 депутатов Союзной Скупщины ("Борба", 9–10.06.90 г.)»¹⁶. Действовавший в этих лагерях режим он характеризует словами «директора института криминологии и социальных исследований из Белграда Д. Радовановича» о «сплаве сталинистских, гитлеровских, традиционно балканских и коминтерновских методов мучения. Цель — не перевоспитание, а уничтожение политических противников. Техника "промывания мозгов" была доведена до такого уровня, что люди молчали 40 лет после этого <...> Им был привит "комплекс предательства" по отношению к своей стране, которого на самом деле не было" ("Борба", 9–10.06.90 г.)»¹⁷. Бондарев выделял и упреки в адрес Й. Броз Тито в том, что «конфликт с Коминформбюро явился поводом к чистке всего руководящего состава, который <...> он во многих случаях заменил скомпрометировавшими себя людьми, в том числе сражавшимися на стороне врага ("Борба", 28.05.90 г.)» и в антисербских взглядах «...Если бы революции не было, Тито и Кардель все равно что-нибудь придумали для удара по Сербии» ("Политика" 26.04.90 г.)»¹⁸.

Он особо отмечает, что «национальная окраска вообще является характерной чертой современного подхода к данной теме, отражает рост напряженности в межреспубликанских отношениях». Бондарев цитирует утверждения о «прямой преемственности между "хорватским геноцидом" над сербами в концлагере Ясеновац и лагерями 1948–1956 гг., так как "90% осужденных в них были сербы и черногорцы" ("Политика", 03.06.90 г.)»¹⁹. Особо отмечены настроения в Хорватии — «осуждаются сами по себе репрессивные методы,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 178–179.

¹⁸ Там же. Л. 179.

¹⁹ Там же.

однако, итоги конфликта рассматриваются как позитивные для Югославии, “поскольку приблизили ее к Западу” (И. Баняц “Со Сталиным против Тито”, “Данас”, 27.03.90 г.)». В ответ же на обвинения в «хорватском геноциде» утверждается, что в процентном отношении хорватов в лагерях было даже больше, чем сербов, хотя никакими цифрами это не подтверждается. Кроме того, предпринимается попытка ответственность за репрессии перенести с хорвата Тито на серба А. Ранковича, черногорцев М. Джиласа и нынешнего «разоблачителя» В. Дедиера (“Виесник”, 25.06.90 г.)²⁰.

Касаясь вопроса о персональной ответственности за репрессии, В. Бондарев отмечал, что в прессе он ставится «чрезвычайно остро» и что инициатором решения о лагерях считается «все-таки Тито».

Дипломат подробно описал общественные инициативы, направленные на то, чтобы «открыть и исследовать все архивы, связанные с этой темой; официально признать существование системы лагерей и осудить ее; указать ответственных и виновных за нее; реабилитировать персонально всех, не совершивших никаких преступлений с точки зрения закона, извиниться перед ними: возместить ущерб и даже поставить памятник на Голом острове» (“Борба” 26.03.90 г., “Дуга” 31.03–13.04.90 г. и т. д.)». Указывает он и на позицию государственных органов, которые «как правило, занимают оборонительную позицию и стремятся уйти от принятия конкретных решений, в частности относительно открытия архивов по “информбюровцам”»²¹. Освещено в записке и обсуждение этих вопросов в Скупщине СФРЮ, инициированное в феврале 1990 г. делегатом Союзного веча В. Джукановичем (Черногория) и продолженное в марте–апреле Х. Ходжичем, предложившим создать государственную комиссию «По установлению законности мер органов гонения против сторонников резолюции Коминформбюро». В результате было решено предложить правительству высказать свое мнение о целесообразности принятия *предложения к рассмотрению Скупщиной*²². На взгляд Бондарева, «наиболее чувствительно» проблема репрессий воспринималась в Черногории, что побудило Президиум ЦК СКЧ принять решение открыть все свои архивы за 1948 г. и призвать к этому все другие

²⁰ Там же. Л. 180.

²¹ Там же. Л. 181.

²² Там же.

учреждения «в целях восстановления справедливости и информирования общественности о невинно пострадавших» («Политика-экспресс», 04.04.90 г.). В справке отмечены и исходившие от невлияйственных политических групп (Демократической экологической партии) требования дезавуировать решение о создании «Голого острова» и других лагерей, морально осудить Тито, Карделя, Ранковича и других ответственных за это, а также привлечь к суду ныне живущих — П. Стамболича, М. Рибичича, С. Доланца, Л. Колишевского, Ф. Туджмана и др. («Политика», 17.06.90 г.)²³. Примечательно, что все перечисленные лица относились к числу прежних или действующих конкурентов пришедшего тогда к власти в Сербии С. Милошевича и его группы поддержки.

Основной практический вывод Бондарева — «долгие годы обременявший советско-югославские отношения вопрос о событиях 1948–1956 гг. в результате занятой нами последовательно принципиальной и искренней позиции, особенно после принятия совместной Декларации в марте 1988 г., — во многом утратил свое внешнее значение. Он все более перемещается во внутреннюю сферу общественной жизни СФРЮ, занимает важное место в развернувшихся и в Югославии процессах “очищения от негативных наслоений прошлого”»²⁴.

Интересно, что наблюдения и выводы В. В. Бондарева во многом легли в основу позднейших записок его коллег — это касается и выбора цитируемых публикаций, и концептуальных положений.

Анализируя деятельность сербской оппозиции в контексте подготовки к первым многопартийным выборам в республике, третий секретарь посольства СССР в Белграде Е. Егоров считал ее общим приоритетом, «несмотря на бросающуюся в глаза внешнюю пестроту», задачу «дискредитировать в глазах общественности, воспрепятствовать победе на... выборах и тем самым отстранить от власти наиболее влиятельную на сегодняшний день политическую силу — Социалистическую партию Сербии. В этих целях оппозиция развернула кампанию критики, которая вылилась, по существу, в неприкрытое очернение пути, проделанного СФРЮ и Сербией за последние четыре десятилетия». Такой «критиканский запал» сербских оппозиционеров не вызывает симпатий дипломата. Перечисляя основные

²³ Там же. Л.182.

²⁴ Там же.

положения их риторики, он отмечает, помимо общего тезиса о том, «что диктатура однопартийной власти и ее политика завели страну в тупик», оспаривание оппозиционерами самой «законности пребывания коммунистов у власти»²⁵, а также ряд упреков исторического характера: «пускается в ход идея о несостоятельности навязанного, по мнению оппозиции, Тито послевоенного общественно-политического и национально-территориального устройства страны, о надуманности мусульманской нации» (стоит отметить, что это положение привлекло особое внимание московской референтуры), «искусственном» создании некоторых югославских республик преимущественно за счет сербских территорий. Вину за все это сербская оппозиция возложила на основателей послевоенной Югославии, и прежде всего Тито. Она открыто поставила вопрос и настаивает на демонтаже всех возведенных ему в республике памятников, перенесении его праха на родину в Кумровец. Оппозиция считает, что настало время примирить сербов, создать условия для возвращения на родину послевоенной сербской эмиграции, восстановить ее права на якобы незаконно конфискованное имущество, разработать общенациональную программу сербского возрождения²⁶. Изложенные Е. Егоровым с явным неодобрением подходы сербских оппозиционеров к наследию титовской эпохи демонстрируют значительную эволюцию настроений по сравнению с описанной В. В. Бондаревым волной пересмотра событий 1948 г. с позиций скорее внутрипартийной критики «отклонений от истинной линии партии». Осенью 1990 г. речь уже шла об общей беспощадной критике коммунистического периода при преобладании доводов национального характера, причем «внутрипартийные» репрессии 1948 г. в качестве отдельного объекта критики со стороны оппозиции в анализе Егорова не отмечались.

Возможным следствием записки Егорова стал запрос Московской дополнительной информации по начавшемуся в СФРЮ развенчанию культа личности Тито. Иначе трудно объяснить, почему в один и тот же день 14 ноября 1990 г. в Москву ушли две справки на схожую тему, за авторством двух младших дипломатов посольства, третьего секретаря Ю. Павловского и стажера А. Ботяновского, только начинавшего тогда свою работу на Балканах.

²⁵ Там же. Л. 231

²⁶ Там же. Л. 232.

По мнению Павловского, «глубокие социально-экономические перемены в СФРЮ ведут к дальнейшему усилению идейной поляризации югославского общества и росту на этой почве антититовских настроений», причем из всех республик он особо выделял Сербию и Черногорию, «где все чаще раздаются требования критического пересмотра теоретического наследия Тито, а также его роли и места в истории СФРЮ», а источником «наиболее резких нападок» вслед за Е. Егоровым автор называл сербскую антикоммунистическую оппозицию, которая, стремясь к изменению общественного строя, неизбежно сталкивается с необходимостью переоценки личности Тито. В записке Павловского впервые отмечено оспаривание положения Конституции страны, защищающего политическое наследие и личность Тито от критики²⁷. Свои наблюдения дипломат иллюстрировал примерами действий Сербской либеральной партии²⁸, лидеры которой «предпринимали попытки организовать суд общественности над Тито с целью его дискредитации. Тито предъявляются обвинения в том, что еще в годы Первой мировой войны он принимал участие на стороне Австро-Венгрии в геноциде над сербским населением; играл в Коминтерне важную роль в репрессиях югославских коммунистов, в результате чего 100 человек их погибли; вступал во время Второй мировой войны в переговоры с немцами и итальянцами и заключал сепаратные соглашения, тем самым предавая союзнические отношения; расчленил Сербию, лишил ее независимости и самостоятельности; антиконституционным методом распустил политические партии и подверг необоснованным репрессиям невинных людей; злоупотреблял служебным положением; присваивал себе значительные материальные ценности; подорвал экономику страны и привел ее в полную зависимость от иностранных кредиторов»²⁹. И эта записка примечательна фиксацией скорости эволюции критики титовского наследия — всего за несколько месяцев репрессии 1948 г. из сенсации первого ряда превратились в не заслуживающий отдельного упоминания элемент «необоснованных репрессий невинных людей»!

²⁷ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. П. 122. Д. 6. Л. 112.

²⁸ Сербская либеральная партия создана в 1990 г. лидерами национального крыла Демократической партии академиками САНУ Костой Чавошки и Николой Милошевичем, критиковала режим С. Милошевича с национально-демократических позиций. В 2010 г. трансформировалась в НПО Сербский либеральный союз.

²⁹ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. П. 122. Д. 6. Л. 112–113.

Павловский скептически оценивал попытки властей парировать нападки на основателя социалистической Югославии: «несмотря на то, что с помощью средств массовой информации развернутая кампания по развенчанию культа личности была представлена как пропагандистская, политические наблюдатели считают, что предъявленные обвинения практически невозможно опровергнуть»³⁰. При этом он отмечал, что в отличие от Сербии и Черногории «в остальных республиках альтернативные организации в отношении Тито придерживаются более умеренных взглядов», а также выделял «различия в подходе к этому периоду и в официальных республиканских и федеральных структурах».

Так, по его мнению, руководство СФРЮ стремилось затянуть процесс развенчания личности Тито и сделать его менее болезненным, свести Тито к уровню обычного государственного деятеля, «которому наряду с достоинствами были присущи и недостатки». А в отличие от них «сербские власти» (т. е. С. Милошевич), «несмотря на отмежевание от открытых нападок на Тито, вынуждены принимать во внимание настроения масс и прибегают к лавированию, в результате чего подвергаются разносторонней критике. Аналогичную позицию занимают в Воеводине и Черногории»³¹. Выделена специфика обстановки в Боснии и Герцеговине и Македонии, где «антититовские проявления сдерживаются находящимися у власти партийными органами, которые, оценивая деятельность Тито, в первую очередь исходят из той роли, которую он сыграл в становлении государственности этих республик». Примечательно, что, на взгляд Павловского, пришедшие к власти в Словении и Хорватии «альтернативные политические объединения занимают в этом вопросе нейтральную позицию»³².

Наиболее ярким примером различия подходов к оценке деятельности Тито Павловский избрал мероприятия, посвященные 10-й годовщине со дня его кончины, отметив, что «в целом по всей стране они проходили менее торжественно, чем в предыдущие годы». Особо Павловский отмечал, что «в Белграде впервые за всю историю социалистической Югославии дошло до открытых антититовских

³⁰ Там же. Л. 113.

³¹ Там же.

³² Там же.

выступлений, в которых, предварительно организовавшись, принимали участие представители сербской оппозиции», а в «Словении же это памятное событие было проигнорировано»³³.

Общий вывод Ю. Павловского не должен был удивить его московское начальство, наблюдавшее аналогичный процесс пересмотра идеологических основ в СССР: «В условиях политического плюрализма процесс дальнейшей детитоизации в СФРЮ будет лишь нарастать, и в случае отмены Закона о защите имени и наследия Тито окончательное развенчание его культа в будущем неизбежно», — заключал дипломат³⁴.

Влияние оценок В. В. Бондарева особенно заметно в посвященном анализу югославской прессы материале А. Ботяновского. Тем не менее и в нем отразилась эволюция общественного мнения в стране с начала 1990 г. Автор подчеркнул преобладание критических в отношении Тито публикаций, указав, что «во многих из них сложная политическая, экономическая и межнациональная ситуация в стране объясняется ошибками, допущенными Тито». Общество волнуют вопросы: «Что сейчас стало с лозунгом “И после Тито — Тито?”», «Действительно ли эпоха Тито окончилась днем его смерти?», «Может ли “дело Тито” служить обновлению Югославии?» И на взгляд Ботяновского, публикации СМИ «отражают период детитоизации, который переживает югославское общество. Этот процесс охватывает всю совокупность идей и реальной практики, которые составляли основу титоизма. При этом несостоятельность дела Тито часто показывается через его взгляды, действия, их негативные последствия. Освещая роль Й. Броз Тито в создании Коммунистической партии Югославии, газеты «Борба» и «Вечерни новости» опубликовали характеристики, которые он давал своим товарищам по компартии во время работы в Коминтерне в 1935–1936 гг. В них Тито обвинил многих членов ЦК во «фракционности», «скрытности» и других непростительных в сталинские времена «грехах». В публикациях говорится, что в 1937–1938 гг. характеризованные Тито югославские коммунисты были арестованы в Москве и расстреляны НКВД, тем самым открыв Тито путь к руководству³⁵.

³³ Там же. Л. 114.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 115.

В анализе Ботяновского выделены и новые упреки лидеру КПЮ: анализируя цели и содержание народно-освободительной борьбы и революции 1941–1945 гг.³⁶, многие авторы острие критики направляют против Тито и коммунистов. Проводится мнение о том, что югославская народно-освободительная война — это легенда, а на деле же это была гражданская межнациональная война, война между Тито и Михайловичем. Главная же задача партизан заключалась в уничтожении четников и всех тех, кто оказывал сопротивление коммунистической партии³⁷.

Автор отмечает, что пересмотр роли Тито постепенно перетекает в ревизию концепции народно-освободительной борьбы и революции в целом: «есть также много публикаций, утверждающих, что главным противником Тито являлось королевское правительство в изгнании и четническое движение в стране», упоминается статья акад. М. Экмечича «Националистическая болезнь титоизма» (НИН, 29.04.90), в которой делается вывод: «сегодня революция ушла в небытие, как виновник того, что столько энергии <...> народа затраченной на его освобождение, не решили вопросы исторической стабильности государства»³⁸.

Показательно, что фактический материал раздела о ревизии подходов к советско-югославскому конфликту 1948–1955 гг. и о репрессиях сторонников Коминформбюро практически полностью заимствован из июльской записи В. В. Бондарева³⁹. Однако Ботяновский отмечает дальнейшее смещение акцента в сторону освещения репрессий: «По-другому, чем было принято прежде, оцениваются причины конфликта и его ход, при этом выделяется внутренний аспект столкновения. Речь главным образом идет о репрессиях, обрушившихся на югославских граждан — сторонников резолюции Коминформбюро, методов борьбы с коминформбюровцами». Динамику отношения к личности Тито отражает следующее наблюдение: «однозначно делается вывод о том, что главным “вдохновителем”, а значит и виновником, является Тито»⁴⁰.

³⁶ Народно-освободительная борьба (НОБ) — официальное название в СФРЮ партизанского движения 1941–1945 гг. под руководством КПЮ.

³⁷ Там же. Л. 116.

³⁸ Там же. Л. 116–117.

³⁹ Там же. Л. 117–118.

⁴⁰ Там же. Л. 117.

Зафиксировал Ботяновский и хронологическое выведение обвинений за пределы раннего этапа становления титовского режима. Так, упоминая статью академика САНУ М. Марковича, он пишет, что, «оценивая в целом позитивно период с 1948 по 1965 г., в то же время отмечается, что после 1965 года началось разрушение всего созданного перед этим». В 1990 г. в Москве цитируемые им слова Марковича, что «Югославия уже в 60-е годы могла проводить нынешние реформы политической и экономической системы и на 20 лет опередить остальные страны Восточной Европы», и что «только один человек имел силы и авторитет, чтобы препятствовать этому сугубо по эгоистическим мотивам» (НИН, 6.05.90.)⁴¹ не могли не восприниматься в контексте дискуссий о причинах провала попыток советских экономических реформ А. Н. Косыгина в 1965–1968 гг. и об актуальных на тот момент проектах экономических преобразований СССР и/или РСФСР. Характеризуя идеологические перемены в Югославии, Ботяновский приводит мнение М. Джиласа о том, что «в Югославии фактически больше нет марксизма как государственной идеологии, а без этого не может существовать монолитная компартия», что «самоуправление сейчас не играет никакой роли или является тормозом», что «сепаратизм, который сегодня стал исторической реальностью, также результат политики Тито» (НИН, 28.04.90.). Не проходит автор и мимо вывода Й. Рашковича⁴² о распаде «созданной решениями 2-й сессии АВНОЮ⁴³ титовской коммунистической, самоуправляемой Югославии. Ее необходимо строить на новых принципах» («Политика-экспресс», 5.11.90.)⁴⁴.

При этом дипломат подчеркивает, что процесс детитализации не ограничивается средствами массовой информации, а затрагивает многие сферы общественной жизни. В частности, «в Скупщине Сербии прозвучало первое требование об удалении из рабочих помещений республиканского парламента портретов и бюстов Тито. Затем

⁴¹ Там же. Л. 118.

⁴² Йован Рашкович (1929–1992) – уроженец г. Кинин, представитель докоммунистической сербской элиты Хорватии, врач-психиатр, писатель, основатель национально-политического движения сербов Краины – Сербской демократической партии в Хорватии, сторонник компромисса с Загребом и противник «военного варианта». В 1991 г. был отнесен от руководства партией М. Бабичем, умер в Белграде.

⁴³ АВНОЮ – Антифашистское народное вече освобождения Югославии.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 51. П. 122. Д. 6. Л.118.

правительство Словении приняло решение о том, что «портреты и скульптуры, изображавшие Й. Броз Тито, не являются больше национальными символами и нет необходимости в том, чтобы они находились в официальных помещениях государственных организаций» («Политика», 9.10.90.). Портреты и бюсты председателя Тито удалены также из всех помещений Сабора Хорватии («Борба», 1.11.90.). На XII, последнем, съезде хорватских коммунистов поддержана инициатива о перенесении останков Тито из Белграда в Кумровец («Вестник», 4.11.90.). Газета «Освобождение» с этого года стала выходить без публикуемой много лет на первой странице клятвы: «Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути не свернем!» И хотя еще действует Закон «О защите имени и наследия Й. Броз Тито», его имя исчезает из школьных учебников, все реже можно встретить портреты и бюсты Тито, раздаются требования переименовать города и улицы, названные в его честь. «Особенно сильны эти настроения в Сербии и Черногории», — отмечено в информации⁴⁵. Описанные Ботяновским действия республиканских властей заметно отличаются от мнения Ю. Павловского о нейтральном отношении к Тито нового руководства Словении и Хорватии.

Приводит «для баланса» дипломат и голоса в защиту Тито: «Й. Броз через несколько десятилетий займет достойное место. Прежде всего как государственный деятель, человек, который выиграл войну, послевоенные внутренние и внешние сражения» («Борба», 1.08.90.)»⁴⁶.

Рассмотренные документы стали последними из выявленных на настоящий момент по такой фундаментальной проблеме отношений СССР и СФРЮ, как советско-югославский конфликт 1948–1955 гг., материалов посольства СССР в Белграде. В следующем, 1991, году водоворот трагического распада Югославии окончательно отеснил этот сюжет из сферы актуального в разряд профессионального интереса историков.

Тем более интересна фиксация в записках В. В. Бондарева, Е. Егорова, Ю. Павловского и А. Ботяновского процесса последнего крупного перелома «исторической политики» социалистической Югославии. Речь идет о — разрыве с идеологическим наследием титовской

⁴⁵ Там же. Л. 118–119.

⁴⁶ Там же. Л. 119.

эпохи, его эволюции на протяжении 1990 г. от ревизии трактовки советско-югославского конфликта 1948–1955 гг. (с переносом центра тяжести с собственно противостояния Тито давлению Сталина на подавление самим Тито несогласных внутри собственной страны) до тотальной смены оценок всей деятельности Тито на сугубо негативную. Эта эволюция сопровождалась оформлением выраженного национального акцента критики личности пожизненного президента СФРЮ и его политики, постепенным институциональным отходом от культа этого лидера. Заслуживают внимание и отмеченные дипломатами различия этих изменений в республиках, ставшие одной из отправных точек формирования вариантов исторической политики уже постюгославских государств (Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении и Хорватии). В последнем случае обращает на себя внимание отмеченное тогда полное совпадение отношения к проблеме в Сербии и Черногории (кампания обвинений Тито во всех бедах сербского народа во второй половине XX в.), не пережившее последующего распада СРЮ как третьей Югославии и формирования исторической политики независимой Черногории.

K. B. Никифоров

«Особый путь» социалистической Югославии и постюгославских государств

В социалистической Югославии, по крайней мере на официальном уровне, господствовала гордая убежденность в совершенно уникальном развитии страны, не имевшем ничего общего не только с западными странами, но и со странами так называемого реального социализма.

Прежде всего такая убежденность зиждалась на «аутентичной революции», а не ее импорте из СССР на штыках Красной Армии, и, во-вторых, на реализуемой в Югославии концепции особого социалистического пути. Второе было самым важным. Югославские политические верхи и обслуживающие их обществоведы утверждали, что только Югославия после 1948 г. сумела освободиться от уз сталинского этатизма и первой пойти по пути, который предсказывали еще Маркс и Энгельс и по которому якобы неминуемо пойдут затем и все другие социалистические страны.

Этот путь был назван самоуправленческим социализмом. Именно самоуправление стало отличительной чертой югославского эксперимента, по сути — первой попыткой реформирования в рамках «реального социализма». Здесь югославы были первопроходцами, хотя в отдаленном виде это напоминало уже полностью забытые к тому времени идеи новой экономической политики (НЭП), апробированные в СССР в 1920-х гг.

Демократизм принятия решений при самоуправлении не подлежит сомнению. Однако с югославским самоуправлением не все так просто, как это долгие годы подавалось в югославских учебниках.

Во-первых, начинали югославские коммунисты с преобразований, которые полностью копировали те, которые осуществлялись в СССР. По скорости и радикальности внедрения большевистского опыта власти Югославии даже опережали другие страны Восточной Европы. Затем, на самом деле, случился поворот к самоуправлению, причем с действительными и мнимыми сталинистами в своих рядах югославское руководство боролось сталинскими же методами. Сеть информаторов и доносчиков составляла, по некоторым данным, около 2 млн человек. В борьбе со сторонниками Информбюро в Югославии было арестовано более 55 тыс. человек, (около половины из них — в Сербии)¹. Причем зверская система обращения с заключенными в самом известном лагере — Голом острове (Голи-Оток) — была цинично названа тюремщиками «самоуправлением» и «само воспитанием».

Во-вторых, демократический потенциал самоуправления изначально «противоречил истинной природе югославского авторитарного режима, монополии коммунистической “номенклатуры” на власть и сохранению общественной собственности в доминирующей части экономики»². Югославский лидер Й. Броз Тито ничем не отличался от других коммунистических вождей и также опирался на всесильную тайную полицию и систему привилегий для своих. Например, для высоких партийных и государственных работников в Югославии была создана сеть закрытых распределителей. В Белграде работал знаменитый «дипломатический магазин», обслуживавший членов ЦК компартии и правительства, а также иностранных дипломатов высококачественными товарами по низким ценам. Подобная система существовала во всех соцстранах. В СССР, в частности, это были закрытые распределители, а также сети магазинов «Торгсин» в 1930-е и «Березка» в 1970–1980-е гг.

Причем, совсем не случайно «“антисталинистский социализм” определился в пользу “непосредственной демократии”. Большинство авторитарных и тоталитарных режимов, люто враждую с демократией представительной, проявляют понятную склонность к демократии непосредственной, где возможности манипуляции массами

¹ Димић Љ. Историја Српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 341.

² Кандель П. Югославский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 103.

гораздо шире. По этим причинам самоуправление неизбежно принимало псевдодемократические формы»³. Кстати, и Советы в СССР изначально были органами не представительной, а скорее прямой митинговой демократии. В дальнейшем Советы служили ширмой для партийной власти и одновременно лицемерно противопоставлялись «буржуазному парламентаризму» и системе разделения властей.

В-третьих, югославское толкование самого термина «самоуправление» было чрезмерно расширительным. В реальной жизни никакого «социалистического самоуправления», непосредственной демократии снизу доверху и во всех сферах тоже не существовало. Один из немногих осмелившихся на критику режима С. Стоянович спрашивало отмечал, что югославскую ситуацию «характеризует децентрализованный и отчасти либерализованный этатизм, в котором самоуправление ограничено рабочим местом и неполитическими вопросами»⁴. По-видимому, иначе и быть не могло: опыт показывает, что реальное самоуправление возможно лишь на низшем и местном уровне. Впрочем, это ни в коем случае не отменяет ценности самоуправления для общественного развития.

Наконец, самоуправленческие реформы были ограничены во времени. Для югославских властей крайняя необходимость в них была в период острой фазы советско-югославского конфликта. После нормализации отношений в середине 1950-х гг. нужда в самоуправлении заметно снизилась. Конечно, оно уже стало визитной карточкой югославского режима, и полностью от него не отказывались. Но оно «с временем бюрократизировалось и становилось неэффективным»⁵.

Наиболее решительная попытка преодолеть присущие социалистической экономике проблемы случилась в Югославии в 1964–1965 гг., когда начали проводиться самые радикальные реформы за время всего самоуправленческого эксперимента. Это был своего рода пик самоуправленческого развития страны. Одновременно расширились возможности для общественных дискуссий, для свободы самовыражения в литературе, живописи, философии. Именно тогда появились «черная волна» в литературе и кинематографе и течение «новых левых» в философии, группировавшихся вокруг журнала

³ Там же.

⁴ Stojanović S. Sadašnja jugoslovenska kriza i neophodnost političkih reformi // Sociološki pregled. 1986. G. 20. Br. 1/2. S. 83.

⁵ Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. Zagreb, 2008. S. 469.

«Praxis». Философы еще не занимались вопросами многопартийной системы и отдавали предпочтение некой социалистической «непартийной демократии» через различные самоуправленческие организации⁶.

Необходимо отметить, что это было временем попыток преобразований и в других европейских социалистических странах⁷. В частности, именно тогда в СССР задумывалась так и не состоявшаяся реформа А. Н. Косыгина. В Чехословакии чуть позже случилась Пражская весна — самая известная попытка доказать возможность существования «социализма с человеческим лицом». Тогда же в Советском Союзе проявилось особое течение среди интеллигентов, которых назвали «шестидесятниками», обличителей недостатков власти, но еще не режима в целом, критиков Сталина, но не Ленина. Тогда же зародилось такое протестное явление, как инакомыслящие (или диссиденты как их крайняя и организованная составляющая). Начало диссидентского движения в СССР обычно связывают с процессом писателей А. Синявского и Ю. Даниэля в 1965 г.⁸ Но диссиденты были не только в СССР, но и во всех странах «реального социализма», включая и Югославию (М. Джилас, М. Михайлов и др.)⁹.

Подчеркнем, что с этого момента развитие Югославии, несмотря на все своеобразие, опять шло синхронно с остальным европейским «социалистическим лагерем». Шло по одним и тем же законам и окончилось сходными процессами — застоем и крахом.

Напуганное Пражской весной советское руководство повело дело к сворачиванию любых преобразований у себя в стране. Ужесточились иерархические отношения внутри социалистического содружества. Именно к этому времени относится так называемая «доктрина Брежнева» — ограничение суверенитета стран социалистического содружества.

Аналогичные процессы происходили в Югославии. Кризисы, которые стали возникать в стране в конце 1960-х — начале 1970-х гг., ее

⁶ Николић К. Србија у Титовој Југославији (1941–1980). Београд, 2011. С. 263.

⁷ Подробнее см.: В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. ХХ в./ Отв. ред. Н. М. Куренная. М., 2011.

⁸ См., например: Никифоров К. В. Предисловие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е годы XX в. М., 2014. С. 7–12.

⁹ Подробнее см.: Цветковић С. Портрети дисидената. Београд, 2007.

руководство пыталось разрешить жестким подавлением всех несанкционированных выступлений и усилением цементирующей роли партии. Вместе с тем продолжилась политика децентрализации — переноса властных полномочий с уровня федерации на уровни республик. В частности, завершилась конституционная реформа, расширившая еще больше права республик и краев.

После этого самоуправление превратилось в некий «фетиш», догму, которую нельзя было критиковать. Вернее, критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие — считались враждебными. Импульсы прежних лет уже ослабли, а придать системе новое ускорение, найти новые резервы и возможности развития мешали идеологические шоры. Власть использовала старый идеологический багаж и все более оторванные от жизни схемы.

Сползание к застою началось в Югославии (опять сходно со странами «реального социализма») уже со второй половины 1970-х гг. Одной из наглядных черт этого застоя была формализация несменяемости власти Й. Броз Тито, который в 1974 г. по решению X съезда СКЮ и согласно статье 333 новой конституции СФРЮ стал пожизненным председателем и партии, и государства¹⁰. Тито все более чувствовал себя непогрешимым правителем, проводя больше времени за охотой, чем за решением государственных и партийных дел. Продолжались его официальные восхваления. В 1977 г. торжественно отмечалось 85-летие первого лица партии и государства и 40-летие его прихода к руководству КПЮ. Этот год официальной пропагандой был объявлен «годом юбилея Тито». В это же время в СССР формировался верхушечный культ «дорогого Леонида Ильича Брежнева».

В этот период эксперимент в Югославии был дополнен изобретением так называемых «организаций объединенного труда» и «деплегатской системы». Было заявлено, что тем самым самоуправление выходит за рамки предприятий (которым ранее в теории отдавалось предпочтение) и образует новые общественные отношения на основе объединенного труда. Однако новые теоретические построения были крайне запутанными, схоластическими, ни к какой непосредственной

¹⁰ Количество членов Президиума СФРЮ, согласно конституции 1974 г., было уменьшено с 23 до 9 человек: Тито + 8 (по одному представителю от 6 республик и 2 автономных краев).

демократии они не вели, зато серьезно затрудняли оперативное принятие экономических решений. Чтобы заставить новую систему работать, было издано огромное количество правовых актов. Но, несмотря на это, любой вопрос требовал многочисленных дополнительных согласований.

По поводу концепций «объединенного труда» и «делегатской системы» П. Е. Кандель не без основания пишет, что «все это формально выглядело как максимальная децентрализация процесса принятия решений и провозглашалось торжеством непосредственной демократии. В реальности же была создана громоздкая, преднамеренно усложненная система, ограничивающая самодостаточность предприятий и опутывающая их сетью добровольно-принудительных “общественных договоров и самоуправленческих соглашений”, при заключении которых ключевую роль играли органы власти и общественно-политические организации (читай партийные инстанции) <...> В этом и состояли подлинные цели нововведений: восстановить контроль политической бюрократии над хозяйственной, ставшей не в меру самостоятельной; создать систему многоступенчатых непрямых выборов с многочисленными фильтрами на всех ее этажах, позволявшую властям полностью гарантировать «нужный» результат избирательного процесса»¹¹.

Система самоуправления вылилась в Югославии в «пустые тирады о самостоятельном принятии решений трудящимися». На самом деле, «самоуправление на практике создало огромный бюрократический аппарат и препятствовало экономическому развитию, маскируя партийный контроль над всеми аспектами политической и экономической жизни»¹².

Повторим, что, как и в других соцстранах, такая система не могла эффективно работать. Возможно, единственной попыткой что-то изменить, придать новый импульс развитию югославского общества, могла стать получившая широкую известность книга Э. Карделя «Направление развития политической системы социалистического самоуправления», вышедшая в 1977 г. В работе вводилось новое понятие — «плурализм» интересов в социалистическом обществе. Однако

¹¹ Кандель П. Югославский «Вавилон». С. 104.

¹² Батаковић Д. Т., Протић М. Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 350.

трудно было говорить о каком-либо плюрализме в однопартийной и авторитарной политической системе¹³. В любом случае идеи, изложенные в статье Карделя, не получили никакого практического развития. Сам он вскоре заболел и умер в 1978 г. Через два года, в 1980 г., умер Й. Броз Тито, еще через два года, в 1982 г., — Л. И. Брежнев.

Все же при всем сходстве «реального социализма» и режима, сложившегося в Югославии, нельзя сказать, что югославские преобразования оказались совсем напрасными. «Повседневная частная жизнь среднего гражданина» в Югославии была «гораздо более сносной». «Большая автономия частной жизни, пока она не затрагивала политики, проявлялась в широких возможностях выезда за границу, в относительной свободе творчества, сравнительно либеральном цензурном режиме, свободе вероисповедания и менее репрессивном курсе по отношению к церкви, в фактической легализации забастовок». В то же время, «хотя все это в пропаганде и массовом сознании отождествлялось с “самоуправленческим социализмом”, собственно к самоуправлению имело лишь косвенное отношение. Дерзнувшее провозгласить себя альтернативой “советскому социализму”, оно в действительности оказалось лишь его более гибкой и несколько улучшенной версией»¹⁴.

После смерти Тито в Югославии начались процессы, снова в чем-то схожие с событиями в СССР, получившие в советском варианте название «перестройка». В первой половине 1980-х гг. в югославской публицистике, художественной и научной литературе поднялась волна критики против существовавшего порядка. Критике подвергались уже не отдельные перегибы, а югославский самоуправленческий социализм в целом, представавший фактически как разновидность сталинизма. Стала появляться и критика самого Тито. Причем процесс демократизации захватил в основном Сербию, в то время как Хорватия, другая ведущая югославская республика, выглядела оплотом догматизма. Отдаленно это можно было сравнить с процессами в РСФСР и на Украине.

¹³ Много позже власти Сербии до последнего момента боролись с введением многопартийности. Слободан Милошевич, его супруга Мира Маркович и новый идеолог режима Михайло Маркович развивали, в частности, идею о «демократическом беспартийном плюрализме». Якобы для Югославии это было бы предпочтительнее многопартийности. Но нельзя было остановить неизбежное.

¹⁴ Кандель П. Югославский «Вавилон». С. 103.

Нужно сказать, что Югославия во время «холодной войны» пыталась стать лидером стран «третьего мира», организовав так называемое «движение неприсоединения». Авторитет страны поддерживался и тем, что «доктрина самоуправления десятилетиями привлекала западных интеллектуалов левой ориентации как важная инновация в социализме»¹⁵. Напротив, в Советском Союзе, даже несмотря на нормализацию межгосударственных отношений, югославское самоуправление долгие годы трактовалось как анархо-синдикализм, или ревизионизм. Однако в начале горбачевской перестройки на короткое время оно неожиданно стало почти образцом общественного развития, альтернативой административно-командной системы «реального социализма».

Приведем выдержки из двух публицистических работ того времени известных отечественных политологов. Так, Ф. Бурлацкий считал, что «государственный социализм» должен преобразовываться «в новую форму, которую условно можно было бы назвать “общенародным самоуправляемым социализмом”»¹⁶. Ему вторил В. Киселев, который полагал, что «надо вернуться к пониманию социализма как самоуправляемого общества»¹⁷. Причем такой поворот в трактовке самоуправления произошел тогда, когда в самой Югославии самоуправление уже стало подвергаться все большей критике и даже отвергаться.

Экономический и политический кризисы, охватившие Югославию в 1980-е гг., все время отягощались событиями в Косово, где положение сербского населения неуклонно ухудшалось. И именно события в Косово в решающей степени повлияли на то, что общеюгославский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше заменялся национальными мотивами. Если раньше многие из оппозиционеров, включая Добрицу Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как прежде всего механизм для подавления всего сербского.

Тогда же на политической сцене в Сербии появился Слободан Милошевич — главное действующее лицо сербской истории 90-х гг.

¹⁵ Батаковић Д. Т., Протић М. Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. С. 350.

¹⁶ Бурлацкий Ф. Какой социализм народу пужен // Литературная газета. 1988. 20 IV.

¹⁷ Киселев В. Возвращаясь к ленинским принципам // Московская правда. 1988. 9 II.

ХХ в. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республике¹⁸.

Можно сказать, что режим, уже рухнувший в странах Восточной Европы, в Сербии «с приходом к власти Слободана Милошевича, переживает возрождение и вновь основательно утверждается». Любопытно, что «партия, правившая в течение 40 лет, ухитрилась посредством нового, как тогда говорили “очищенного”, руководства стать одновременно и властью, и оппозицией»¹⁹. И именно это придало режиму заметную устойчивость.

В конце 1988 г. Милошевич с помощью в значительной степени инспирированных акций протesta против местной бюрократии смог заменить руководство в Воеводине и Черногории на своих ставленников. Аналогичные попытки делались в Боснии и Герцеговине, но они провалились. Эти перевороты получили название «антибюрократических революций». Но, конечно, они не имели ничего общего с трансформационными революциями конца 1980-х гг. в Восточной Европе. Повторим, что в то время, когда везде в Восточной Европе коммунизм доживал последние дни, старый режим в Сербии под лозунгом «антибюрократических революций», оседлав во многом национальную волну, сумел еще раз утвердиться у власти.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии подпитывался параллельным ростом национализма в северо-западных республиках — Словении²⁰ и Хорватии. Это накладывалось на быстрое ухудшение состояния югославской экономики. Премьерминистр страны известный экономист-практик из Хорватии А. Маркович предложил пакет мер по оздоровлению ситуации. Первые

¹⁸ Димић Љ. Историја српске државности. С. 450–451, 454.

¹⁹ Стоянович Д. Порочный круг сербской оппозиции // Сербия о себе. М., 2005. С. 117. Подробнее см.: Jović D. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb, 2003. S. 423, 430, 449.

²⁰ По мнению Д. Йовича, словенский национализм был таким же сильным, как сербский. Причем, как и в Сербии, словенское руководство постепенно становилось более терпимым к своей оппозиции, и, в конце концов, в республике образовался своего рода всесловенский блок. Как и в Сербии, словенские коммунисты смогли стать одновременно и властью, и оппозицией (Jović D. Jugoslavija. Država koja je odumrla. S. 423, 430, 449).

результаты реформы оказались на удивление успешными. Однако времени для завершения начатого у Марковича уже не было.

Под давлением событий в Советском Союзе и других странах восточного блока, а также в результате своего собственного кризисного развития югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Они проходили с весны до конца 1990 г. и в четырех из шести югославских республиках сыграли роль «бархатных революций», поскольку покончили с правлением коммунистов. Во многих советских республиках никаких революций также изначально не было, в отличие от России, где произошло два революционных потрясения подряд — в 1991 и 1993 гг.

По результатам многопартийных выборов югославские республики типологически разделились попарно на три группы. В Словении и Хорватии коммунистов победили демократические, национально ориентированные силы; в Боснии и Македонии к власти вместо коммунистов пришли разношерстные хрупкие коалиции, а в Сербии и Черногории многопартийные выборы прошли под контролем старых властей, сумевших сохранить свое доминирующее положение в обществе и государстве²¹. Но и они были вынуждены приступить к преобразованиям.

Процесс трансформации начался и здесь, однако в условиях сохранения старой властной номенклатуры, а затем и антисербских санкций шел крайне медленно, непоследовательно и с большими извращениями. В Сербии, в отличие от прошлых лет, все-таки существовала, хотя и деформированная, многопартийная парламентская система, полусвободная пресса, оппозиция периодически могла проводить акции протеста, принимавшие зачастую массовый характер. В то же время власть и правящая партия полностью контролировали армию, полицию, в значительной степени экономику (прежде всего денежные потоки), средства массовой информации (особенно телевидение) и т. п. Можно сказать, что в Сербии существовал режим личной власти с элементами парламентаризма. Сходные процессы происходили и в Черногории. Впрочем, до 2006 г. Сербия и Черногория составляли одно государство — Союзную Республику Югославии (СРЮ), а затем — государственное сообщество Сербию и Черногорию (СиЧ).

²¹ Отмеченное разделение постюгославских государств на три пары оказалось довольно стойким. В целом оно сохранилось и в «нулевые», и в «десятые» годы XXI в.

В результате постсоциалистической трансформации в Словении фактически сложилась двухпартийная система, когда партии, олицетворяющие более левые и более правые силы, попеременно сменяют друг друга у власти. Известно, что двухпартийная система характерна для устойчивых демократий, это справедливо и для Словении. И если правое политическое крыло в этой стране было представлено в основном Словенской демократической партией, то на левом фланге смена основных политических сил происходила чаще. Причем левые партии больше времени находились у власти и избиратели успевали от них устать.

В Хорватии в условиях войны и послевоенной неурядицы сложились авторитарный режим президента Ф. Туджмана и однопартийное правление основанной им партии — Хорватского демократического содружества (ХДС). Однако после его смерти ХДС отходит от прежних радикальных позиций, и в Хорватии, как и в Словении, складывается обычная двухпартийная система. К власти приходят уже не только правые — ХДС, но и более левые — социал-демократы. Они находились у власти с 2000 по 2003 и с 2011 по 2015 гг. Это были, соответственно, кабинеты И. Рачана и З. Милановича.

В то же время политическая система Сербии еще до конца не устоялась. Тому были серьезные причины. Сербия несколько раз меняла свою государственность, последовательно находясь в составе СФРЮ, СРЮ, СиЧ и, наконец, не только разделилась с Черногорией, но и потеряла управление над частью своей территории после одностороннего провозглашения независимости Косово. Сербия подверглась жесточайшим санкциям и прямой агрессии, испытала войны в соседних государствах и у себя дома. В результате в стране все еще ощущается явная персонификация власти. Личным качествам руководителя партии или представителя власти придается большее значение, чем идеям и ценностям, которые он отстаивает. А сами партии часто отражают лишь интересы небольших групп, которые их непосредственно возглавляют. Постюгославская история Сербии связана не столько с борьбой партий и идей, сколько с именами С. Милошевича, В. Коштуницы, З. Джинджича, Б. Тадича и А. Вучича.

В Черногории после первых многопартийных выборов и дальнейшего развития власть оказалась даже еще более персонифицированной, чем в Сербии. Фактически все эти годы в стране правила одна политическая сила — Демократическая партия социалистов

(реформированный Союз коммунистов Черногории) и один политик — М. Джуканович (вначале вместе с М. Булатовичем, а затем единолично). Интересы страны были во многом подчинены интересам этого политика и его ближайшего окружения.

Война в Боснии и Герцеговине была прекращена прямым военным вмешательством западных посредников, которые продолжали контролировать всю жизнь этого государства и после заключения мира. Вмешательство извне было настолько мощным, что государство потеряло значительную часть своего суверенитета, превратившись фактически в протекторат «Дейтонская Босния». В то же время западные посредники все же не до конца реализовали свои планы. Даже через двадцать лет после Дейтона во главе всех трех национальных общин страны остаются национально ориентированные партии, только в Республике Сербской эту роль вместо Сербской демократической партии стал играть Союз независимых социал-демократов во главе с М. Додиком. Главная неудача западных посредников — само существование Республики Сербской.

Наконец, за годы независимости в Македонии в целом также сложилась двухпартийная система — к власти попеременно приходили то более левые социал-демократы, то более правые и национально ориентированные представители партии ВМРО-ДПМНЕ (Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство). Правительственную коалицию с ними составляла также попеременно одна из двух «албанских партий», получавших за это министерские и парламентские посты. Однако стабильности такая система все же не принесла. Постюгославское развитие оказалось для Македонии чрезвычайно сложным. Даже официальное название страны носило временный характер — Бывшая Югославская Республика Македония. Не удалось избежать Македонии и межэтнических конфликтов. Военное противоборство с албанским меньшинством было остановлено только после вмешательства извне. Новая конституция страны также писалась не в Македонии. Причем изменения в государственном устройстве, безальтернативно навязанные западными посредниками, были столь существенными, что страна превратилась в качественно иное государственное образование — в Охридскую Македонию. В этом смысле Македония повторила путь Дейтонской Боснии. Наконец, именно посредниками было навязано новое название страны — Северная Македония.

В целом можно сказать, что после первых многопартийных выборов, несмотря на отмеченные различия, югославские республики развивались однотипно и в общем русле с другими восточноевропейскими постсоциалистическими странами. Не было ничего экстраординарного даже в череде гражданских войн на территории бывшей Югославии, которые сопровождали распад федерации. Достаточно вспомнить военные конфликты на постсоветском пространстве в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, две чеченские войны, военные действия в Донбассе. Общим было и то, что вакуум, образовавшийся на востоке Европы после краха bipolarного мира, стал постепенно заполняться НАТО и Евросоюзом.

Надо отметить, что по сравнению с другими европейскими социалистическими странами «бархатная революция» в Сербии задержалась на десять лет и произошла только в 2000 г. Тогда в Белграде случилась революция, которая не только завершила период «бархатных революций», но и открыла череду новых революционных потрясений на постсоциалистическом пространстве Европы — так называемых «цветных революций».

«Цветные», или «электоральные», революции начала XXI в. призваны, во-первых, доделать то, что не было доделано «бархатными революциями» 1989 г. Именно поэтому они и происходили в относительно менее развитых государствах. Во-вторых, «цветные революции» нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации, «приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на дальнейшее развитие»²².

«Цветные революции» можно назвать вторым изданием «бархатных революций», они происходили в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных революций». Точно по сербскому сценарию произошли затем «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» и «Евромайдан» на Украине и т. п. В любом случае события 1998 г. и начала XXI в. — явления одного порядка и их можно объединить под названием «трансформационные революции».

²² Рябов А. Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra, 2005. Т. 9. С. 19–20.

Таким образом, на наш взгляд, югославский эксперимент не так уж сильно отличался от практики построения социализма в странах «реального социализма». Опять же мы не видим ничего эксклюзивного и в постсоциалистическом развитии югославских государств. Они решали одни и те же задачи с другими бывшими социалистическими странами. В разных сочетаниях отдельные черты политической системы постюгославских государств можно найти сегодня в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

H.M. Куренная

Венгерская версия советской модели соцреализма

Недолгое существование социалистического реализма в культуре стран, входивших в советский блок, в частности Венгрии, имеет смысл предварить кратким экскурсом в историю зарождения и формирования отечественной модели этого литературно-художественного направления, ставшей основным прототипом и образцом для его приверженцев.

Генеральная цель любой культуры как некой совокупности характерных черт и приемов, распространяемых в той или иной степени на все ее сферы, заключается в формировании соответствующих идеалов и символов с целью воздействовать на главный объект культуры — человека. Цели и задачи культуры были теми же самыми, что и в предшествующие эпохи. По существу, она должна была стать новым духовным ядром для многонациональной страны.

Анализируя эстетические особенности культуры соцреализма, следует учитывать общественную функцию этого явления, которая привлекала большее внимание исследователей, нежели его художественные черты. Рассуждая об основах русского коммунизма, Н. А. Бердяев писал: «Нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание, нужны скрепляющие символы. В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах»¹. При этом необходимо было принимать во внимание и предрасположенность русской народной культуры к символизации и сакрализации.

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 99.

Зарождение и формирование социалистического реализма в СССР проходили синхронно с процессом сталинской модернизации, отмеченной массовым переходом большинства населения к городскому образу жизни. Этот переход, равно как и процесс социальной адаптации, сопровождался многочисленными драматическими ситуациями, а нередко и подлинными человеческими трагедиями. Соцреалистическая культура и, в частности, литература как ее часть в значительной степени была призвана, с одной стороны, смягчить этот процесс, представить цели нового общества посредством описания типичной судьбы многочисленных литературных героев, через трудности, но оптимистично проходящих непростой путь к общей цели, провозглашенной коммунистической партией, — построению социализма. С одной стороны, подобные произведения способствовали идентификации читателя с вымышленными персонажами через описание совпадавших вех и событий в их судьбах, с другой же — новое литературное направление, названное художественным методом в начале 1930-х гг., обслуживало и пропагандировало новые идеологические цели.

В 1932 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Этот документ формулировал задачу «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем; провести аналогичное изменение по линии других видов искусства...»². Создававшемуся на основе постановления Союзу советских писателей предстояло стать своеобразным министерством, призванным определять и контролировать творческие ориентиры литераторов. По существу, попали под запрет разнообразные художественные направления, объединения, группы, отныне единственно правильным и плодотворным в художественной практике признавался метод соцреализма. В 1934 г. в Москве состоялся Первый съезд советских писателей, который окончательно закрепил за социалистическим реализмом главенствующее место в литературном «рейтинге». На съезд были приглашены зарубежные писатели, как известные, так и никому не знакомые, симпатизировавшие социалистическим идеям и СССР. С этого времени

² Партийное строительство. 1932. № 9. С. 62.

и на протяжении более чем четырех десятилетий соцреализм наряду с воспитательными целями, формированием нового типа сознания, исполнял роль проводника целеполагающих идей существующего политического строя и его охранителя. Начальный период в развитии социалистического реализма в литературе был отмечен не только формированием его теоретической литературоведческой базы, но и появлением многочисленных произведений различного художественного достоинства, с энтузиазмом воспевавших мудрую политику власти, прежде всего Сталина, и социалистический путь, по которому шла страна. Однако надо признать, что методологические основы эстетики соцреализма и ее характер были не до конца ясны даже основателям нового метода и его многочисленным приверженцам. Так, известный прозаик К. А. Федин на II съезде советских писателей в 1954 г. на вопрос французской писательницы Эльзы Триоле, что же такое метод социалистического реализма, сетовал: «От нас ждут рецептуры! И что удивительно, чем больше зарубежный писатель говорит о том, что искусство свободно, а мы, советские писатели, нивелируем искусство и регламентируем его, тем более он настойчив и даже агрессивен в своем требовании, чтобы мы, в конце концов, дали ему совершенно точный ответ — что же такое социалистический реализм и как этим методом надо оперировать! Рецептами искусство не создается»³.

За весьма короткий срок, уже к началу Великой Отечественной войны, в СССР удалось создать основы массовой культуры с присущими ей «элементарными символами» и «идеологическим наполнением», что негативно отразилось на ее художественном уровне. К тому же, как подчеркивала известная исследовательница проблем социальной философии Н. Н. Козлова, массовые движения (в нашем случае — приобщение к новой культуре подавляющей части населения страны) «всегда сопровождаются архаизацией сознания, отбрасывают его назад и упрощают»⁴.

Разделяя мысль известного венгерского философа и литературоведа Дьёрдя Лукача о том, что каждая эпоха сама устанавливает и определяет круг выразительных средств, необходимых для ее глубокого и адекватного познания, можно утверждать, что

³ Федин К. Писатель, искусство, время. М., 1957. С. 427.

⁴ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности (Голоса из хора). М., 1996. С. 39.

построенная на партийно-идеологическом фундаменте советская модель соцреализма с присущей ей простотой языка, оптимистическим содержанием и другими специфическими чертами была в свое время востребована массовым читателем. Вспомним хотя бы о феномене книги Николая Островского «Как закалялась сталь», который был характерен не только для СССР. Российский литераторовед Г.Я. Ильина отмечала, что «книга стала катехизисом для революционеров разных стран»⁵. В Югославии накануне Второй мировой войны «Как закалялась сталь» была отпечатана на гектографе, а в мирное время вышла массовым тиражом и была включена в круг обязательного чтения омладинцев (членов Союза социалистической молодежи) как документ эпохи, отразивший образ мысли и эмоциональный настрой советских людей, особенно молодого поколения.

Начиная с 1948 г. в странах, вошедших в сферу влияния Советского Союза, создавались национальные союзы писателей по советскому образцу, с партийным управлением и жесткой дисциплиной. Соцреализм был возведен в ранг единственной возможной культурной программы, с помощью которой в недалекой перспективе достигалась бы духовная власть над обществом. Рубеж 1940–1950-х гг. в развитии литературы, и шире – культуры народов Восточной Европы – был отмечен размахом «социалистической унификации», которая заключалась в утверждении нового символического порядка мира через разнообразные виды текстов, главным из которых был вербальный. Заимствованная советская идеология и жесткие методы руководства творческим процессом (вплоть до указаний, в каких романах жанрах, в какой стихотворной форме следует писать) на рубеже 1940–1950-х гг. вызывали, с одной стороны, молчаливое неприятие подобного диктата большинством писательского сообщества, с другой же – «консервацию» привычного литературного стиля среди той части литераторов, которые, вернувшись на родину из эмиграции, большей частью из СССР, пропагандировали и воспевали далеко не однозначные политические и экономические инициативы власти. Правящие партии возлагали на писателей задачу убедить

⁵ Ильина Г. Я. Николай Островский «Как закалялась сталь» – Слободан Селенич «Мемуары Перо-калехи» // Знакомый незнакомец: социалистический реализм как историко-культурная проблема /Отв. ред. Н. М. Куренная. М., 1995. С. 49.

массы в безусловной правоте своих решений, рассчитывая тем самым силовые приемы «построения социализма» подкрепить мощной пропагандистской кампанией, в которой одна из ведущих ролей отводилась литературе. Поэтому руководство не скучилось на ассигнования на культуру: щедро финансировались печать, писательские союзы, раздавались премии и почетные звания, писатели, поддерживавшие режим, окружались знаками внимания⁶. Однако результаты этих «вливаний» не приводили к значительным в художественном отношении результатам, скорее наоборот. Например, в поэзии утверждение соцреалистического стиля выразилось в повороте от лирической интонации к воспеванию партийных вождей, передовиков производства, социалистического образа жизни, причем преимущественно таких его сторон, как самоотдача и энтузиазм. По существу, это были риторические стихотворения, авторы которых использовали идеологические призывы, лозунги, стереотипные обобщения, подменявшие поэтическую мысль и лирическое настроение. Уже в 1949 г. один из идеологов правящей Венгерской партии трудящихся Миклош Хорват заявил, что главное направление венгерской литературы и круг основных тем определены пятилетним планом (!). В начале 1950-х гг. венгерская культурная политика испытывала деятелей литературы и искусства на прочность: сильнейшее идеологическое давление сопровождалось жесткими политическими репрессиями. В этой связи не удивительно, что многие венгерские писатели и поэты замолчали, другие же, не имея возможности публиковаться, писали «в стол».

В Венгрии, как и в других социалистических странах, литераторам отводилась роль проводников стратегических целей партийных властей. Однако следование канонам соцреализма не смогло на долго «вписаться» в венгерскую историко-культурную парадигму. Уже к середине 1950-х гг. массовый энтузиазм, вызванный политическими, социальными и экономическими послевоенными преобразованиями, пошел на убыль, а вместе с ним и интерес к агитирующей за социализм литературе с ее приевшимися мотивами и сюжетами, воспевающими трудовой героизм и будни, наполненные оптимизмом, не подкрепленным житейской практикой.

⁶ История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: в 2-х тт. / Отв. ред. В. А. Хорев. Т.1. 1945–1960. М., 1995. С. 24.

Десятилетие 1948–1958 гг. стало временем создания самых одиозных соцреалистических художественных произведений, в том числе и поэтических. Литературовед В. Т. Середа с полным основанием констатировал: «Страницы романов и очерковых книг заполнили персонажи зачастую явно надуманные: плакатные образы передовиков производства, саботажники и вредители, кулаки, подрывающие успехи кооперации... Лишь незначительной части прозаиков удалось в эти годы устоять перед искущением приукрасить действительность, воспользоваться предлагаемыми рецептами официальной идеологии. В основном это были писатели старшего поколения, которые обращались в своих, главным образом автобиографических, произведениях к недавнему прошлому Венгрии»⁷. Справедливости ради следует отметить, что в соцреалистических произведениях не часто, но все же прорывалась живая, непосредственная реакция общества на те или иные социально-политические преобразования. Ей сопутствовала осторожная критика, встречались описания драматических, а иногда и трагических коллизий повседневности.

Определенное место в литературном пространстве венгерского соцреализма занимали произведения писателей-эмигрантов, оказавшихся после поражения революции 1919 г. за рубежом, в том числе и в СССР. Вернуться на родину они смогли только после окончания Второй мировой войны. В их числе всемирно известный философ, теоретик и историк литературы Дьёрдь Лукач, писатели Бела Иллеш, Бела Балаж, Йожеф Лендел, Антал Гидаш, критик Йожеф Ревай и др. Они принесли с собой литературный опыт, основанный на эстетике социалистического реализма, имевшей гибридный, художественно-идеологический характер. Писатели-эмигранты после возвращения в Венгрию принимали активное участие в организации и структурировании нового литературного ландшафта. С их ранее малоизвестными художественными произведениями смогли ознакомиться венгерские читатели. Однако популярность этих книг была относительна невелика. Значительным исключением стали публицистические и теоретические работы Лукача, определившие высокий научный уровень венгерского литературоведения, на протяжении многих лет находившиеся в центре политической и культурной жизни Венгрии.

⁷ Середа В.Т. Венгерская литература //История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. С. 425.

Лекции Лукача, пишет В. Т. Середа, его статьи в печатных органах компартии, а также книги «Ответственность пишущих» (1945), «Литература и демократия» (1947, 1948), «Проблемы реализма» (1948) и др. «отражали гибкое понимание специфики творчества, оставлявшее писателям достаточно широкое поле для идеологической свободы. Во взглядах Лукача на искусство сохранялась преемственность с той позицией, которую он занял еще четверть века назад, в период своего краткого пребывания на посту наркома просвещения Венгерской советской республики»⁸.

Д. Лукач на протяжении всей жизни исследовал феномен литературных течений, стилей, жанров, в том числе разновидностей реализма — классического и социалистического. Его теоретические работы в значительной степени расширили горизонты современного литературоведения, однако марксистское мировоззрение Лукача,ложенное в их основание, со временем способствовало утрате к ним широкого интереса современными исследователями. Разработанная Лукачем еще в 1930-е гг. теория реализма несла с собой и неизбежные упрощения. По его глубокому убеждению, запросам времени отвечали демократические идеалы классического «высокого реализма», способного отразить реальность во всей ее живости и полноте, в динамичной подвижности ее существенных черт и противоречий.

В целом роль работ Лукача для развития литератур всех стран народной демократии довольно велика. Это объясняется изложенным в них взглядом философа на гносеологический, а не классовый характер литературы. Лукач отвергал оценки того или иного литературного произведения в зависимости от приверженности автора определенному направлению в литературе. Несомненно, его теоретические работы спасали многих литераторов от «идеологической зашоренности», раздвигали перед ними ограниченный соцреализмом литературный горизонт, призывали к тематическому и жанровому многообразию.

Существует мнение, что венгерский «извод» соцреализма появился, что называется, на пустом месте, исключительно под воздействием политических, а не литературных факторов. Однако в межвоенный период именно литературно-теоретические работы Лукача заложили определенный теоретический фундамент этого литературного направления,

⁸ Там же. С. 413.

сформировали основные его принципы. И не вина Лукача и его единомышленников, что теория оказалась весьма далека от практики не только в Венгрии, но и в других социалистических странах. В СССР соцреализм как литературная монополия, как обязательный для литераторов творческий метод быстро «устарел», выполнив, возложенную на него властями предержащими художественно-идеологическую миссию. Дальнейшее его существование поддерживали, как правило, авторы художественно слабых, малозначительных произведений. К 1948 г. в СССР пик общественного интереса к соцреализму и дискуссий вокруг него был пройден. Даже в печально известном по становлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946), в котором уничижению были подвергнуты А. Ахматова и М. Зощенко, ни разу не был упомянут соцреалистический метод.

Однако соцреализм как культурно-идеологическая доктрина имел продолжение на новом, послевоенном, историческом витке в странах, вставших после 1948 г. на социалистический путь развития. Был ли закономерным этот выбор, самостоятельным или принесенным – вопрос скорее риторический, но значение соцреализма как своеобразного идеологического механизма, в течение определенного времени способствовавшего поддержанию трудового энтузиазма, чувства особой миссии строителей социализма, очевидно.

Представляется, что причины короткой истории венгерской модели соцреализма, отмеченной незначительными художественными достижениями, кроются отчасти и в том, что недолгим оказался в Венгрии и сам век государственного управления с тоталитарными признаками. При других обстоятельствах, например, схожих с советскими, повсеместное распространение определенных признаков этого метода в различных областях жизнедеятельности венгерского общества – от художественной практики до примет повседневной жизни, стало бы обязательным. К тому же для создания «большого стиля», схожего с советским образцом, и его идеологического структурирования требовалось время, резерва которого в венгерской истории по различным причинам не оказалось. Нельзя не учитывать и предшествующий литературный опыт отцов-основателей соцреализма, начавших свой творческий путь еще в хортистской Венгрии, имевших навык сосуществования в пространстве буржуазной культуры с разнообразными течениями и стилями – от классического реализма до модернизма и авангардизма.

Кардинально новый этап в практике и дальнейшем развитии теории соцреализма наступил после XX съезда КПСС (1956). Если на протяжении 1930–1950-х гг. литературоведы пытались обозначить и определить место каждого опубликованного произведения с позиций канона соцреализма, то уже в 1960-е гг. литературоведение пыталось приспособить теорию к выбывающей из канонических рамок художественной практике. Многие произведения только名义ально, с очень большой натяжкой можно было назвать соцреалистическими.

В одной из своих последних значительных работ «Социалистический реализм сегодня» (1964) Д. Лукач также попытался наметить новые пути соцреализма, которые могли бы способствовать появлению заметных в художественном отношении произведений. Поводом для написания этой литературоведческой работы стал рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Одновременно с детальным рассмотрением этого произведения, его языка, структуры, символического смысла и документального содержания венгерский ученый предпринял попытку эволюционного анализа литературы социалистического реализма. Он с горечью констатировал, что соцреализм, вследствие практики сталинской эпохи, даже в социалистических странах является объектом насмешек⁹. По мнению Лукача, «подлинный стиль строится на том, что писатели подмечают в жизни такие специфические формы движения и структуры, которые наилучшим образом характеризуют эту жизнь»¹⁰. Следуя этому выводу венгерского философа, можно говорить о том, что бесспорность утверждения о соцреализме как о «подлинным стиле», единственно соответствующем состоянию общества в пространстве социалистической культуры, ошибочна.

Однако социалистический реализм — явление не одномерное, более того — многогранное. Вопреки декларативным утверждениям идеологов соцреализма о его принципиально новом качестве, не имеющим ничего общего с предшествующей историей, оказалось, что для того, чтобы существовать и иметь своего «потребителя», недостаточно было «приказов» и «указов»; жизнь литературы, и шире — культуры,

⁹ Электронный ресурс. URL: https://scepsis.net/library/id_693.html (дата обращения: 11.08.2019).

¹⁰ Ibid.

не может прерываться и начинаться по желанию и ради блага даже «новых людей». Родство соцреализма со своими предшественниками привело к тому, что он, в частности, задействовал арсенал средств, жанров, систему мотивов предшествующих эпох даже тогда, когда настойчиво пытался дистанцироваться от них. Соцреализм советского образца наследовал, например, революционному романтизму, что сказалось в выстраивании героических характеров, отчасти — эпохе Просвещения, с характерным для нее дидактизмом.

Социалистический реализм развивался от идеологического диктата на начальном этапе своей истории, бывшего и обязанностью, и «пропуском» к своему массовому «потребителю» (читателю, слушателю, зрителю), к сакральному образцу с особой терминологией, лишенной конкретных примет, особенностей и содержательной специфики. Разнообразные модификации демонстрировал соцреализм в национальных литературах бывших социалистических стран. На примере его венгерской модели, зародившейся на иной историко-культурной почве, нежели советская матрица, можно говорить о том, что подобный литературно-идеологический «импорт» потерпел полный крах. В истории национальной культуры он остался полузабытым, неудавшимся экспериментом, не сыгравшим сколько-нибудь значительной роли ни в литературной практике, ни в теории.

Список сокращений

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ОЗП	Особые закрытые письма
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
AJ	Arhiv Jugoslavije
DAMSPRS	Diplomatski arhiv Ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije
MNL OL	Magyar Nemzet i Levéltár Országos Levéltára
SNA	Slovenský národný archív

Сведения об авторах

АНИКЕЕВ Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

ВОЛОБУЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН

ГУСЬКОВА Елена Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

ЕДЕМСКИЙ Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

ЗАЙЦЕВ Александр Вячеславович — главный специалист Государственного архива Российской Федерации

КИМУРА Каори — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь Института славяноведения РАН

КУРЕННАЯ Наталия Михайловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

НИКИТИН Виктор Викторович — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

НИКИФОРОВ Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН

НОВОСЕЛЬЦЕВ Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

СЕЛИВАНОВ Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории исторического факультета Курского государственного университета

СИЛКИН Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

ЭНГЕЛЬГАРДТ Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Moscow and Eastern Europe. National models of Socialism in the countries of the region (1950s – 1970s). Formation, features, modern assessments. Collection of articles / Editorial board.: Anatoly S. Anikeev (Ed. in Chief), Tatiana V. Volokitina, Aleksandr S. Stykalin. Moscow; St. Petersburg.: Nestor-Istoriya, 2019.

The collection of articles examines a wide range of issues related to the formation and implementation attempts of national models of Socialism in the countries of Eastern Europe, it focuses on historical traditions, lifestyle and mentality of the people. In comparison with the basic Soviet model, it considers their similarities and differences, evolution of the ideology and practice of national Socialism, the nature of relations with the hierarchical centre and so on. Special attention is paid to the Yugoslav practice of building Socialism as an alternative to the Soviet experience. The authors study the development of the Yugoslav concept of self-government, its practical implementation from the 1950s to the 1970s as well as perception of this model in the countries of the region.

Научное издание

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.
Национальные модели социализма в странах региона
(1950–1970-е гг.)
Формирование, особенности, современные оценки

Сборник статей

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *П.К. Донской, И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 29.01.2020. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18
Тираж 500 экз. Заказ № 2005

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

ISBN 987-5-4469-1634-4

A standard linear barcode representing the ISBN number 987-5-4469-1634-4.

9 785446 916344

inlav